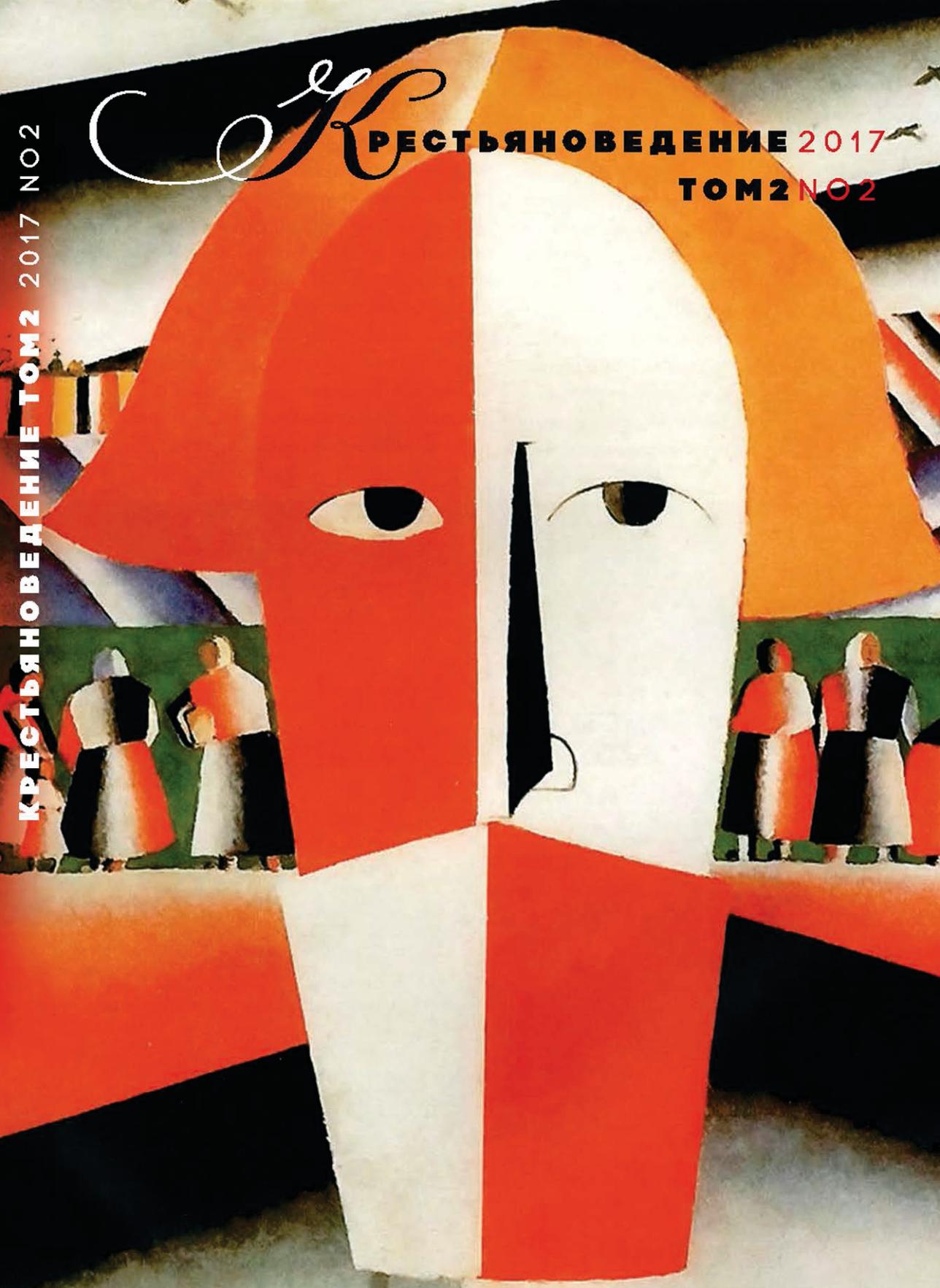

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМ 2 2017 NO 2

СР

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2017
ТОМ 2 NO 2

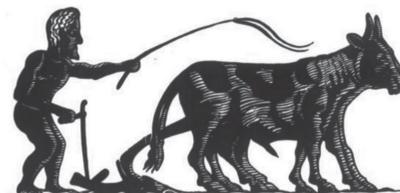

*К***РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ** 2017 **ТОМ 2** NO 2

Издается с 2016 года
Выходит 4 раза в год
ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, Интерцентр, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, РУДН, РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Т. Шанин, Манчестерский университет (Великобритания) председатель
А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррае Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
В. А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
В. Я. Узун, РАНХиГС
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Цзин Цон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КОРРЕКТОР Ю. В. Гуськова; ДИЗАЙН, ВЕРСТКА: Издательский дом «Дело», РАНХиГС

В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков; картина «Голова крестьянина», Казимир Малевич (1928–1929). Фанера, масло. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург).

© Авторы статей, 2017

© РАНХиГС, 2017

Содержание

Теория

Скотт Дж. Первые государства в истории человечества: агроэкология, письменность, зерно и городские стены 6

Интервью с исследователем

Гордон А. В., Никулин А. М. «От „человека общины“ я вышел к хозяйствующему на земле субъекту, „хозяину-труженику“»... . . . 33

История

Мерль Шт. The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions 53

Потехина Е. А. Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца (по материалам рукописи «Чина исповеданию») 77

Шорников Е. И. Применение теории игр при реконструкции конфликтных ситуаций в поволжских деревнях начала XX века . . . 90

Современность

Виноградский В. Г. Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора 101

Овчинцева Л. А. Сельские кооперативы: цели прежние, проблемы новые 121

Рецензии

Кедров Н. Г. Век аграрных реформ 142

Кузнецов И. А. Рецензия на кн.: Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье 153

Научная жизнь

Шагайда Н. И. Долгосрочная стратегия развития сельского хозяйства России и мира 161

Куракин А. А. The 4-th International Conference of BICAS: Agro-Extractivism Inside and Outside BRICS 166

Никулина Е. С. Пути России. 1917–2017: сто лет перемен 172

Russian peasant studies

Vol. 2. 2017. No 2

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA

ADVISORY BOARD

T. Shanin, University of Manchester (UK) (chairman)
A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'nykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
J. C. Scott, Yale University (USA)
V. Ya. Uzun, RANEPA
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Scott J.* Early states in the history of humankind: Agroecology, writing, grain and city walls 6

INTERVIEWS

- Gordon A., Nikulin A.* “From a ‘commune member’ to the economic agent—a farmer, an ‘owner and hard worker’...” 33

HISTORY

- Merl S.* The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions 53
- Potekhina E.* Everyday life of a peasant old-believer (based on the manuscript “Rite of Confession”) 77
- Shornikov E.* Game theory: Models of conflict situations in the Volga villages of the early XX century 90

THE PRESENT TIME

- Vinogradsky V.* Forms of informality: Invisible economy of the peasant house 101
- Ovchintseva L.* Rural cooperatives: Same goals, new problems 121

REVIEWS

- Kedrov N.* A century of agrarian reforms 142
- Kuznetsov I.* Review of the book: Ostrovsky A.V. “Russian Village at the Historical Crossroads” 153

SCIENTIFIC LIFE

- Shagaida N.* A long-term strategy for the agricultural development in Russia and the world 161
- Kurakin A.* The IV International conference of BICAS: Agro-extractivism inside and outside BRICS 166
- Nikulina E.* Paths of Russia. 1917–2017: A Century of Transformations . . . 172

Первые государства в истории человечества: агроэкология, письменность, зерно и городские стены

Дж. Скотт

Джеймс Скотт, профессор политологии и антропологии, соруководитель программы аграрных исследований Йельского университета.
208209, Нью-Хейвен, СТ 06520–8206, США. E-mail: james.scott@yale.edu

Статья посвящена «зерновой гипотезе» — поискам ответа на вопрос, почему зерновые культуры, обычно ячмень, рожь, пшеница, рис, кукуруза и просо, так тесно связаны с первыми государствами. Автор полагает, что эти культуры в наибольшей степени способствуют концентрации производства, сбору налогов, кадастровой оценке, хранению и нормированию. На подходящих почвах пшеница обеспечивает агроэкологию, результирующую в высокой плотности населения. Если бы мы оценивали сельскохозяйственные культуры с позиций досовременного сборщика налогов, то отдали бы предпочтение зерновым (прежде всего орошаемому рису), а не клубневым и корнеплодам. Иными словами, формирование государств становится возможным только тогда, когда в пищевом рационе преобладает несколько одомашненных зерновых культур. Если же рацион обеспечивают очень разные хозяйственные практики, что характерно для охотников-собирателей, подсечно-огневых земледельцев, морских торговцев и др., то государство вряд ли возникнет, поскольку в его распоряжении не будет легко поддающихся оценке и присвоению ресурсов. Государство не изобрело ирригацию для концентрации населения, не говоря уже об одомашнивании сельскохозяйственных культур, — все это изобретения догосударственных народов. Сразу после возникновения государство прилагало все усилия, чтобы поддерживать, укреплять и расширять агроэкологический фундамент своего могущества, занимаясь тем, что мы бы сегодня назвали ландшафтным обустройством. Последнее включало очистку заиленных каналов, рытье новых фидерных каналов, расселение военнопленных на пахотных землях, наказание тех, кто отказывался заниматься земледелием, расчистку новых полей, запрет на облагаемой налогом деятельности (подсечно-огневого земледелия и собирательства) и предотвращение бегства своих подданных. Первые государства стремились создавать понятный, обмеренный и единообразный ландшафт на основе налогооблагаемого зернового земледелия и удерживать на своей территории большое население, необходимое для барщинного труда, военной службы и, конечно, производства зерна. По множеству экологических, эпидемиологических и политических причин государствам часто не удавалось достичь этих целей, но они продолжали составлять предмет их самых заветных мечтаний.

Ключевые слова: «зерновая гипотеза», агроэкология, государственное строительство, концентрация населения, оседлый образ жизни, догосударственные народы, единообразный ландшафт, экологические и политические причины

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-6-32

Кто бы ни имел серебро, драгоценности, быка или овцу, сядет у ворот того, кто имеет зерно, и проведет у них все свое время.

Шумерский текст «Спор овцы и зерна»

...В конечном счете люди поклоняются тому человеку или группе, которые могут и осмеливаются завладеть кладом, запасом зерна или богатствами, чтобы вновь раздать их людям.

Д. Г. Лоуренс

Дж. Скотт

Первые государства в истории человечества: агроэкология, письменность, зерно и городские стены

Если приравнять цивилизацию к государству, а архаичную цивилизацию — к оседлому образу жизни, земледелию, орошению и городам, то придется признать, что наша историческая хронология в корне неверна. Все эти достижения эпохи неолита существовали задолго до того, как мы обнаруживаем нечто похожее на государство в Месопотамии. На основе имеющихся сегодня данных следует признать, что зачаточные формы государственности возникали благодаря запасам зерна и рабочей силы, сложившимся в эпоху позднего неолита, — государство их контролировало или захватывало. Эти запасы были единственным строительным материалом для государств.

Оседлое население, выращивающее одомашненные зерновые культуры, и небольшие города с численностью населения около тысячи человек, занимающиеся торговлей, были итогом неолита и возникли примерно за тысячелетие до появления первых государств, в 3300 г. до н. э. (Pournelle, 2012: 255). Эти первые города «следует представлять себе как острова посреди болотистой равнины, расположенные на границах и в самом сердце обширных дельтовых болот... водные пути между ними служили не столько оросительными каналами, сколько транспортными артериями» (Pournelle, 2012: 28). Хотя ранее и за пределами южных аллювиальных наносов возникали протогородские поселения, очевидно, что именно здесь, благодаря обилию заболоченных земель, формирование городов было более устойчивым, долговечным и активным (Pournelle, Algaze, 2010: 5–7).

Протогородской комплекс представлял собой исторически новую и уникальную концентрацию рабочей силы, пахотных земель и продовольствия и, будучи «захвачен» (вряд ли можно говорить о «паразитировании»), мог быть превращен в мощный оплот политической власти и привилегий. Однако неолитический агрокомплекс был необходимым, но не достаточным фундаментом для государства: он делал его возникновение возможным, но не гарантированным. В веберовской терминологии, речь идет скорее об «избирательном средстве», чем о причине и следствии. В тот период было возможно и даже было распространено оседлое земледелие — на аллювиальных почвах, с применением орошения, но без каких бы

то ни было форм государственности¹. Однако не существовало государств без аллювиального зернового земледелия.

Но в таком случае как возникает государство? Смогли бы мы опознать настоящее первое государство, если бы увидели его? Здесь нет однозначного ответа, и я склонен трактовать государственность скорее как гипотезу, чем как жесткое противопоставление «или — или». У государственности множество правдоподобных атрибутов, и чем большим их числом обладает конкретная форма правления, тем с большей вероятностью мы назовем ее государством. Первые городские поселения оседлых собирателей, земледельцев и скотоводов, которые устанавливали общие правила жизни и торговли с внешним миром, не могут считаться государствами. И традиционный веберовский критерий, согласно которому государством считается территориальная политическая единица, монополизировавшая право на насилие и принуждение, здесь не адекватен, потому что считает само собой разумеющимися многие другие характеристики государственности. Государство — институт, в котором существует слой чиновников, занимающихся исключительно расчетами и сбором налогов (в форме зерна, труда или денег) и подчиняющихся правителю. Государство — инструмент власти в сложных, стратифицированных, иерархически устроенных обществах с четким разделением труда (ткачи, ремесленники, священнослужители, кузнецы, чиновники, солдаты, земледельцы и пр.). Некоторые авторы применяют более жесткие критерии, например, что государство должно иметь армию², оборонительные стены, крупный ритуальный центр или дворец и, возможно, царя или царицу.

Учитывая столь многообразные признаки, попытки точного определения даты рождения первых государств провоцируют пространные рассуждения, ограничиваемые лишь убедительными археологическими и историческими свидетельствами из нескольких регионов. Поэтому я предлагаю выбрать из списка атрибутов государственности наиболее приоритетные для ее становления: территорию и специализированный государственный аппарат, т. е. стены, налоги и чиновников. Соответственно, «государство» Урук однозначно существовало уже в 3200 г. до н. э. Период с 3200 до 2800 г. до н. э. стал

1. Шумерская ирригация сегодня считается менее централизованной, чем казалось прежде, поскольку работы по созданию каналов носили кратковременный характер и легко организовывались местными сообществами (Wilkinson, 2013: 48). Видимо, то же самое можно сказать о Египте.
2. Ответ на вопрос о том, когда можно говорить о возникновении армии, не так уж прост. От ранней Месопотамии до нас дошли изображения битв, оружия, доспехов и, конечно, добычи и пленников военных кампаний. Тексты свидетельствуют, что уже тогда появилась как воинская повинность, так и широко распространенные попытки от нее уклониться. Первые документальные упоминания постоянной армии, однако, относятся к более позднему периоду — аккадской династии Саргон (2334–2279 гг. до н. э.) (Nemet-Nejat, 2002: 231).

«эрой великих цивилизаций» на Ближнем Востоке, а «Вавилон — регионом, породившим наиболее сложные экономические, политические и социальные порядки»³ (Nissen, 1988: 127). Не случайно знаковым действием для шумерской государственности было строительство городской стены. В Уруке она была возведена в период с 3300 до 3000 г. до н. э., во времена предположительного правления Гильгамеша. Урук стал первой формой государственности, которая затем воспроизводилась во всех аллювиальных районах Месопотамии — примерно двадцатью конкурирующими городами-государствами или «аналогичными формами правления». Эти политические образования были столь малы, что можно было за день пройти пешком расстояние от их центра до внешней границы.

Благодаря политическому и экономическому контролю над скромной сельскохозяйственной периферией и иерархически организованному управлению вавилонский город Урук в конце четвертого тысячелетия до н. э. соответствовал критериям города-государства. Первоначально он считался уникальным по своим размерам и системе власти, однако сегодня у нас есть масса доказательств тому, что не позже первой половины третьего тысячелетия до н. э. ключевые для того периода города Киш, Ниппур, Исин, Лагаш, Эриду и Ур были Уруку под стать (Nissen, Heine, 2009: 42).

То, что Урук выглядит особенно внушительно в исследованиях ранних этапов государственного строительства, объясняется не только тем, что он, вероятно, был первым государством, но и тем, что он оставил массу археологических свидетельств своего существования. По сравнению с Уруком наши знания о прочих первых центрах государственности в Месопотамии отрывочны. Для своего времени Урук, видимо, был самым крупным городом мира с точки зрения размеров и численности населения. Оценки его населения колеблются от 25 до 50 тыс. человек, и оно увеличилось в три раза за 200 лет, что вряд ли объясняется лишь естественным приростом, учитывая высокий уровень смертности. Поскольку названия Ур, Урук и Эриду явно не шумерские по этимологии, можно предположить, что Урук расширялся за счет иммиграции, замещающей или поглощающей прежнее его население. Сохранившиеся барельефы, изображающие военнопленных в кандалах на шее, указывают на еще один способ пополнения городского населения.

Стены Урука окружали территорию примерно в 250 гектаров, что в два раза превышает размеры Афин классического периода на три тысячелетия позже. Опираясь на расчеты Дж. Постгейта,

Дж. Скотт

Первые государства в истории человечества: агроэкология, письменность, зерно и городские стены

3. Важные археологические свидетельства, такие как захоронения местных элит, датируются более поздним периодом, примерно 2700 г. до н. э., а свидетельства существования царей и постоянных армий — 2500 г. до н. э. Поскольку было найдено всего несколько захоронений, датируемых до 2700 г. до н. э., можно сослаться на поговорку «отсутствие доказательств не есть доказательство отсутствия».

согласно которым другой шумерский город, Абу Салабих, с населением в 10 тыс. человек контролировал сельскую периферию радиусом в 10 км, можно предположить, что аналогичная периферия Урука была по крайней мере в два-три раза больше (Postgate, 2003: 83). Кроме того, обнаружена масса свидетельств тому, что храмы мобилизовывали значительные трудовые ресурсы для решения сельскохозяйственных и прочих задач, о чем говорят тысячи одинаковых чаш, которые использовались, судя по всему, для распределения среди работников продовольственных и пивных пайков. Другие признаки государственности включают наличие специальной группы писцов, солдат (на полный рабочий день?) с полным обмундированием и усилия по стандартизации мер и весов. Далее мои рассуждения о первых государствах, если я не указываю иное, основываются на обширной литературе, посвященной Уруку, за редкими исключениями отсылок на расположенный рядом, столь же хорошо исторически описанный, хотя и проживший более короткий век, город Ур третьей династии, существовавший на тысячелетие позже.

Если государственное строительство зависит от контроля и концентрации зерна и рабочей силы в аллювиальных районах, то возникает вопрос, как первые государства смогли обрести власть над этими зерно-человеческими модулями. Потенциальные подданные нашего гипотетического государства имели прямой доступ к воде и земледелию, основанному на разливе рек, а также к разнообразным практикам выживания, помимо земледелия. Одно убедительное объяснение тому факту, что это сельскохозяйственное население удалось сконцентрировать на одной территории и превратить в подданных государства, сводится к роли климатических изменений. Х. Ниссен показывает, что период с 3500 до 2500 г. до н. э. характеризовался резким снижением уровня моря и сокращением объема воды в Евфрате. Засуха привела к сокращению бассейна реки до ее основного русла и притоков, поэтому население сосредоточилось вокруг этих водных артерий, а засоление почв в районах, оставшихся без воды, резко сократило размеры пахотных земель. Постепенно население достигло поразительной степени концентрации и стало более «городским». Ирригация стала крайне важна и одновременно более трудоемка (часто требовала подъема уровня воды), а доступ к вырытым каналам — жизненно необходимым. Города-государства (например, Умма и Лагаш) боролись за пахотные земли и доступ к воде, чтобы орошать их. С течением времени благодаря барщине и труду рабов была создана разветвленная сеть искусственных каналов.

Если признать верность предлагаемого Ниссенем сценария перехода от засухи к демографическим последствиям концентрации населения (сценарий имеет убедительную доказательную базу), то это одна из правдоподобных версий формирования городов. Недостаток воды для орошения полей приковывал все больше населения к не страдающим от засухи территориям и тем самым исключал

Дж. Скотт

Первые государства в истории человечества: агроэкология, письменность, зерно и городские стены

или снижал важность альтернативных форм выживания, основанных на собирательстве и охоте. «Подобное уже наблюдалось ранее, в прежние эпохи, когда наметилась тенденция концентрации поселений вдоль русел крупных рек, а районы между реками теряли население» (Nissen, 1988: 130). Затем климатические изменения, усиливая урбанизацию (проживание 90% населения на территории в 30 или больше гектаров), обусловили интенсивное формирование зерно-человеческих модулей — идеальной основы государственности. Засуха стала незаменимой служанкой государственного строительства, обеспечивая концентрацию населения и зерна в зародышевых формах государств, которые в ту эпоху не могли возникнуть никак иначе.

Практически повсеместно, а не только в Месопотамии, первые государства подстроились под этот источник своего существования. Плотная концентрация зерна и рабочей силы на почвах, которые (аллювиальные или лессовые) только и могли обеспечить столь огромные объемы и того и другого, максимизировала возможности присвоения богатств, стратификации и неравенства. Государство колонизирует это ядро как свою производственную базу, увеличивает его размеры, интенсифицирует производство и время от времени создает инфраструктуру (скажем, транспортную и ирригационную), чтобы откормить и сберечь того гуся, что несет ему золотые яйца. Можно назвать эту форму интенсификации конструированием элитной жизненной ниши — за счет изменения ландшафта и экологии в целях повышения производительности естественной среды. Безусловно, только при наличии плодородных почв и доступа к воде можно было полагаться на экологические ресурсы для интенсификации земледелия и демографического роста, поэтому только в таких условиях возникали первые бюрократические государства.

Однако развитие месопотамского государства не было линейным. Продолжительность жизни малых форм государственности, возникших на аллювиальных почвах, как и их жителей, была крайне мала. Периоды междоцарствий были более привычны, чем «царствия», а эпизоды краха и распада — обычным явлением. Поздне-неолитический протогородской комплекс даже в самых благоприятных обстоятельствах был крайне рискованным предприятием. Его существованию угрожали непредсказуемые ливни, наводнения, вредители и болезни растений, скота и человека, которые могли уничтожить поселение или, что более вероятно, вынудить его жителей рассеяться по местности и заняться охотой, собирательством или скотоводством.

К серьезным рискам неолитического комплекса государство добавило дополнительный слой хрупкости и угроз, яркий пример чему — налоги и войны. Налоги в натуральной форме (зерном или скотом) и трудовые отработки означали, что крестьянин должен был обеспечивать не только свое домохозяйство, но и фонд ренты, который элиты присваивали в интересах собственного выживания

и демонстрации своей власти, хотя могли в голодное время раздавать населению зерно из своих амбаров, чтобы сохранить поданных. Сложно сказать, насколько тяжелым было налоговое бремя, но оно, несомненно, различалось по историческим периодам и государственным образованиям. Судя по аграрной истории в целом, вряд ли налог зерном составлял меньше пятой части урожая. По сути, земледельцы постоянно балансировали на грани выживания, потому что неурожай при отсутствии налогов означал голод, а неурожай в сочетании с налогами — полное разорение и гибель.

Обнаружена масса свидетельств частых войн между соперничающими городами-государствами в южных аллювиальных районах. Сложно сказать, насколько они были кровопролитными, учитывая ценность человеческих ресурсов для всех первых государств. Скорее всего, войны того периода были разрушительными, а не кровопролитными. Одна из оценок военных столкновений между малыми государствами утверждает, что их население всегда балансировало на грани выживания, за исключением тех моментов, когда победившая армия возвращалась домой с награбленным (Nemet-Nejat, 2002: 100). Добыча победителя означала потери для побежденного, но не только: военные действия влекли за собой сожжение засеянных полей, захват зернохранилищ, воровство скота и предметов домашнего обихода, т. е. собственная армия была не меньшей угрозой для населения, чем армия врага. Первые государства, переменчивые, как погода, были скорее угрозой, чем благодетелем для своего населения.

Архаические государства были аграрными и нуждались в определенном излишке продуктов земледелия и скотоводства, чтобы кормить свои непроизводительные классы — чиновников, ремесленников, солдат, священников и аристократию. Учитывая транспортную инфраструктуру древнего мира, это означало максимальную концентрацию плодородных земель и человеческих ресурсов в минимальном радиусе. Неолитический переселенческий лагерь, возникший на богатых аллювиальных почвах, оказался удобным ядром-средоточием людей и зерна, в котором можно было создавать государство.

Можно еще больше конкретизировать географические условия, необходимые для государственного строительства: это самые плодородные земли, урожайность которых в расчете на гектар позволяла прокормить большое население на компактной территории и гарантировать налогооблагаемый излишек продовольствия. Речь идет о лессовых почвах (создаваемых ветрами) или аллювиальных (формируемых наводнениями). Вторые, будучи даром ежегодных разливов Тигра, Евфрата и их притоков, стали фундаментом государственного строительства в Месопотамии: нет аллювиальных почв — нет государства⁴. Если предсказуемые наводнения, без ка-

4. Поскольку торговля начала бурно развиваться во втором тысячелетии до н. э., стратегически важные точки на сухопутных и морских торговых

тастрофических последствий, позволяли, то развивалось ирригационное земледелие на паводковых разливах — на легко обрабатываемом питательном иле (в Египте вдоль берегов Нила), и тогда плотность населения могла существенно возрасти. Первые государственные центры Китая (династии Цинь и Хань) оформились на лессовых почвах по берегам Желтой реки — здесь плотность населения достигла редких для доиндустриальных обществ показателей. Чтобы проследить логику развития китайской государственности, необходимо исследовать обусловившую ее агроэкологию. Как отмечал О. Латтимор, «орошение было особенно плодотворным в лессовом ядре Древнего Китая, где почвы были мягкими, без камней, легко подвергались обработке, а климат позволял выращивать разные культуры — этот комплекс условий срабатывал до тех пор, пока земля была подходящей» (Lattimore, 1962: 475).

Вода была жизненной необходимостью. Ее изобилие в заболоченных районах стало предпосылкой формирования первых крупных оседлых сообществ. Только хорошо увлажненные аллювиальные почвы в районах с гарантированными осадками или в непосредственной близости от воды могли обеспечить государственное строительство. Но вода была жизненно важна и по другим причинам. Будучи расположены в пойме рек и специализируясь на производстве зерна, первые государственные центры Месопотамии не были экономически самодостаточными. Они нуждались в надежных источниках продуктов, которые производились в иных экологических зонах: древесине, коже, обсидиане, меди, олове, золоте и серебре, — и выменивались на гончарные изделия, одежду, зерно и ремесленные товары⁵. Большинство товаров приходилось перевозить по воде, а не по суше. Рискну предположить, что утверждение «нет водного пути — нет государства» не будет преувеличением⁶. Перевозки на корабле или небольшой барже в несколько раз более выгодны, чем на осле или телеге. Это подтверждается тем поразительным фактом, что уже в 1800 году (до изобретения парохода и железной дороги) на корабле можно было добраться из Са-

Дж. Скотт

Первые государства в истории
человечества:
агроэкология,
письменность,
зерно
и городские стены

путях (у которых не было сельской периферии) становились центрами государственного строительства. Существенно позже, с началом оптовых перевозок, государственное строительство в торговых портах (например, в Венеции, Генуе и Амстердаме) породило морские государства, получавшие большую часть продовольствия по морским путям с отдаленных территорий.

5. Медь и олово обрабатывались частично, потому что в аллювиальных районах было недостаточно высококачественного топлива для выплавки.
6. Исключения — естественно сложившиеся узловые точки на сухопутных торговых путях, такие как горные проходы, броды и оазисы в пустыне. Малаккский пролив — важный географический пункт государственного строительства в Юго-Восточной Азии, классический пример одновременно и водного маршрута, и узловой точки, контролирующей водный торговый путь между Индией и Китаем.

утгемптона в Англии до мыса Доброй Надежды примерно за то же время, что доехать на дилижансе из Лондона в Эдинбург⁷. И, конечно, корабль мог перевезти куда больше груза. Чудо преодоления водным транспортом огромных расстояний за короткое время означало, что практически не существовало первых государств, чтобы обеспечивать свои потребности с помощью торговли. Будучи расположены в междуречье Тигра и Евфрата, первые государства пользовались преимуществами их течения, чтобы сплавлять такие товары, как древесина, с минимальными затратами труда. Возможно, это не совпадение, что в эпосе о Гильгамеше повествуется о сплаве по реке плота из кедра — плот стал главными «воротами» нового города после убийства великана, охранявшего великий лес.

Преодоление препятствий — одна из ключевых задач государственного строительства. Судходные и спокойные на протяжении всего года реки — типичный путь преодоления расстояний. Очень способствует формированию государств и равнинная территория. Поймы рек обычно равнины, а пересеченная местность в несколько раз повышает транспортные расходы. Понимая экологическую подоплеку государственного строительства, Ибн Хальдун отметил, что арабы легко завоевывали равнины, но не могли преодолеть горы и ущелья⁸.

7. Этот пример, который я позаимствовал из первых параграфов истории Британии XIX века, один из моих читателей назвал «городским мифом». Хотя я не смог восстановить исходную цитату, я могу доказать свою правоту более убедительным способом. Достаточно быстрый экипаж в то время преодолевал в среднем 20 миль в день. Расстояние между Лондоном и Эдинбургом составляет около 400 миль, соответственно, путешествие из одного города в другой заняло бы около 20 дней. Быстрое судно-клипер в 1800 году могло пройти за день 460 миль. Расстояние между Саутгемптоном и Кейптауном составляет около 6 тысяч миль, и морское путешествие при попутном ветре заняло бы около 13 дней. Медленному клиперу, идущему со скоростью 300 миль в день, на это понадобилось бы 20 дней. В целом затраты на водные путешествия в доиндустриальной Европе были оценены одним чиновником как составляющие одну двадцатую от затрат на сухопутные перемещения. Например, при перевозке угля по суше в XVI веке каждую милю груз терял 10% своей стоимости, поэтому перевозки угля на расстояние больше 10 миль были невыгодны. Зерновые грузы обладали большей стоимостью в пересчете на единицу веса и объема, поэтому теряли только 0,4% стоимости на каждую милю и должны были преодолеть более 250 миль, прежде чем стать убыточными. Конечно, грабежи (совершаемые разбойниками и пиратами) и наем вооруженных конвоев значительно корректировали эти абстрактные эконометрические расчеты.

8. Географические препятствия важны и по другой причине. Государство нуждается в большой численности населения (земледельцах, рабочих, солдатах и налогоплательщиках), и ему очень помогает «география», если людям некуда бежать в случае недовольства. Как показал Р. Карнейро, в Месопотамии население оказалось «зажато», «согнано» и даже «заклю-

История первых государств обнаруживает и обратную закономерность — условия, в которых государственное строительство было маловероятно или невозможно. Если концентрация населения упрощает формирование государств, значит, его рассеяние, наоборот, мешает государственному строительству. Если богатые, хорошо орошаемые аллювиальные почвы обеспечивают концентрацию населения, следовательно, первые государства не могли возникнуть на неаллювиальных почвах. Засушливые пустыни и горные районы (за исключением плодородных плоскогорий) просто требуют рассеивания для выживания, и они не могли стать ядром государственности. Эти безгосударственные пространства с различными хозяйственными практиками (скотоводство, собирательство, подсечно-огневое земледелие) и типами социальной организации часто стигматизируются государственным дискурсом как варварские.

Государственный «модуль» требует концентрации рабочей силы, преимущественно для оседлого земледелия. Яркий пример — заболоченные территории на юге месопотамского аллювия, где возникли первые крупные поселения на Ближнем Востоке⁹. Они были густонаселены и выращивали несколько культур, но самые первые города не оставили свидетельств постоянной распашки полей (однозначных археологических следов). Здесь применялись исключительно разнообразные хозяйственные практики: охота и собира-

Дж. Скотт

Первые государства в истории
человечества:
агрэкология,
письменность,
зерно
и городские стены

чено в ловушку», границы которой сформировали болота, море, засушливые районы и горы, т. е. у зерновых земледельцев не оказалось легких способов бегства от государства. Карнейро полагает, что создатели государства фактически брали население в плен, ситуация была схожей и в Египте, и в первых государствах на Желтой реке, ограниченных пустынями, и в бассейне Амазонки, и в восточных лесах Северной Америки. Хотя в истории достаточно примеров возвращения людей к скотоводству, подсечно-огневому земледелию, морскому образу жизни и даже к охоте и собирательству, наличие географических и экологических сдерживающих факторов, а также враждебного окружения упрощало первым малым формам государственности задачу сохранения своего населения в аллювиальной долине. В Месопотамии проблема состояла в том, что при желании земледельцы легко превращались в скотоводов и перемещались в северные районы долины по течению Тигра и/или Евфрата (Carneiro, 1970: 733–738).

9. Подчеркну еще раз: речь идет не о первых примерах оседлого образа жизни, а о первых долговечных поселениях, на основе которых позже возникли государства. Первые проявления оседлости в аллювиальных долинах, как и повсеместно, носили неземледельческий характер и были основаны на собирательстве и охоте на стыке соседних экосистем, богатых ресурсами. Вероятно, первые в мире оседлые сообщества — прибрежные поселения культуры ДзEMON на северо-востоке Японии в 12 тысячелетии до н. э., возникшие одновременно или даже раньше натуйфийской культуры в регионе Плодородного полумесяца. Представители ДзEMON занимались собирательством в богатых ресурсами и легкодоступных приморских и лесных районах, как коренные американцы на северо-западном побережье Тихого океана.

тельство, сбор диких камышей и осоки, летние выпасы овец, коз и крупного рогатого скота. Несмотря на высокую плотность и большую численность, население не занималось земледелием. «Реконструкция центра древних городов подтверждает не модель социальной трансформации, запущенной началом орошаемого зернового земледелия, а развитие поселений... благодаря адаптационной зависимости от прибрежной биомассы» (Pournelle, 2003: 202). Заболоченные земли обеспечивали накопление богатств и формирование городов, но не государств еще на протяжении целого тысячелетия. В отличие от ландшафта пахотного земледелия, разнообразие хозяйственных практик в этих районах не способствовало государственному строительству. Чтобы подтвердить гипотезу, что дельты крупных рек не подходили ранним государствам, можно обратиться к примеру дельты Нила. Первые египетские государства возникли выше дельты Нила: она также была густонаселена и богата ресурсами, но считалась враждебной и противостоящей государству. Как и жители заболоченных районов Месопотамии, население дельты Нила ловило черепах, рыбу, собирало тростник, питалось моллюсками и почти не занималось земледелием, а потому не стало частью династической истории Египта.

Центры первых государств по берегам Желтой реки также возникали в ее верховьях, а не в непредсказуемых районах ее дельты. Зерновое земледелие (основная культура — просо) было столь же необходимой основой государственного строительства в Китае, как выращивание пшеницы и ячменя в Месопотамии. Китайский государственный проект постоянно менял свою локацию, но всегда возрождался на плодородных лессовых почвах, оставляя в стороне горные районы (территории «внутренних варваров»), а также сложный и многообразный ландшафт дельты Желтой реки.

Фундамент всех аграрных государств древности — в Месопотамии, Египте, в долине Нила и на побережье Желтой реки — поразительно схож. Все аграрные государства были зерновыми: производили пшеницу, ячмень, а в случае Желтой реки — просо. Возникшие позже государства следовали тем же путем, хотя к списку основных сельскохозяйственных культур добавился орошаемый рис и в Новом Свете — кукуруза. Частичным исключением из данного сценария является государство инков, которое основано на выращивании кукурузы и картофеля, хотя кукуруза, видимо, все же доминировала в качестве «налоговой культуры»¹⁰. Во всех зерновых государствах один или два злака выступали основой рациона, определяли сельскохозяйственный календарь и служили единицей натурального налогообложения. Границы этих государств задавали экологические ниши

10. Такие культуры Анд, как амарант и киноа, из того же семейства «псевдозлаковых», не стали налоговыми, видимо потому, что период их созревания растянут во времени (из личной беседы с Алдером Келеманом в сентябре 2015 года).

Дж. Скотт

Первые государства в истории
человечества:
агрэкология,
письменность,
зерно
и городские стены

из аллювиальных почв и источников воды, которые гарантировали саму возможность государственности. Однако следует вспомнить введенное А. Лефевром понятие «поссибилизм»: подобная экологическая ниша была необходима для государственного строительства (и могла быть расширена за счет изменения ландшафта — строительства каналов и террасирования), но недостаточна (Febvre, 1923: 171–200). Важно развести концентрацию населения и создание государства: обилие плодородных земель было предпосылкой урбанизации и развития торговли, но без масштабного зернового производства не гарантировало формирование государства (Manning, 2004).

Но почему зерновые культуры играли столь важную роль для первых государств? В конце концов, и другие культуры были одомашнены, скажем бобовые, чечевица, нут и горох на Ближнем Востоке, а таро и соя — в Китае, но почему они не стали фундаментом для государственного строительства? Вернее, почему в исторических хрониках нет упоминаний «чечевичных» государств, нутовых, таро-, саго-, хлебо-древесных, ямсовых, маниоковых, картофельных, арахисовых или банановых? Многие из этих культур дают больше калорий в расчете на единицу земли, чем пшеница или ячмень, некоторые требуют меньше затрат труда при сопоставимой питательной базе. Иными словами, многие из них соответствуют тем же агродемографическим условиям высокой плотности населения и качества питания, что и зерновые культуры (только орошаемый рис превосходит их с точки зрения калорийности в расчете на единицу земли)¹¹.

Ключ к пониманию взаимосвязи государства и зерна кроется в том, что только последнее могло стать основой для налогообложения: его урожай легко увидеть, поделить, оценить, хранить, транспортировать и «рационализировать». Другие культуры: бобовые, клубневые и крахмалоносные — обладают лишь некоторыми из этих желанных для государства качеств, но не всеми сразу. Чтобы оценить в полной мере уникальные преимущества зерновых, полезно представить себя на месте древних сборщиков налогов, которых интересовали прежде всего простота и эффективность работы. Тот факт, что зерновые растут над землей и созревают примерно в одно время, существенно облегчает работу сборщика налогов. Если армия или группа сборщиков налогов окажется в нужном месте в нужное время, то сможет мгновенно собрать, смолотить и изъять весь урожай. Вражеской армии зерновые предельно облегчают реализацию политики выжженной земли, т. е. сожжение всех полей с урожаем и принуждение земледельцев к бегству или к голодной смерти. И более того: сборщик налогов или враг может подождать, пока

11. Поскольку большинство питательных веществ орошаемый рис получает из воды, а не из почвы, устойчивое выращивание риса на протяжении длительного времени требует меньше паров и навоза, чем производство пшеницы или кукурузы.

крестьяне обмолят урожай и сложат его в амбары, чтобы конфисковать содержимое зернохранилищ. В случае с церковной десятиной крестьянин должен был собрать зерно в снопы на поле, и сборщик десятины изымал каждый десятый сноп.

Сравним эту ситуацию с той, когда основной культурой является клубневая, например картофель или маниока. Они вырезают каждый год, но их можно спокойно оставить в земле еще на год или даже два, выкапывая по мере необходимости и храня урожай там, где он вырос, — под землей. Если армия или сборщики налогов захотят изъять у вас клубневые, им придется выкапывать картофелину за картофелиной, как поступает сам крестьянин, а в итоге они получают воз картошки, который стоит (в денежном или калорийном эквиваленте) значительно меньше, чем воз пшеницы, а испортится намного быстрее¹². Король Пруссии Фридрих Великий приказывал своим подданным выращивать картофель, потому что понимал, что вражеским армиям будет непросто рассеять его земледельцев, связанных к своим клубням (McNeill, 2007: 176–189).

«Надземное» и одновременное вызревание зерновых обладает тем важным преимуществом, что государственным сборщикам на-

12. Гипотеза о разных политических последствиях выращивания клубневых и зерновых подтверждена мной на обширном историческом материале в книге «The Art of Not Being Governed» («Искусство неуправляемой жизни»), в третьей и шестой главах. В книге я развожу «государственные» культуры, например рис, и «ускользающие от государства», такие как маниока и картофель. Государства зависят от зерновых на постоянных полях, и население, которое не хочет платить налоги и подчиняться государственному контролю, начинает переходить на клубневые, подсечно-огневое земледелие, охоту и собирательство, чтобы оказаться вне пределов досягаемости государства. Аналогичную, хотя и не полностью идентичную, аргументацию предлагали и другие авторы (см., напр.: Maushar et al., 2015), которые отмечали ключевое различие (по легкости отъема у населения) зерновых и корнеплодов, но не смогли заметить того, что во многих регионах выбор культур имел политический характер: зарождающиеся государства поощряли, а часто и заставляли выращивать зерновые. Хотя другие авторы справедливо связывают зерновые с государственностью и социальной дифференциацией, а корнеплоды — с безгосударственными эгалитарными обществами, они ошибочно трактуют хозяйственные практики как примордиалистскую данность, а не как продукт политических институтов и решений (а ведь если имеется достаточно воды и хорошие почвы, то возможны разные стратегии выживания). Также эти авторы утверждают, видимо отталкиваясь от институциональной экономической теории предоставления общественных благ, что создание государства — великодушное изобретение элиты в целях защиты запасов зерна от «грабителей». Я придерживаюсь иной точки зрения: государство возникло в результате протекционистского рэкета победившей группы грабителей. Хотя я очень рад тому, что и другие обнаружили важную взаимосвязь между сортами возделываемых культур и государственным строительством, я все же должен настоять, рискуя подвергнуться критике за малодушие, что являюсь автором этой теории, которую сформулировал на шесть лет раньше других авторов.

логов легко оценить размер урожая и рассчитать взимаемые с него налоги. Эта особенность превращает пшеницу, ячмень, рис, просо и кукурузу в главные политические культуры. Налоговый сборщик обычно оценивает поля по качеству почв и, зная среднюю урожайность культуры на подобных почвах, может рассчитать размер налога. Если необходима корректировка по годам, то проводится обследование полей и срезка образцов урожая накануне его сбора, чтобы точно рассчитать размер налога в конкретный год. Государственные чиновники всегда пытались повысить урожайность зерновых и сборы от натурального налогообложения, навязывая крестьянам определенные сельскохозяйственные технологии. Например, в Месопотамии правители настаивали на повторной вспашке, чтобы раздробить большие комья земли, и на повторном бороновании, чтобы укрепить корневую систему растений и улучшить их питание. Суть в том, что зерновые культуры и подготовка почв обеспечивают «видимость» и простоту оценки урожая. Посмотрите под этим углом на налогооблагаемую базу коммерческой деятельности и поведение продавцов и покупателей на рынке — разница очевидна. Одна из причин государственного недоверия и стигматизации торговцев в Китае заключалась в том, что их богатство, в отличие от доходов рисовых земледельцев, легко скрыть, предоставить о нем недостоверные сведения и увести от налогообложения. Можно собирать налоги на рынке, плату за проезд на дорогах или в речных портах, где «прозрачны» сделки и размеры грузов, но сбор налогов с купцов был просто кошмаром для чиновников.

Тот факт, что урожай зерновых состоит из небольших зерен (очищенных или нет) и его можно обмерить, поделить и оценить, предоставляет огромные административные возможности. Как кусочки сахара или комки песка, зерна можно дробить почти до бесконечности, на все меньшие и меньшие части, и при этом очень точно оценивать их вес и объем. Зерновые меры становились стандартами измерения и стоимости в торговле и сборе дани, для расчета стоимости других товаров, включая труд. Ежедневный рацион низшего класса работников в Умме составлял почти два литра ячменя, для измерения этого объема использовались скошенные чаши, которые оказались одним из самых широко распространенных археологических артефактов.

Но почему не возникли нутовые или чечевичные государства? В конце концов, это питательные культуры, которые, как и зерновые, можно интенсивно выращивать, их урожай состоит из небольших зерен, которые можно сушить, долго хранить и легко делить на одинаковые маленькие порции. Решающим преимуществом зерновых является их предсказуемый урожай и практически одновременное вызревание. Основная проблема большинства бобовых, с точки зрения сборщика налогов, состоит в том, что они дают плоды непрерывно в течение длительного периода времени, поэтому бобы или горох можно собирать по мере их вызревания. Если

Дж. Скотт

Первые государства в истории
человечества:
агрэкология,
письменность,
зерно
и городские стены

сборщик налогов придет слишком рано, то большая часть урожая еще не созреет, а если слишком поздно, то налогоплательщики ее уже съедят, спрячут или продадут. За урожаем культур с четким жизненным циклом сборщику налогов достаточно прийти один раз. Зерновые культуры Старого Света с этой точки зрения прекрасно подходили для государственного строительства. Тогда как Новый Свет, если не брать в расчет смешанный случай кукурузы, урожаем которой можно собрать сразу или оставить дозревать и высохнуть на поле, почти не располагает культурами с по графику и одновременно вызревающим урожаем, поэтому здесь не возникло традиционных для Старого Света праздников урожая, доминирующих в сельскохозяйственном календаре. Вероятно, предсказуемый и четкий период созревания ряда культур является результатом селекционных усилий первых земледельцев эпохи неолита, но если это действительно так, то возникает вопрос, почему они не провели аналогичную селекционную работу с нутом и чечевицей.

Впрочем, все не так однозначно: хотя зерновая культура, будучи высажена на поле, вызреет за определенный срок, сезонные погодные колебания определяют разные сроки высаживания одной и той же культуры на разных полях, поэтому урожай с них будет собираться тоже в разное время. Вполне привычной практикой для земледельцев, стремящихся уйти от налогов, является тайный сбор части урожая до того, как зерно полностью созреет. При любой возможности архаические государства прилагали массу усилий, чтобы установить жесткие сроки высадки культур для каждого района. В случае с орошаемым рисом все примыкающие друг к другу поля затопляются одновременно, и само это обстоятельство четко задает график посадки, но рис — почти единственная культура, которая требует подобных условий.

Другое преимущество зерновых состоит в том, что их урожай хорошо поддается оптовой перевозке навалом. Даже в архаичных условиях можно было с прибылью перевезти телегу зерна на значительно большее расстояние, чем любой другой продовольственный товар. А при наличии водного транспорта огромные запасы зерна можно было перевозить на значительные расстояния, расширяя тем самым сельскохозяйственную периферию, которую надеялось подчинить и обложить налогами любое раннее государство. Один документ эпохи третьей династии Ура (конец третьего тысячелетия до н. э.) содержит сведения о том, что баржи перевезли почти половину урожая ячменя, собранного вокруг Ура, в царские зернохранилища (Adams, 2008). Еще раз подчеркнем: сборщик налогов в первых государствах Месопотамии, а если уж на то пошло, вплоть до XIX века, воспринимал сочетание аграрного государства с судоходной рекой или побережьем как благословение небес. Так, Римская империя обнаружила, что перевозить зерно (обычно из Египта) и вино по Средиземному морю намного дешевле, чем по суше, если расстояние превышало 100 миль (Lewis, 2007: 6).

Дж. Скотт

Первые государства в истории
человечества:
агрэкология,
письменность,
зерно
и городские стены

Зерновые культуры, поскольку их стоимость в пересчете на единицу объема и веса выше, чем практически любого другого продукта, и они сравнительно хорошо хранятся, оказались идеальны для пропитания и налогообложения. Их можно было оставить в необработанном виде до тех пор, пока в них не возникнет необходимость. Их было удобно распределять среди работников и рабов, взимать как дань, обеспечивать ими солдат и войска, компенсировать с их помощью нехватку продовольствия или голод, кормить город, оказавшийся в осаде. Крайне сложно представить первые государства без зерна, которое стало их плотью и кровью.

Если зерно, а соответственно и поступление налогов, заканчивалось, то государственная власть начинала разрушаться. Могущество первых китайских государств держалось только на пахотных водосборных районах Желтой реки и Янцзы. За границами этого экологического и политического центра оседлого орошаемого рисового земледелия оставались ускользающие от налогов кочевые скотоводы, охотники-собиратели и подсечно-огневые земледельцы. Их называли «дикими» варварами, которые «еще не были нанесены на карту». Территория Римской империи, невзирая на все ее властные амбиции, не очень выдавалась за границы зернового земледелия. Римское правление на севере Альп было сконцентрировано в зоне, которую археологи, опираясь на найденные артефакты, называли латенской культурой. Здесь плотность населения была выше, сельское хозяйство более устойчиво, а города (оппидумы) больше, тогда как за пределами зоны начиналась ясторфская культура — редконаселенная территория с доминированием кочевого скотоводства и подсечно-огневого земледелия (Heather, 2006: 56).

Этот контраст — отрезвляющее напоминание о том, что большая часть мира и его населения находилась за границами первых зерновых государств, которые занимали очень узкую экологическую нишу, благоприятствовавшую интенсивному сельскому хозяйству. Вне досягаемости государств оставалось множество разнообразных и неприемлемых для государственного контроля стратегий выживания: наиболее важными из них были охота, собирательство, морская рыбная ловля и сбор моллюсков, садоводство, подсечно-огневое земледелие и специализированное скотоводство. Подобные хозяйственные практики были фискально непригодны, потому что не возмещали расходы на их налоговый контроль. Охотники и собиратели (на суше и на море) были столь рассеяны и мобильны, а их «приобретения» столь разнообразны и недолговечны, что отслеживать их, не говоря уже об обложении налогами, было практически невозможно. Садоводы, которые прекрасно одомашнили корнеплоды и клубневые культуры задолго до того, как было посажено первое зерно, оставляли значительную часть урожая в земле до тех пор, пока он им не понадобится, а могли и припрятать небольшой сад-огород в лесу. Подсечно-огневые земледельцы часто сажали зерновые, но на их полях обычно росли десятки разных куль-

тур с разным периодом вызревания. Кроме того, подсечно-огневые земледельцы сменяли поля каждые несколько лет, а иногда и места своего проживания. Специализированное скотоводство как некое ответвление сельского хозяйства разочаровывает сборщика налогов по тем же причинам — рассеяние и мобильность. Османская империя, основанная скотоводами, сталкивалась с огромными трудностями при сборе налогов с пастухов. Чиновники пытались собирать с них налоги раз в году, когда они находились на одном месте — в период отела и стрижки овечьей шерсти, однако и это оказалось крайне сложно организовать. «Османская мечта о рае оседлой жизни с предсказуемыми налоговыми сборами с мирных земледельцев не оставляла места для кочевых скотоводов... Кочевники следили за малейшими изменениями климата, чтобы обеспечить себе максимальный доступ к хорошим пастбищам и пресной воде, поэтому постоянно перемещались в пространстве» (Lindner, 1983: 65).

Так или иначе, «незерновые» народы, т. е. большая часть населения мира, придерживалось таких хозяйственных практик и моделей социальной организации, которые противостояли попыткам налогообложения: территориальная мобильность и пространственное рассеяние, меняющийся размер групп и сообществ, разнообразные и легко скрываемые источники продовольствия, использование крайне малого числа пространственно фиксированных ресурсов. Но это не означает, что «незерновые» народы формировали замкнутые миры, совсем наоборот: шла активная торговля, причем основанная не на принуждении, а на добровольном коммерческом или бартерном обмене товарами между разными экологическими зонами к их взаимной выгоде. Однако народы, которые придерживались определенной хозяйственной практики, часто воспринимались как особый тип людей, несмотря на торговое партнерство с ними. Например, римляне считали главной чертой варваров то, что они употребляли в пищу молочные продукты и мясо, а не зерно, как римляне. Для жителей Месопотамии амореи были варварами, потому что якобы «не знают зерна... едят сырое мясо и не хоронят своих мертвых» (Yoffee, Cowgill, 1988: 49)¹³.

Различные хозяйственные практики, описанные выше, не следует воспринимать как раз и навсегда данные и автономные. Группы неоднократно меняли свой жизненный уклад, а иногда придумывали столь сложные сочетания практик, что они не поддаются однозначным определениям. Не следует забывать и о том, что выбор хозяйственного уклада часто был политическим — диктовался позиционированием по отношению к государству.

Большинство городов в Месопотамской аллювиальной долине к середине третьего тысячелетия до н. э. было обнесено стенами. Впервые в истории государство обрело оборонительный панцирь.

13. В личном разговоре Сет Ричардсон отметил, что источник этой цитаты — художественное восхваление богов, а потому она вряд ли показательна.

И хотя обнесенная стеной территория обычно была скромной — от 10 до 33 гектаров, возведение и поддержание такого оборонительного периметра было трудоемкой задачей, даже если он строился постепенно, частями. Наличие стены говорит о том, что она защищает нечто ценное или укрывает от внешних посягательств. Наличие стен было однозначным признаком оседлого земледелия и длительного хранения продовольствия. Когда город-государство разрушался вместе со своими оборонительными стенами, то оседлое земледелие, как правило, исчезало с этой территории. Обычной практикой для того времени было разрушение стен побежденного города государством-победителем. Скоцентрированные в одном месте ценные ресурсы, искушающие грабителей, несомненно, требовали защиты. Их пространственное сосредоточение упрощало эту задачу, а ценность оправдывала затрачиваемые на ее решение усилия. Вот почему крестьянство всеми силами держалось за свои поля, сады, дома, амбары и скот — сохранение их было вопросом жизни и смерти. Не удивительно, что в эпосе о Гильгамеше царь — основатель государства возводит городские стены, чтобы защитить свой народ. Доказывает ли этот пример, что государство было результатом совместных усилий (возможно, общественного договора) подданных-земледельцев и их правителя (а также его воинов и строителей) по защите урожая, семей и скота от нападений других государств или безгосударственных племен?

Я полагаю, что все было намного сложнее. Как крестьянин пытался защитить свой урожай от разных «хищников» (людей и животных), так и государственные элиты стремились сохранить «мышечный каркас» своей власти — земледельческое население, зернохранилища, привилегии, богатства, политические и ритуальные полномочия. О. Латтимор и другие авторы отмечали, что Великая Китайская стена была построена, чтобы удерживать китайских налогоплательщиков внутри государства, а не только чтобы уберечь его от нападений варваров (кочевников) извне. Иными словами, городские стены были предназначены для сохранения внутри своего диаметра основ государственности. Так называемые антиаморейные стены между Тигром и Евфратом удерживали скорее земледельцев в государственной зоне, чем амореев за ее границами (к тому времени они плотно заселили аллювиальный регион). По мнению ряда ученых, возведение стен стало следствием радикальной централизации власти в Уре третьей династии: их строили, чтобы не позволить мобильному населению ускользнуть от государственного контроля и чтобы защититься от тех, кто был принудительно выдворен за городские стены. В любом случае «задачей стен было обозначение пределов политического контроля» (Porter, 2012: 324)¹⁴. Контроль и удержание населения как главные причи-

Дж. Скотт

Первые государства в истории
человечества:
агрэкология,
письменность,
зерно
и городские стены

14. Слово «стена» несколько дезориентирует, потому что может обозначать цепь населенных пунктов, укрепленных или нет, которые являются фи-

ны возведения стен и их основные функции, по сути, свидетельствуют о том, что бегство подданных было серьезной проблемой для ранних государств.

Крестьянство, благодаря долгим наблюдениям за искусством государственного строительства, понимало, что государство — это административная машина, ведущая записи, учет и замеры. Поэтому когда в деревне появлялся землемер с геодезическим оборудованием или переписчик с блокнотом и опросным листом, чтобы обследовать домохозяйства, крестьяне понимали, что не за горами такие напасти, как воинский призыв, барщина, изъятие земли, подушевые налоги и налоги на землю. Также они знали, что за государственной машиной принуждения скрываются груды бумаг — списки, налоговые сводки, нормативные акты, инструкции, приказы, которые в большинстве своем их озадачивали и были им совершенно непонятны. Крестьянское мировоззрение видело в государственной документации источник угнетения, поэтому первым шагом многих крестьянских восстаний было сожжение местной администрации, где хранилась вся документация. Осознав тот факт, что государство «видит» свои территории и подданных как цифры и буквы в документах, крестьянство предположило, что «ослепление» государства положит конец их бедам. Как точно подмечено в древней шумерской поговорке, «у человека может быть и король, и господин, но бояться он должен сборщика налогов» (Wang, 2014: 98).

Южная Месопотамия стала сердцем не одного, а нескольких взаимосвязанных экспериментов в сфере государственного строительства в период с 3300 до 2350 г. до н. э. Подобно Воюющим царствам Китая и поздним греческим полисам, южный аллювиальный район стал колыбелью соперничающих городов-государств, жизнь которых изобиловала взлетами и падениями. Наиболее известны из них Киш, Урук и Ур. Здесь происходило нечто удивительное и не имевшее исторических аналогов. С одной стороны, группы священников, сильных мужчин и местных лидеров расширяли и институционализировали структуры власти, которые прежде опирались только на идиоматику родства. Впервые в истории они создавали нечто напоминающее современное государство, хотя не осмыслили происходящее в этой терминологии. С другой стороны, тысячи земледельцев, ремесленников, торговцев и работников «перепрофилировались» в подданных, для чего были подсчитаны, обложены налогами, призывались на военную службу, принуждались к общественным работам и подчинялись новой форме контроля. Примерно в то же время появились первые формы письменности¹⁵.

зической границей политического контроля и называются государственной границей или периметром.

15. Видимо, еще за несколько столетий до становления государственности в крупных учреждениях городского типа, предположительно в храмах,

Почти одновременное возникновение первых государств и первых форм письменности искушает сделать грубый функционалистский вывод, что будущие чиновники изобрели системы обозначений, которые имели первостепенное значение для государственного строительства. Действительно, невозможно помыслить первые государства без технологии количественного учета, даже если таковая имела форму узелкового письма инков (кипу). Безусловно, первое условие становления государственности — инвентаризация имеющихся ресурсов (населения, земли, сельскохозяйственных культур, поголовья скота и складских возможностей). Но эта информация, подобно кадастровой съемке, очень быстро устаревает. Государственная экспансия требовала постоянного документального учета поставок зерна, барщины, реквизиций, счетов и т. д. Как только государственное образование разрасталось до нескольких тысяч подданных, ему была необходима некая форма ведения записей, документооборот — память и устная традиция здесь не справляются.

В качестве показательного примера взаимосвязи государственного управления и письменности можно привести Месопотамию, где письменность использовалась для бухгалтерского учета за полтысячелетия до того, как начала отражать цивилизационные достижения, которые мы сегодня связываем с письменностью, — литературу, мифологию, хвалебные гимны, царские родословные и генеалогии, исторические хроники и религиозные тексты¹⁶. Например, великолепный эпос о Гильгамеше датируется третьей династией Ура (2100 г. до н. э.), т. е. тысячелетием позже, чем начало использования клинописи для государственных и коммерческих целей.

Какие выводы о правлении в Шумере можно сделать из коллекции клинописных табличек, которые были восстановлены и переведены? Они показывают, сколько усилий было вложено в создание системы обозначений, которая позволила правителям и храмовым чиновникам оценивать трудовые и производственные ресурсы, чтобы отбирать зерно и рабочую силу. Безусловно, мы хорошо знаем современную бюрократию, поэтому понимаем, что далеко не всегда документальные записи отражают реалии жизни. Документы под-

Дж. Скотт

Первые государства в истории человечества: агроэкология, письменность, зерно и городские стены

возникла протоклинопись — для записи сделок и распределения благ (из личного разговора с Дэвисом Уэнгроу в мае 2015 года).

16. Х. Ниссен добавляет: «Возникновение письменности, на мой взгляд, не должно провозглашаться одним из величайших интеллектуальных достижений человечества. Влияние письменности на интеллектуальную жизнь не было столь внезапным, чтобы могло оправдать разведение темных «доисторических» веков и яркой истории... К тому времени, как возникла письменность, уже была сделана большая часть шагов на пути к более цивилизованной форме жизни. Письменность — скорее побочный продукт бурного развития и усложнения городов и государств» (Nissen, 1985: 360). С. Поллак полагает, что клинопись не использовалась для записи храмовых гимнов и посвящений, мифов и пословиц по крайней мере до 2500 г. до н. э. (Pollack, 1999: 168).

дельвают и наполняют неверными сведениями в личных интересах или в угоду начальству. Правила и положения, скрупулезно прописанные на бумаге, могут вообще не работать на практике. Записи о земельных наделах могут быть подтасованы, отсутствовать или быть неточными. Порядок ведения записей, как и порядок на плацу, часто маскирует хаос в реальном управлении и на поле битвы. Записи предлагают нам утопическую картину государственного управления, которая похожа на классификационную модель Линнея своей логикой — выделением категорий и единиц измерения, но главное, объектов наблюдения. Образ «государства-интенданта с нездоровым блеском в глазах» здесь показателен. Как бы подтверждая эту необузданную страсть чиновничества к учету, главным символом царской власти в Шумере были стержень и линии — инструменты инспектора (Crawford, 2015: 88; Cronon, 2003).

Первые административные документы (клинописные таблички) из Урука четвертой династии (3300–3100 г. до н. э.) — это списки, списки и списки, в основном зерна, рабочей силы и налогов. Названия сохранившихся табличек в порядке частоты встречаемости таковы: ячмень (в форме пайков и налогов), военнопленные, рабы — мужчины и женщины (Algaze, 2013). Урук четвертой династии, как и более поздние центры государственности, был крайне озабочен составлением списков населения. Навязчивой идеей всех древних царств было максимальное увеличение численности населения — эта задача превалировала над завоеванием территории. Именно население — крестьяне, ремесленники, солдаты и рабы — было богатством государства. Город Умма, подвластный Уру, где было найдено множество клинописных табличек, датируемых примерно 2255 г. до н. э., был поразительно развит для своего времени, занимая 100 гектаров земли и располагая населением в 10–20 тыс. человек — внушительным с точки зрения задач управления. Фундаментом системы управления Уммы была перепись населения по параметрам места жительства, возраста и пола, на ее данных основывалось подушное налогообложение, барщина и воинский призыв. Земельные наделы — храмовые и индивидуальные — проектировались (по размерам, качеству почв и ожидаемой урожайности) таким образом, чтобы можно было дать им налоговую оценку. Ряд шумерских государственных образований, особенно Ур третьей династии, напоминает командно-административную экономику, жестко централизованную («на бумаге», т. е. на табличках), милитаризованную и строго регламентированную, наподобие воинственной Спарты среди греческих полисов. Одна табличка упоминает 840 порций ячменя, отмеренных, по всей вероятности, в скошенную чашу (видимо, предмет массового производства в ту эпоху) объемом в два литра. На других табличках записаны пайки пива, крупы и муки, что говорит о повсеместном распространении трудовых бригад, состоящих из военнопленных, рабов или отработывающих барщину.

Главной заботой первых государств была стандартизация и абстрактное мышление, необходимые для учета и распределения рабочей силы, зерна и земли. Крайне важным для стандартизации стало изобретение (благодаря письменности) номенклатуры документов всех типов: счетов, рабочих заказов, трудовых сборов и пр. Навязывание письменной системы кодировки в городах-государствах привело к вытеснению общеупотребительных речевых оборотов и стало технологией сокращения расстояний в небольших царствах. Для всех видов работ были введены трудовые нормы: для вспашки, боронования и сева. Были заданы «рабочие периоды», показывающие соотношение «кредита и дебета» в рабочих заданиях. Для рыбы, масла и тканей были разработаны нормы классификации и оценки качества — по весу или типу плетения. Скот, рабы и работники классифицировались по полу и возрасту. Таким образом, здесь в зачаточном состоянии наблюдается статистический учет, жизненно важный для расширяющегося государства, которое стремится выжать как можно больше богатств из своих территорий и населения.

В Древнем Китае письменность возникла на тысячелетие позже, вдоль побережий Желтой реки. Вероятно, она начала формироваться в культуре эрлитоу, но свидетельств тому не сохранилось. Наиболее известные образцы первой письменности относятся к периоду династии Шан (1600–1050 гг. до н. э.) — это гадальные кости. С этого времени и до эпохи Воюющих царств (476–221 гг. до н. э.) письменность постоянно использовалась в государственном управлении. Однако лишь в период славного, краткого и реформаторского правления династии Цинь (221–206 гг. до н. э.) связь между письменностью и государственным строительством стала очевидна. Династия Цинь, подобно третьей династии Ура, была одержима порядком и систематизацией, что позволило ей добиться точной оценки и полной мобилизации своих ресурсов. По крайней мере, на бумаге ее амбиции были безмерны. Ни в Китае, ни в Месопотамии изначально письменность не предназначалась для фиксации устной речи.

Основой стандартизации, к которой стремилась династия Цинь, стала обновленная и унифицированная система письма: из него была удалена четверть идеограмм, оно стало более четким и применялось на всей территории царства. Поскольку письмо не было транскрипцией речевого диалекта, оно стало универсальным (Wang, 2014; Lewis, 2007). Как и в других ранних государствах, стандартизация затронула чеканку монет, единицы веса, расстояний и объема, в том числе зерна и земли. Власть стремилась искоренить многообразие местных традиционных практик измерения, чтобы впервые в истории центральная администрация смогла точно оценить имеющиеся в ее распоряжении богатства, производственные и человеческие ресурсы. Главной целью было создание централизованного государства, а не просто сильного города-государства, довольствующегося периодическим сбором дани с созвездия окружающих его квазинезависимых городов-спутников. Придворный

Дж. Скотт

Первые государства в истории человечества: агроэкология, письменность, зерно и городские стены

историк династии Хань Сыма Цянь высоко оценивал достижения Шан Яна, императора династии Цинь, превратившего государство в мощную военную машину: «Для полей он открыл *цань* и *ма* (горизонтальные и вертикальные дороги) и задал границы... уравнил военные и земельные налоги и ввел стандарты измерения объема, веса и длины» (Lewis, 2007: 274). Позже были унифицированы рабочие нормы и инструменты труда.

В ситуации постоянного регионального военного соперничества конкурирующим государствам приходилось выжимать максимум из имеющихся ресурсов. Это означало необходимость создавать новые и совершенствовать наличные ресурсы, используя доступные технологии. Тщательная регистрация домохозяйств для упрощения подушного налогообложения и воинского призыва, а также переписи все возрастающего населения были признаками сильной государственной власти. Пленники размещались вблизи царского двора, перемещения населения контролировались. Одной из ключевых черт государственного строительства в аграрных царствах были попытки удержать население на одном месте и не допустить его свободного передвижения. Мобильность и рассеяние — катастрофа для сборщика налогов.

К счастью для него, земля остается на одном и том же месте. И когда династия Цинь признала частные землевладения, она провела их тщательнейшую кадастровую оценку, связав каждый клочок пахотных угодий с конкретным владельцем/налогоплательщиком. Земельные наделы были классифицированы по качеству почв, возделываемым культурам и колебаниям осадков, что позволило налоговым чиновникам рассчитать ожидаемую урожайность и налоговые ставки. Налоговые чиновники династии Цинь ежегодно оценивали посевные культуры, что теоретически помогло корректировать налоговые ставки с учетом реальных урожаев.

Итак, главной задачей государственных чиновников, которую они решали посредством письменности, статистического учета, переписей и измерений, был переход от грабежа в чистом виде к рациональным формам отъема труда и продовольствия у подданных. Этот проект, несмотря на свою исключительную важность, вряд ли был единственной политической мерой, призванной сделать подконтрольную территорию более богатой, тщательно ее оценить и легко извлекать из нее ресурсы. Хотя не первые государства придумали ирригацию и способы контроля воды, они расширили оросительные системы и каналы, чтобы упростить транспортное сообщение и увеличить зерновые посевы. При любой возможности они наращивали численность и усиливали подконтрольность трудоспособного населения, насильственно переселяя подданных и военнопленных. Введенная династией Цинь система «равных полей» должна была обеспечить каждому ее подданному достаточный надел земли, чтобы платить налоги и пополнять царское войско. Понимая важность населения, государство в этот период не только запрети-

Дж. Скотт

Первые государства в истории
человечества:
агрэкология,
письменность,
зерно
и городские стены

ло ему покидать свою территорию, но и ввело элементы пронаталистской политики — налоговые льготы для женщин, родивших новых подданных, и их семей. Неолитический переселенческий лагерь стал ядром первых государств, однако искусство государственного строительства в тот период состояло в хитроумной политической перекройке ландшафта в целях обогащения (обеспечения больших земельных посевов и большего по численности и плотности населения) и в создании информационных технологий (письменных записей), которые облегчали государственный контроль за этими ресурсами. Однако усилия по всестороннему (вширь и вглубь) проектированию пространства, возможно, обусловили гибель самых амбициозных первых государств: гиперрегламентированная третья династия Ура не продержалась и столетия, а жизнь династии Цинь продлилась всего пятнадцать лет.

Если письменность неразрывно связана с государственным строительством, что происходит, когда государство распадается? Имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные археологические данные свидетельствуют, что без армии государственных чиновников, административных документов и иерархической коммуникации область применения письменности резко сокращается, иногда вплоть до ее полного исчезновения. Это не удивительно, учитывая, что в самых ранних государствах письменностью владел очень узкий слой населения, в основном чиновники. Примерно с 1200 по 800 г. до н. э., в Темные века древнегреческой истории, полисы распались. Когда письменность возродилась, это было не прежнее «линейное письмо Б», а новый вид письма, заимствованный у финикийцев. Однако между этими двумя событиями греческая культура сохранялась в устных формах, в этот период были созданы «Илиада» и «Одиссея», записанные позже. Даже распад Римской империи в V веке, несмотря на ее обширную литературную традицию, привел к почти полному исчезновению латыни за пределами нескольких религиозных учреждений. Видимо, в первых государствах письменность развивалась как инструмент государственного управления, а потому была столь же хрупка и мимолетна, как они сами.

А что, если грамотность в первых обществах была одним из способов коммуникации, как земледелие — одним из способов выживания? Разные формы земледелия были известны задолго до их широкомасштабного распространения в соответствующих экологических и демографических условиях. То же самое можно сказать о письменности: мир не был «темен», пока мрак не рассеял светоч письменности. Первые формы письма были артефактом государственного строительства, концентрации населения и расширения территорий, а потому они оказались непригодны для иных задач. Одна из теорий возникновения письменности в Месопотамии гласит, что во всех прочих районах она отвергалась из-за своей неразрывной связи с государством и налогами, как вспашка отвергалась, поскольку ассоциировалась с тяжелой работой: «[Почему] сооб-

щества на периферии отказывались использовать письменность, хотя множество археологических культур были подвержены влиянию развитой Южной Месопотамии? Можно предположить, что этот отказ был сознательным. Но каковы его причины... Вероятно, дело не в недостаточном уровне интеллектуального развития (для восприятия сложной письменности): жители периферии оказались столь умны, что благодаря отказу от письменности еще по меньшей мере пятьсот лет ускользали от репрессивных государственных структур, которые позже были навязаны им в ходе военных завоеваний... Судя по всему, периферия отвергала все сложные технологии государственности даже в случае их прямого воздействия... тем самым еще полтысячелетия избегая закабаления государством» (Algaze, 2013; Scott, 2009: 220–237).

Перевод с англ. И. В. Троцук

- Adams R. Mc C. (2008) An Inter disciplinary Overview of a Mesopotamian City and its Hinterland. *Cuneiform Digital Library Journal*, no. 1, pp. 1–23.
- Algaze G. (1989) The Uruk Expansion: Cross Cultural Exchange in Early Mesopotamian Civilization. *Current Anthropology*, vol. 30, no. 5, pp. 571–608.
- Algaze G. (2013) The End of Pre-history and the Uruk Period. H. Crawford (ed.) *The Sumerian World*. L.: Routledge, pp. 68–94.
- Carneiro R. (1970) A Theory of the Origin of the State. *Science*, vol. 169, pp. 733–739.
- Cowgill G. L. (1975) On Causes and Consequences of Ancient and Modern Population Changes. *American Anthropologist*, vol. 77, no. 3, pp. 505–525.
- Crawford H. (2013) *The Sumerian World*. L.: Routledge.
- Crawford H. (2015) *Ur: The City of the Moon God*. L.: Bloomsbury.
- Cronon W. (2003) *Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England*. N.Y.: Hill and Wang.
- Febvre L. (1923) *A Geographical Introduction to History*. Trans. E. G. Mountford, J. H. Paxton. L.: Routledge Keegan Paul.
- Heather P. (2006) *The Fall of the Roman Empire: A New History of Rome and the Barbarians*. Oxford: Oxford University Press.
- Hillman G. (1984) Traditional Husbandry and Processing of Archaic Cereals in Recent Time: The Operations, Products and Equipment which Might Feature in Sumerian Texts. *Bulletin of Sumerian Agriculture*, vol. 1.
- Lattimore O. (1962) *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958*. London: Oxford University Press.
- Leach H. M. (2003) Human Domestication Reconsidered. *Current Anthropology*, vol. 44, no. 3, pp. 349–368.
- Lee R. B., Daly R. (1999) *The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lewis M. E. (2007) *The Early Chinese Empires: Qin and Han*. Cambridge: Harvard Belknap Press.
- Lindner R. P. (1983) *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia*. Indiana University Uralic and Altaic Series, vol. 144. S. Halkovic (ed.). Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies Indiana University.
- Manning R. (2004) *Against the Grain: How Agriculture has Hijacked Civilization*. N.Y.: Northpoint Press.
- Mayshar J. O. M., Neeman Z., Pascali L. (2015) *Cereals, Appropriability and Hierarchy*. CEPR Discussion Paper 10742.

- McMahon A. (2015) North Mesopotamia in the Third Millennium BC. H. Crawford. *The Sumerian World*. L.: Routledge, pp. 462–475
- McNeill W.H. (2007) Frederick the Great and the Propagation of Potatoes. B. Hollinshead, T.K. Rabb (eds.) *I Wish I'd Have Been There: Twenty Historians Revisit Key Moments in History*. N.Y.: Vintage, pp. 176–189.
- Mumford J.R. (2012) *Vertical Empire: The General Resettlement of the Andes*. Durham, NC: Duke University Press.
- Nemet-Nejat K.R. (2002) *Daily Life in Mesopotamia*. Peabody, MA: Hendrickson Publishers.
- Nissen H.J. (1985) The Emergence of Writing in the Ancient Near East. *Interdisciplinary Science Reviews*, vol. 10, no. 4, pp. 349–361.
- Nissen H.J. (1988) *The Early History of the Ancient Near East, 9000–2000*. Chicago: University of Chicago Press.
- Nissen H.J., Heine P. (2009) *From Mesopotamia to Iraq: A Concise History*. Chicago: University of Chicago Press.
- Panther-Brick C., Layton R.H., Rowley-Conwy P. (2001) *Hunter-Gatherers: An Interdisciplinary Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Paulette T. (2016) Grain, Storage, and State-making in Mesopotamia, 3200–2000 BC. L.R. Manzanilla, M.S. Rothman. *Storage in Complex Societies: Administration, Organization, and Control*. L.: Routledge.
- Pollock S. (1992) Bureaucrats and Managers: Peasants and Pastoralists: Imperialists and Traders: Research on the Uruk and Jemdet Nar Periods in Mesopotamia. *Journal of World Pre-history*, vol. 6, no. 3, pp. 297–336.
- Pollock S. (1999) *Ancient Mesopotamia: The Eden that Never Was*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Porter A. (2012) *Mobile Pastoralism and the Formation of Near Eastern Civilization: Weaving Together Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Postgate J.N. (1992) *Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History*. L.: Routledge.
- Postgate J.N. (2003) A Sumerian City: Town and Country in the Third Millennium BC. *The Archaeology of Mesopotamia*. Oxford: Routledge.
- Pournelle J. (2003) *Marshland of Cities: Deltaic Landscapes and the Evolution of Early Mesopotamian Civilization* (PhD Thesis), University of California at San Diego.
- Pournelle J. (2012) Physical Geography. H. Crawford (ed.) *The Sumerian World*. Oxford: Routledge, pp. 13–32.
- Pournelle J., Algaze G. (2010) Travels in Edin: Deltaic Resilience and Early Urbanism in Greater Mesopotamia. H. Crawford et. al. *Preludes to Urbanism: Studies in the Late Chalcolithic of Mesopotamia in Honour of Joan Oates*. Oxford: Archaeopress, pp. 7–34.
- Pournelle J., Darweesh N., Hritz C. (2015) Resilient Landscapes: Riparian Evolution in the Wetlands of Southern Iraq. D. Lawrence, M. Altaweel, G. Philip (eds.) *New Agendas in Remote Sensing and Landscape Archaeology in the Near East*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago.
- Pournelle J., Hritz C. (2015) Feeding history: Deltaic Resilience, Inherited Practice and Millennial-scale Sustainability. H. T. Foster II, D. J. Goldstein, L. M. Paciulli (eds.) *The Future in the Past: Historical Ecology Applied to Environmental Issues*. Columbia: University of South Carolina Press.
- Richardson S. (2012) Early Mesopotamia: The Presumptive State. *Past and Present*, no. 215, pp. 3–48.
- Rindos D. (1984) *The Origins of Agriculture: An Evolutionary Perspective*. San Diego: Academic Press.
- Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Smith B.D. (1995) *The Emergence of Agriculture*. N.Y.: Scientific American Library.
- Smith M.L. (2006) How Ancient Agriculturalists Managed Yield Fluctuations through Crop Selection and Reliance on Wild Plants: An Example from Central India. *Economic Botany*, vol. 60, no. 1, pp. 39–48.

- Wang H. (2014) *Writing and the Ancient State: Early China in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wilkinson T. J. (2013) Hydraulic landscapes and irrigation systems of Sumer. H. Crawford (ed.) *The Sumerian World*. N. Y.: Routledge, pp. 33–54.
- Woods C. (2010) *Visible Writing The Invention of Writing in the Ancient Middle-East and Beyond*. Chicago: University of Chicago Press.
- Yoffee N. (2005) *Myths of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States and Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Yoffee N., Cowgill G. L. (1988) *The Collapse of Ancient States and Civilizations*. Tucson: University of Arizona Press.

Early states in the history of humankind: agroecology, writing, grain and city walls

James C. Scott, Professor of Political Science and Anthropology at Yale University and Co-Director of Yale Program in Agrarian Studies; Yale University, Box 208209, New Haven, CT 06520–8206. E-mail: james.scott@yale.edu.

The article is devoted to what might be called the “grain hypothesis”. Why are the grassy grain crops — typically barley, rye, wheat, rice, maize, and millets — so closely associated with the earliest states? The author’s guess is that only such grains are best suited to concentrated production, tax assessment, appropriation, cadastral surveys, storage, and rationing. On suitable soil, wheat provides the agro-ecology for dense concentrations of human subjects. If we were evaluating crops from the perspective of the pre-modern tax man, the major grains (above all, irrigated rice) would be among the most preferred, and roots and tubers among the least preferred. It follows that state formation becomes possible only when there are few alternatives to a diet dominated by domesticated grains. So long as subsistence is spread across several food-webs, as it is for hunter-gatherers, swidden cultivators, marine foragers, etc., a state is unlikely to arise, inasmuch as there is no readily assessable and accessible staple to serve as a basis for appropriation. Contrary to some earlier assumptions, the state did not invent irrigation as a way of concentrating population, let alone crop domestication; both were the achievements of pre-state peoples. What the state has often done, once established, however, is to maintain, amplify and expand the agro-ecological setting that is the basis of its power by what we might call state-landscaping. This has included repairing silted channels, digging new feeder canals, settling war captives on arable land, penalizing subjects who are not cultivating, clearing new fields, forbidding non-taxable subsistence activities such as swiddening and foraging, and trying to prevent the flight of its subjects. The early state strives to create a legible, measured, and fairly uniform landscape of taxable grain crops and to hold on this land a large population available for corvée labor, conscription, and, of course, grain production. For dozens of reasons, ecological and political, the state often fails to achieve this aim, but this is, as it were, the steady glint in its eye.

Keywords: grain hypothesis; early state; agro-ecology; state building; concentration of population; sedentism; pre-state people; uniform landscape; ecological and political reasons

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-6-32

От «человека общины» я вышел к хозяйствующему на земле субъекту, «хозяину-труженику»...

Интервью А. М. Никулина с А. В. Гордоном

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН. 117997, Москва, ул. Кржижановского, 15, корп. 2. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Журнал «Крестьяноведение» открывает новую рубрику — «Интервью с исследователем», в которой планируется обсуждать междисциплинарные проблемы истории и современности крестьяноведческого и аграрного знания с ведущими российскими и зарубежными учеными. Первое интервью в рубрике представлено беседой редактора журнала «Крестьяноведение» Александра Никулина с российским историком и культурологом Александром Гордоном, доктором исторических наук, заведующим сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН, внесшим значительный вклад в развитие отечественного крестьяноведения, интегрирование его в мировое русло интеллектуальных историко-культурных исследований. В интервью дискутируются вопросы соотношения аграрного и крестьяноведческого знания; анализируется роль региональных факторов в становлении и развитии исследований крестьянства во Франции, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и, конечно, в России; оценивается вклад российских и иностранных ученых, писателей, интеллектуалов в формирование крестьяноведения; обсуждаются интеллектуальные стратегии в современном крестьяноведческом направлении науки. В центре интервью находится биографическая тема: исследователь и его объект изучения — как историк и культуролог, приступивший к изучению значения общины в крестьянской культуре, вышел на вопросы постижения личности крестьянина, живущего и работающего на земле хозяина-труженика.

Ключевые слова: община, крестьянство, аграрные реформы, крестьяноведение, Азия, Европа, СССР, Россия

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-33-52

А. М. Никулин: Александр Владимирович, изначально мы собирались назвать нашу рубрику: «Интервью с аграрником», полагая, что в этом профессиональном термине заключаются достаточно многообразные смыслы междисциплинарного знания, в котором, конечно, и крестьяноведческому знанию находится достойное место. Но потом мы осознали, что проблематика, нас интересующая,

а также ее носители могут не уместиться даже в самые широко понимаемые контексты так называемого аграрного вопроса, поэтому мы выбрали максимально обобщающее и нейтральное название для академических бесед: «Интервью с исследователем». Вы как исследователь как могли бы себя охарактеризовать и, так сказать, идентифицировать?

А. В. Гордон: Вы упомянули об аграрном и крестьяноведческом знании. Хочу сразу же подчеркнуть: я не аграрник, я — крестьяновед.

Мое личное самоутверждение в качестве специалиста по истории крестьянства происходило в тесном взаимодействии с теми, кто причислял себя к «аграрникам», и в принципиальном размежевании с ними на дисциплинарном уровне.

Прославившая Россию аграрная наука была генетически сосредоточена на земельном вопросе, на что указывает само название. Более того — на разрешении этого «проклятого» для России вопроса! Отсюда две особенности — политизированность и эпистемологический редукционизм. Доставшееся от народнической «полосы общественной мысли» убеждение в земельном «утеснении» как главной беде пореформенной России и чуть ли не главной причине Революции оказывается очень стойким. И сейчас на дискуссиях по этим вопросам приходится слышать сакраментальное: «А сколько было десятин на душу?»

Когда в 60-х годах XX века случилось оживление аграрно-крестьянской тематики, пределом исканий для аграрников виделось установление нормы неравенства землепользования. Установив такую норму, советские марксисты-востоковеды с возделением смотрели, скажем, на Индию, ожидая, что в самой недалгой перспективе там начнется великая крестьянская революция.

Никакой отечественной специфики! На той же ступени застыла тогда аграрная мысль международных институтов и политтехнологов третьего мира. Универсальным средством решения крестьянских и общенациональных проблем представлялась аграрная реформа. Смягчив в разной степени, в зависимости от страны, земельное неравенство, тур агрореформ продемонстрировал полное фиаско в продовольственной и социальной сфере.

Крестьяноведение противопоставило аграрному редукционизму холизм, идею, что в крестьянском бытии все важно, и нисхождению от всей этой сложности к «детерминизму одной причины» следует противопоставить именно восхождение к этой сложности путем синтеза всех элементов. Кроме земельных институтов — систем родства, кроме форм хозяйствования — видов межличностных отношений, кроме экономики — верований, запечатленных в фольклоре и в аграрно-календарной обрядности. Становясь подлинно междисциплинарной наукой, крестьяноведение вбирало в себя социальную и историческую антропологию, экономическую и историческую социологию, культурологию... На этой почве у меня про-

изошел конфликт с Виктором Петровичем Даниловым и Теодором Шаниным, когда в начале полевых исследований 90-х я предложил дополнить экономическую тематику культурным состоянием постсоветского села.

Другая методологическая проблема, разделяющая аграрную науку и крестьяноведение, — соотношение объектности и субъектности. Заявкой *peasant studies* было провозглашение крестьянства историческим субъектом. Традиционная, позитивистская наука «опредмечивала» человека, делая его объектом определяющих его жизнь институтов. Получалось, что исследователь изучал клетку из них, но не существо, пребывающее в клетке. Я и попытался в своей деятельности раскрыть особенность этого социального организма в целостности его жизнепроявлений, т. е. крестьянскую субъектность. И центральное место заняли проблемы крестьянского сознания, через особенности которого я стремился раскрыть данную целостность. Раскрытие субъектности выводило на типологию крестьянской личности. Вся эта цепочка: субъектность — сознание — личность — решительно отдаляла меня как крестьяноведа от коллег-аграрников.

А. В. Гордон,
А. М. Никулин.
От «человека
общины» я вышел
к хозяйствующему
на земле субъекту,
«хозяину-
труженику»...

А. М. Никулин: Александр Владимирович, спасибо, конечно, за это чрезвычайно интересное эмоционально-методологическое разъяснение границ между аграрниками и крестьяноведами, но мне кажется, что вы — как я всегда полагал, последовательный борец с редукционизмом — все же сводите понятие «аграрник» к образу некоего «бумажно-поземельного тигра», питающегося исключительно статистическими сводками оборота десятин и гектаров. К чему это шаржирование?

Я могу вам, например, напомнить работу А. В. Чаянова «Земельный вопрос или вопрос аграрный», где аграрник (и крестьяновед, конечно!) Чаянов как раз настаивает на том, что аграрная проблематика отнюдь не сводится к земельному переделу, но включает в себя массу междисциплинарных научных проблем. Сам Чаянов чрезвычайно глубоко интересовался культурой и мышлением крестьян, органически используя данные в своих аграрно-экономических штудиях.

Упомянутые вами В. П. Данилов и Т. Шанин отнюдь не редукционисты-аграрники, а аграрники-крестьяноведы, давшие нам интереснейшие исследования в области культуры мышления и поведения крестьян. Я, как участник шанинской команды, могу напомнить вам целый ряд методик и публикаций крестьяноведческого характера собственных, а также моих коллег, осуществленных именно в рамках шанинского проекта. Да, Данилов и Шанин отказались от отдельного вопросника по сельской культуре, потому что в целом их долговременное полевое исследование было и так перегружено самыми разнообразными исследовательскими методами, но культуроведческие вопросы были сохранены, хотя и рас-

средоточены по всем исследовательско-методологическим инструментам того проекта.

Но все же расскажите, пожалуйста, как и когда вы лично обратились к исследованиям крестьянства?

А. В. Гордон: На вопрос «когда?» можно ответить почти с хронологической точностью. Началом систематических и системных занятий представляется статья в сборнике ИНИОН. Как очевидно из ее названия, мое обращение *к крестьяноведению*, или *в крестьяноведение*, началось с Востока¹. Но, разумеется, предпосылки складывались раньше.

А. М. Никулин: Вы предвосхитили мой вопрос. Вы настаиваете на роли Востока, но я вас знаю как франковеда.

А. В. Гордон: Волею судеб, о вмешательстве которых отнюдь не жалею, я оказался в 1961 году в секторе востоковедения Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН), где тружусь до сих пор, сделав научную карьеру от старшего редактора/младшего научного сотрудника до завсектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН. Между тем по своему университетскому образованию я — специалист по истории Франции, и моим учителем был выдающийся представитель *École russe*, русской школы историков Французской революции, Яков Михайлович Захер. От этой школы и лично от Якова Михайловича я унаследовал интерес к так называемым низам, городской и сельской «массе» и, соответственно, к изучению ее места в Революции.

Еще мне претил «парижецентризм», господствовавший тогда в советской историографии. Все это отразилось в кандидатской диссертации «Установление якобинской диктатуры», защищенной в 1968 году. По традиции я начал с восстания в Париже², а дальше проследил, насколько позволяли доступные источники, ситуацию в провинции. Выявив ожесточение среди городских низов и сельской массы, сделал упор не на терроризм, как обычно, а на формирование настроений в пользу государственного регулирования социально-экономических отношений, связав эти настроения с установлением диктатуры.

Очень меня заинтересовала Вандея, хотя это антиреволюционное движение мало вязалось с социальной базой диктатуры. Я почти интуитивно ощутил пределы господствовавшего тогда классового подхода к крестьянству. Распространенное мнение советской

1. Гордон А. В. (1977). Крестьянство и крестьянские движения Востока в западном крестьяноведении // Крестьяне и крестьянские движения в странах Азии и Африки. М.: ИНИОН. С. 239–270.
2. Гордон А. В. (1988). Падение жирондистов: Народное восстание в Париже 31 мая — 2 июня 1793 г. М.: Наука.

историографии о «кулацком мятеже» и роялистско-клерикальном «заговоре» явно не выдерживало критики. То была типичная «жакерия», возмущение крестьянской массы. С этим выводом я, пожалуй, оказался пионером в советской историографии Французской революции. Курьез: впоследствии при редактировании моей статьи «Вандейские войны» в 3-м издании БСЭ мне пять (!) раз отдавали текст, требуя возвращения к «кулакам» и «попам».

Вообще, изучение якобинской диктатуры привело меня к выводу об ограниченности классового объяснения Революции. Я, что называется, «спинным мозгом» чувствовал, что собранные мной свидетельства уходят как песок сквозь пальцы классового анализа. Через два десятилетия при обсуждении моей монографии «Крестьянство Востока» один из участников одобрительно заметил, что это неленинский подход к крестьянству. Да, там я отверг и толкование крестьянства как «класса феодального общества», и схему «богач — середняк — бедняк» в пользу определения «социальная общность».

А. М. Никулин: Как же вы осмелились?

А. В. Гордон: Да, заявить об этом открыто я смог только в разгар перестройки, хотя фактически разрабатывал альтернативу классовому подходу изначально, что сразу заметили его наблюдательные приверженцы. Вскоре после объявления себя крестьяноведом я услышал, что «крестьяноведение — не марксизм». То было в разгар очередной идеологической кампании, и я почувствовал, что у меня почва уходит из-под ног. Я страшно обиделся на молодого друга и разругался с ним. Вот ведь парадокс: он-то и помог мне обосновать мой подход (крестьянство — общность), хотя и не марксистски, но по Марксу. Как раз вышел 46-й том сочинений, где была изложена концепция *Gemeinwesen*. Прочувствовал многогранность основоположника и многослойность его учения. Хотя в центре последнего и оказалось *раз*-общение, т. е. социальные антагонизмы, была в нем и презумпция исходной целостности социума. Увы, та версия, что получила название «советский марксизм», сводила учение именно к антагонизмам.

С обвинениями в «антимарксизме» пришлось сталкиваться и в дальнейшем. Удержаться помогли два обстоятельства. Прежде всего то, что крестьяноведческий подход я стал разрабатывать на материалах востоковедения. А Восток, как известно, «дело тонкое».

А. М. Никулин: Понятно — догм меньше было...

А. В. Гордон: Догм хватало, но их давление было слабее. Само идеологическое руководство начинало теоретические игры. Давали установки: «государство национальной демократии» или «некапиталистический путь развития». А что это такое? Не капитализм,

А. В. Гордон,
А. М. Никулин.
От «человека
общины» я вышел
к хозяйствующему
на земле субъекту,
«хозяину-
труженику»...

не социализм? Написал я монографию о Франце Фаноне, «глашатае» третьего мира³. На стадии верстки пришла команда из ЦК: «Третьего мира не может быть. Исключить термин». Как тут исключить, когда он в главном произведении Фанона «*Les damnés de la terre*» («Проклятым заклейменные») встречается на каждом шагу. И редакция Восточной литературы проигнорировала (!) указание.

Благодаря работе с Фаноном я усвоил — тоже интуитивно — еще одну премудрость теоретических инноваций в условиях идеологического режима — в сложных случаях просто цитировал идеолога третьего мира. Ответственный редактор Нодари Александрович Симония, попавший в это время в опалу, с удовлетворением констатировал: «А вы знаете, Саша, к вам трудно придрать-ся». Выходило, что я прятался за Фанона. Как потом за *peasant studies*. Ретроспективно это было названо «эзоповым языком советского востоковедения». Случилось такое уже при перестройке, когда «оргвыводов» как бы не ожидалось, и я (а конкретно в докладе шла речь о Фаноне) раскрыл проницательному товарищу все, что скрывалось.

У подобного приема были свои издержки. Я излагал западных авторов, анализировал их работы, даже обобщал. Но в рамках их подходов! Такая методика очень годилась для жанра «научно-аналитических обзоров», которые были органичны профилю ИНИОН в 1970–1980-х годах. Однако выработать при этом собственный подход было затруднительно.

А. М. Никулин: Тогда вы в ФБОН работали?

А. В. Гордон: Решением ЦК и Совмина 1968 года ФБОН превратился в ИНИОН. Вместо библиографии я занялся реферированием и историографическими обзорами. А после Фанона от Африки и Ближнего Востока перешел к Востоку Дальнему — и это тоже было для меня большим приобретением и в смысле освоения великих культурных традиций, и для занятий крестьянством.

А. М. Никулин: Фанон — это все-таки о ближневосточной традиции.

А. В. Гордон: Правильно. Его труд стал для меня ориентиром в понимании такого грозного явления, как религиозный фундаментализм, с которым человечеству пришлось столкнуться десятилетия спустя. Притом для конкретного знания, скажем, ислама и вообще религий Востока, Фанон мало что мог дать. На самом деле он — человек утонченной светской культуры, его книга — великолепный образец французской прозы.

3. Гордон А. В. (1977). Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. М.: Наука.

А. М. Никулин: Франция вообще эпицентр революционной традиции, революционного мышления.

А. В. Гордон: Революционное наследие Франции действительно актуализовалось. 1968 год — общенациональная забастовка, майские баррикады, «новые левые» с их эйфорией в отношении третьего мира, Фанона, Че Гевары, а также маоизма (вплоть до «культурной революции» у Сартра)! Не без влияния «новых левых» в мировой науке сложился некий «крестьяноцентризм». Возник термин «триконтинентализм» как синоним третьего мира, а расшифровывая его, прямо говорили о «крестьянских континентах», предвещая им большое будущее в грядущей мировой революции.

А. М. Никулин: И вы пришли к выводу, что крестьянство для вас лично — это интересно?

А. В. Гордон: Не совсем так. Это выглядело сигналом стартера. «Вброс» в научную и политическую мысль «крестьянской революционности» сыграл свою роль. Заведующая отделом Софья Иосифовна Кузнецова выговаривала мне: «Саш, ну опять вы с этим крестьянством. Что с вами делать? Не любимая мной, но уважаемая тематика». Так наш отдел стараниями присоединившихся ко мне в 1980-х годах А. И. Фурсова и Ю. В. Чайникова стал центром историографии по крестьяноведческой проблематике.

Идейно-политическая актуальность легализовала наши исследовательские интересы, хотя непопулярность «деревни» среди академической интеллигенции преследовала меня и потом. Уже в постсоветское время я написал работу по цивилизационной проблематике, обосновав понятие «цивилизации Нового времени» (*модерность*), и сразу прославился⁴. А несколько десятилетий моих занятий крестьянством как-то в институте и не заметили.

А. М. Никулин: Значит, «крестьянская революционность» имела резонанс в научных кругах?

А. В. Гордон: Конечно. Очень существенно, что тема была подхвачена востоковедами. В Институте востоковедения АН в 1970-х годах шли оживленные дискуссии, при этом высказывались нетривиальные мысли, царил обстановка научно-теоретического поиска. Там для занятий крестьяноведением возникла «питательная среда». В. Г. Растяжников, Л. Б. Алаев, Ю. Г. Александров и другие старшие мои товарищи занимались крестьянством с различных дисциплинарных позиций, но важен был общий выход за рамки марксистского канона.

4. Гордон А. В. (1998). Цивилизация Нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII–XX вв.). М.: ИНИОН.

А. В. Гордон,
А. М. Никулин.
От «человека
общины» я вышел
к хозяйствующему
на земле субъекту,
«хозяину-
труженику»...

А. М. Никулин: Можно я уточню для истории: а в каком году вы письменно зафиксировали термин «крестьяноведение»?

А. В. Гордон: Это был 1977 год, сборник со статьей «Крестьянство и крестьянские движения Востока в западном крестьяноведении». Замдиректора Л. С. Кюзаджян, который курировал наш отдел, говорит: «Саша, что за крестьяноведение? Нет же рабочеведения». Я парировал: «Липарит Саркисович, так и западоведения нет, а востоковедение есть». Находчивость сыграла роль, Л.С. удовлетворился моим ответом — а он был опытным идеологическим работником. В конце концов, сборник-то был номерным, считался «для служебного пользования» (ДСП)!

Обозначив две тенденции современной науки: «раскрестьянивание истории» и «возвращение крестьян», — я объявил себя приверженцем второй и отметил складывание «ценностных установок» для крестьяноведения как «специальной научной дисциплины»⁵. Требовалось обосновать научно-дисциплинарный статус крестьяноведения, раскрыв содержательное наполнение своей заявки, и начал я с «крестьянской революционности».

А. М. Никулин: Все же с нее?

А. В. Гордон: Хотя идеологизированность этой тематики была неприятна, кроме ее актуальности я учитывал, что через «человека бунтующего» легче раскрывался важнейший посыл крестьяноведения — историческая субъектность крестьянства. Так, обозрел историографию крестьянских движений в Китае⁶, внимательно рассмотрел материалы дискуссии советских историков о «крестьянских войнах» в истории России. О «войне замкам» и иных формах действий крестьян во Французской революции вышла обобщающая монография Анатолия Васильевича Адо, в 1978 году вызвавшая оживленную дискуссию во Франции и ФРГ. Книгу, автора и дискуссию я тоже хорошо знал. В сущности, Китай, Россия и Франция — это были «три кита», на которых держались обобщения по части «крестьянской революционности».

А. М. Никулин: И что дальше?

А. В. Гордон: Вот именно! В конце концов, крестьянство не столько бунтовало, сколько трудилось. Еще Петр Алексеевич Кропоткин критиковал увлечение историков всякими катастрофами. Надо было уходить от этой увлеченности к крестьянской по-

5. Крестьяне и крестьянские движения в странах Азии и Африки С. 270.

6. Гордон А.В. (1984). Крестьянские восстания в Китае в XVII–XIX вв.: Методологические проблемы изучения крестьянских движений в новейшей западной историографии. М.: ИНИОН.

вседневности, от крестьянина-бунтаря к крестьянину — пахарю и кормильцу.

И тут мне крайне повезло выйти на полевые исследования американцев по Таиланду. Озаботившись, как бы тайская деревня не стала вторым Вьетнамом, американские антропологи «пропахали» весь Таиланд. У Йельского, Принстонского, Калифорнийского университетов возникали «свои» деревни: сначала приезжал профессор, потом его ученики, на протяжении года-полутора они обосновывались там, стараясь вжиться в бытие местных крестьян и вступая с ними в регулярные и длительные беседы «за жизнь». Подобные «командировки» продолжались порой несколько десятилетий.

Вообще, мне оказался близок жанр социальной антропологии, когда в центре человек, его жизнь, его картина мира. А не клетка обусловленности внешними факторами, в которую он заключен! И когда встал вопрос о собственной профидентичности, я самоопределился в сторону исторической антропологии. Не социологии — при всем моем уважении к этому направлению. Пожалуй, то был кульминационный момент моего крестьяноведческого становления.

А. М. Никулин: А ведь вами по обзору этих полевых исследований написана работа?..

А. В. Гордон: Да. Это уже был 1980 год⁷. Брошюра, между прочим, оказалась весьма популярной десятилетие спустя, когда начались интенсивные полевые исследования в России, поскольку я подробно рассмотрел в ней методику американских полеводов.

Очертились и методологические проблемы. Прежде всего, проблема проблем для крестьяноведения — община. Кроме политико-стратегических существовали научно-дисциплинарные аспекты обращения американских ученых к тайской деревне. Спецификой сельской социальности в мировой науке, как известно, считалось существование общины с ее жестко детерминированным коллективистским бытием. Отправляясь от этого стандарта, зачинатель дискуссии о характере тайской деревни Джон Эмбри предложил термин *loose structure* («рыхлая структура»). Его оппоненты стали доказывать, что он не разглядел подспудной детерминированности жизни тайской деревни коллективистскими институтами и нормами. Сторонники обращали внимание на силу индивидуализма, поставив под вопрос всесилье деревенского коллективизма⁸.

7. Гордон А. В. (1980). Вопросы типологии крестьянских обществ Азии: Научно-аналитический обзор дискуссии американских этнографов о социальной организации и межличностных отношениях в тайской деревне. М.: ИНИОН.

8. См.: Гордон А. В. (2004). Об одной полузабытой дискуссии: Концепция «рыхлой структуры» в типологии крестьянских обществ // *Alaica: сб. науч. тр. ... к 70-летию юбилею Л. Б. Алаева*. М.: Восточная литература. С. 54–66.

А. В. Гордон,

А. М. Никулин.

От «человека

общины» я вышел

к хозяйствующему

на земле субъекту,

«хозяину-

труженику»...

Напомню, с народнических времен в нашей научной и общественной мысли выстраивается ассоциативный ряд: общинность — соборность — коллективизм. А в пейоративном аспекте — тот же коллективизм с атрибутами стадности, обезличенности, «роевого сознания». Еще сложнее, если выйти за пределы России. Традиционная сельская община в Индии — община каст, в Китае сельскую общину замещал клан, объединение кровных родственников. Община в толковании Гакстгаузена — Маурера оказывалась во все не универсальным явлением⁹. А я ведь разрабатывал крестьяноведение, исходя из универсальных черт крестьянства. Вот тогда я и обратился к Марксовой категории *Gemeinwesen* — общность и к Марксову же понятию «локализованного микрокосма».

А. М. Никулин: Скажите, а как сформулировать разницу между общиной и общностью? Между сельской общиной и сельской общностью?

А. В. Гордон: Ну слово «община» имеет коннотации, как говорится, — при всех оговорках ассоциируется с общей собственностью, круговой порукой, патриархатом и т. д. А тайская деревня демонстрировала отсутствие привычных институтов доминирования и, напротив, — гибкость социальной организации, значимость межличностных отношений с их разнообразием, равновесие в гендерных отношениях. Американские антропологи, воспитанные на той же теории общинного коллективизма, что и мы, были поражены. Профессор Калифорнийского университета Герберт Филлипс, прожив в одной тайской деревне, не скрывал своего потрясения: «Что же это такое? Деревня состоит из 551 индивидуалиста!» Какая тут община?..

А. М. Никулин: Обращаясь к нашему российскому историческому материалу XX века, можно сказать, что община была разрушена, но общность, какая она есть — «рыхлая», — до сих пор воспроизводится. Просто общность, скажем так, есть всякое *small community*.

А. В. Гордон: Безусловно. Закономерность локализованного микрокосма! Возвращался ноябрьской ночью из так называемого свекольного пояса Шампани в Париж, и вспомнилось родное: «Дрожащие огни печальных деревень...»

А. М. Никулин: Эта строчка Лермонтова нашла у вас отзвук во французских ночных сельских ландшафтах?

9. См.: Алаев Л. Б. (2016). Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Крит. анализ теорий общины, историч. свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: ЛЕНАНД.

А. В. Гордон: Вот именно! Развитой сельскохозяйственный район, передовая в аграрном отношении европейская страна — и все та же отосительная отчужденность от городской цивилизации.

Не забудем и макромасштаб: это само существование крестьянства как особого, полуавтономного, по Крёберу — Редфилду (*part-society with part-culture*), социокультурного образования, которое я определил как «социальная общность».

А. М. Никулин: А как вы вышли на Редфилда?

А. В. Гордон: Случилось это чуть позже таиландистики. Проникшись достижениями американских этнографов, я решил познакомиться с отечественными, став завсегдатаем в Отделе первобытности А. И. Першица (за точность названия не ручаюсь) Института этнографии. То был самый передовой в теоретическом отношении отдел (Н. Б. Тер-Акопян, марксовед, участник издания упомянутого 46-го тома Маркса — Энгельса, Ю. И. Семенов, теоретик отечественной экономической антропологии, африканист Л. Е. Куббель, молодой тогда кочевниковед, а ныне известный исследователь национальных исторических мифов В. А. Шнирельман). Здесь я нашел ту же благоприятную среду, что и среди востоковедов, с критическим отношением к штампам официального марксизма.

Юрий Иванович Семенов, почувствовав, куда меня влечет, вручил мне курс лекций Роберта Редфилда¹⁰. Вручая заботливо переплетенный ксерокс ротапринтного издания, молвил: «Редфилд — умница». Такая рекомендация из уст преподавателя марксистско-ленинской философии, да еще в разгар очередного обострения идеологической борьбы, дорогого стоила.

К основоположнику *peasant studies* я возвращался неоднократно, даже написал о нем очерк для Энциклопедии культурологии¹¹. А в тот момент меня больше всего заинтересовала концепция «малой традиции». Прямо скажем, крестьянской культурой советские историки занимались «по остаточному принципу» и без выявления собственно крестьянкости в собранном этнографическом, краеведческом и историко-партийном (достижения партии в ликвидации неграмотности и подъеме культурного уровня села) материале.

Между тем к теме взаимодействия «малой» и «большой» традиции, крестьянской культуры и культуры макросоциума (общества, нации, культурного ареала) у меня набралось к тому времени немало материала, главным образом востоковедного и религиоведческо-

А. В. Гордон,
А. М. Никулин.
От «человека
общины» я вышел
к хозяйствующему
на земле субъекту,
«хозяину-
труженику»...

10. Redfield R. (1973). Little community and peasant society and culture. Chicago.

11. См.: Культурология: Энциклопедия / гл. ред. С. Я. Левит. Т. 2. М.: РОСС-ПЭН, 2007. С. 348–352. Кстати, в этом издании есть мои статьи «Крестьяноведение» и «Крестьянские культуры».

го. Объясняется это просто. В отличие от христианства, в индуизме и буддизме не происходило искоренения «язычества». В тайской деревне буддизм (а также индуизм) сосуществовал с культом духов, в китайской деревне процветал культ предков и т. д. Впрочем, и в европейских деревнях, в русской ли, французской, фиксировалось немало «суеверия» (очень красноречива в этом отношении новелла Н. С. Лескова «Юдоль»). Но, заметьте-ка, у того же Лескова дохристианские верования подавались преимущественно в одиозном свете.

А. М. Никулин: А кстати, что из русской классической литературы вы использовали?

А. В. Гордон: Прежде всего «Власть земли» Глеба Успенского. Вот ведь у кого была отчетливо сформулирована мысль о крестьянской индивидуальности, о личностности крестьянского сознания (в пику постулату «роевого сознания»). И была раскрыта эта мысль на материале бунта в аракчеевских военных поселениях. Дескать, противна оказалась идея принудительного хозяйствования крестьянину как личности, хозяйствующей на земле. Хотя вроде бы все было организовано, наполеоновскому маршалу Огюсту Мармону очень понравилось.

А. М. Никулин: Да кому только они ни нравились. У аракчеевского эксперимента много было поклонников в России и за границей.

А. В. Гордон: Да и сейчас в литературе споры идут. Но это как раз антитеза моего убеждения, что крестьяноведение должно быть «крестьяновидением», без игнорирования крестьянского мировосприятия. Еще классический пример — растиражированная цитата из А. С. Пушкина о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Почему-то высказывание сочли верхом мудрости применительно к крестьянским восстаниям.

А. М. Никулин: Это с точки зрения помещиков получается бессмысленный. Когда его, помещика, выгоняют из деревни.

А. В. Гордон: Александр Сергеевич, конечно, «наше все». Перечитав как-то «Историю села Горюхина», подумал, что Пушкина можно чтить и как зачинателя отечественного крестьяноведения. Хватало у него и характерного для дворянской литературы барского духа («мое Захарово»). Спору нет, дворянская усадьба — великолепный образец культуры России XIX века (и замечательный современный туристический объект, который надо беречь и сохранять). Но ведь историку следует понять истоки той ненависти, что заливала их пожарищем! Было такое не только в России, и пришлось заняться опровержением пушкинского силлогизма, что ста-

ло главой монографии¹². В ней стремился показать, что «беспощадность» вполне соответствовала логике, то есть осмысленности, крестьянского протеста.

А. М. Никулин: Эта монография — про Восток?

А. В. Гордон: Нет, монография явилась обобщением всего, что я наработал к моменту ее выхода (1989). Но поскольку книга готовилась в редакции Восточной литературы, она и была подана как востоковедная. Материал по Востоку был значителен, а подход — универсальным. Я шел за историографией: если какая-то методологическая проблема была лучше разработана, скажем, на российском материале, я максимально использовал эти разработки. Так, например, случилось с отечественной фольклористикой.

А. М. Никулин: Поясните, пожалуйста.

А. В. Гордон: Требовалось показать субъектность крестьянства как социальной общности. Историческое значение крестьянства как физической массы не отрицали ни либералы, ни марксисты, а вот с сознательным участием крестьян в историческом процессе была заковыка. Вот и следовало прежде всего найти путь к крестьянскому сознанию. А с этим были проблемы: методологическая и источниковедческая.

В методологии господствовала так называемая теория отражения. Иллюстрируя учение «сознание отражает бытие», советские историки живописали приниженность, подневольность, угнетенность, а также безнадежное бунтарство крестьян. К этому, в общем-то, и свелась интенсивная дискуссия на страницах журнала «История СССР» в 1970-х годах. Ее участники пытались раскрыть классовый характер крестьянского сознания, но запутались в самом определении классового сознания применительно к крестьянству. Простудировав дискуссию, я стал вынашивать альтернативу. С позиций историко-антропологического подхода она была — таки очевидной — анализ крестьянского сознания как автономной субстанции, которую следовало постичь из него самого.

А. М. Никулин: Что это значило?

А. В. Гордон: Помню, вычитал у филолога К. В. Чистова мысль о «действительности второго рода» применительно к фольклору¹³. Это было то, что нужно, — об объективности образа действительно-

А. В. Гордон,
А. М. Никулин.
От «человека
общины» я вышел
к хозяйствующему
на земле субъекту,
«хозяину-
труженику»...

12. Гордон А. В. (1989). Крестьянство Востока: Исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука.

13. См.: Чистов К. В. (1967). Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука.

сти, создаваемого в общественном сознании. Немало в этом направлении было сделано Е. М. Мелетинским и другими отечественными исследователями мифологического. Имелось еще в качестве идеологического прикрытия Марксово суждение о том, что идея, овладевшая массами, становится «материальной силой».

Главной становилась источниковедческая проблема, установление предмета для анализа крестьянского сознания. Креационистские и иные мифы явно уходили в такие глубины человеческого сознания, что о крестьянах как о социальной общности говорить не приходилось. И от мифологического я вышел к фольклорному, от К. Леви-Строса — к В. Я. Проппу.

У крупнейшего исследователя русской сказки Владимира Яковлевича Проппа я нашел не только много фактического материала для типологии отличительных черт крестьянского сознания, но и методологические суждения на тему автономности сознания¹⁴. Через Проппа воспринял ценность для историка битой-перебитой формальной школы русской филологии. И в этом ряду исследователей натолкнулся на работы Ольги Михайловны Фрейденберг. Она занималась ритуалами античности, но я почувствовал, как ее подход может работать на материалах крестьянской обрядовости. С выходом на огромный пласт хорошо изученных в мировой науке данных аграрно-календарной обрядовости практически по всем крестьянским обществам мира я, наконец, ощутил твердую почву под ногами¹⁵. Теперь можно было заняться типологией крестьянского сознания.

А. М. Никулин: Вы говорите о значении социальной антропологии и филологии в осмыслении природы крестьянства и в разработке крестьяноведческого подхода, а что можно сказать о собственно русской аграрной мысли? На одном из наших семинаров вы подчеркнули, что к началу XX века сложилась «русская аграрная философия» как одна из вершин отечественной общественной мысли, имевшая широкое международное значение. Когда вы, например, познакомились с Чаяновым?

А. В. Гордон: Познакомиться с Александром Васильевичем по имени я должен был еще в 1970-х хотя бы из хрестоматии Теодора Шанина или работ Дэниела Торнера по Индии. А вот обратился к организационно-производственному направлению лишь в конце

14. *Пропп В.Я.* (1976). Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Наука. Для идеологического климата времени симптоматично, что труд классика изучения русской сказки был издан под грифом Института востоковедения.

15. См.: *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы* (1983). Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука. Это была обобщающая публикация в серии тематических изданий Института этнографии.

1980-х, перед выходом монографии по крестьяноведению. Конечно, играла роль табуированность самого имени Чаянова, которая вела отчет аж от сталинского выступления 1930 года. Заметьте-ка, при массовой реабилитации времен Н. С. Хрущева хула «чаяновщины» не дрогнула. Сам Никита Сергеевич задним числом жалел, что не реабилитировал Н. И. Бухарина, — наверное, тогда бы дошла очередь и до Чаянова. Совершенно очевидно, что поношение Чаянова, Кондратьева и других выдающихся отечественных аграрников было производным от мифологии коллективизации.

А. В. Гордон,
А. М. Никулин.
От «человека
общины» я вышел
к хозяйствующему
на земле субъекту,
«хозяину-
труженику»...

А. М. Никулин: А как вы относитесь к коллективизации?

А. В. Гордон: Если коротко — как крестьяновед. Ибо коллективизация означает для меня раскрестьянивание, реализацию большевистской (впрочем, к ней могли присоединиться многие отечественные интеллигенты) мечты о превращении крестьян в «работников на земле», т. е. к лишению их хозяйствующей функции. А то, что, перестав хозяйствовать, сельский труженик и работником становится неважным, отчетливо понял, познакомившись с колхозно-совхозным хозяйствованием изнутри.

А. М. Никулин: А что еще препятствовало обращению к трудам Чаянова и его соратников?

А. В. Гордон: Кроме классового подхода, передо мной изначально стояла и проблема дистанцирования от экономоцентризма. Аграрная история преимущественно являлась разновидностью экономической истории, и не только у нас и не только это относится к прошлому. А вот нашей тогдашней спецификой выступала дихотомия базиса и надстройки, где экономика — базис. Надстройке, по истмату, полагалось следовать за базисом, «отражать» его. Экономика представляла детерминантой («экономический детерминизм»), а социальная организация, сфера общественного сознания, культура — производными. Этому редукционизму я противопоставил холизм, принцип значимости всех видов крестьянской деятельности в целостности крестьянского бытия. Поэтому в качестве альтернативы я начал «от общины», потом двигался «от культуры», и только укрепившись в понимании того и другого, перешел к экономической деятельности, собственно к природе крестьянского хозяйствования.

А. М. Никулин: По остаточному принципу?

А. В. Гордон: Нет, такова была логика погружения в крестьяноведение, которая вела к постижению (и определению), что есть крестьянство. Так от «человека общины» я вышел к хозяйствующему на земле субъекту, «хозяину-труженику», по известной формуле. Концепцию семейного хозяйства я оценил как сращенность при-

родного и социального в крестьянском бытии. Глава в монографии 1989 года так и называлась: «Крестьянское хозяйство как антропологическая категория». А вот к собственно экономическому значению концепции «крестьянского хозяйства» я обратился позднее, когда в Россию вернулся рынок.

А. М. Никулин: Тогда вами была опубликована такая небольшая книжечка «Крестьянство и рынок».

А. В. Гордон: Это было в 1995 году: заинтересованные размышления на тему рыночных реформ в российской деревне плюс опыт «зеленой революции» в странах Азии¹⁶. Там содержалась, кстати, и полемика с Чаяновым, точнее, с идеологемой «трудо-потребительского баланса». Суть полемики — постулировавшаяся статичность крестьянских потребностей, что было адекватно натуральному хозяйству, но опровергалось влиянием рынка. Между прочим, я противопоставил презумпции статичности идею «уточнения» крестьянских потребностей Н. П. Макарова. Вообще, не очень удачно получилось, что подъем русской аграрной науки в предреволюционный период сводят, как правило, к организационно-производственному направлению, а последнее — к имени Чаянова. Интересными мыслителями были С. Н. Булгаков, Н. Д. Кондратьев, Б. Д. Бруцкус, А. С. Изгоев, Л. Н. Литошенко...

А. М. Никулин: А действительно, почему вперед вышел Чаянов?

А. В. Гордон: Во-первых, Чаянов был разносторонне талантлив, в том числе в литературном отношении, что позволяло ему прекрасно формулировать свои (и не только) мысли, придавать им законченную, я бы даже сказал, афористическую форму, что очень важно для утверждения новой концепции. Именно Александру Васильевичу довелось в законченном виде представить идею семейного хозяйства крестьян как «некапиталистического типа экономики», а эта идея периодически оказывалась востребованной в европейской общественной мысли.

А. М. Никулин: А во-вторых?

А. В. Гордон: На популярность Чаянова сработала известность за рубежом, благодаря публикациям 1920-х годов в Германии его основных трудов и второму открытию этих трудов в 1960-х годах индологами Алисой и Дэниелом Торнер и советологом-русистом Бэзилем (Базилем) Керблеем, собравшим все работы Чаянова, что хранились в западных библиотеках, и предпринявшим восьмитомное собрание его сочинений. Это «второе открытие» пришлось ис-

16. Гордон А.В. (1995). Крестьянство и рынок. М.: ИНИОН.

ключительно вовремя, на том подъеме интереса к крестьянству, о котором я уже говорил. И вот спустя десятилетия, когда мне приходилось в профессиональном сообществе за рубежом заговаривать на крестьяноведческую тему, я тут же слышал: «А! Чаянов!» Особенно когда речь шла о «крестьянском хозяйстве» как особой экономической категории, вошедшей в мировую науку точно из России и именно через Чаянова.

А. В. Гордон,
А. М. Никулин.
От «человека
общины» я вышел
к хозяйствующему
на земле субъекту,
«хозяину-
труженику»...

А. М. Никулин: И вы остановились на «крестьянском хозяйстве»?

А. В. Гордон: Да, это был заключительный этап формирования моей крестьяноведческой концепции. Дальше — «хозяйствование на земле как тип личности»¹⁷. Развивая идею сращенности земледельца с землей (о чем, каждый по-своему, писали Маркс — Редфилд — Успенский), я, благодаря биосоциальной (как я толковал) категории семейного хозяйства, переходил от антропологического, уходящего в глубины первобытности, к социологическому, к социальному типу личности. Что имело актуальное значение, поскольку, подобно Теодору Шанину, я увидел в фермере, ведущем семейное хозяйство, ипостась крестьянской личности. И в чем смог убедиться, побывав во французской деревне.

А. М. Никулин: А как у вас началось сотрудничество с группой Данилова и с Даниловским семинаром, как вы стали консультантом шанинских социологов, их «длинных столов»?

А. В. Гордон: И с В. П. Даниловым, и с Т. Шаниным личное знакомство произошло благодаря В. Г. Хоросу. С Владимиром Георгиевичем, специалистом по народничеству, мы сотрудничали сначала по вопросам идеологии третьего мира, а потом и по крестьянству. Он написал основной обзор в сборнике «Крестьяне и крестьянские движения в странах Азии и Африки» (1977). После 1991 года Хорос отошел от крестьянских проблем, но в 1980-х именно он дал мне телефон Виктора Петровича, по которому я сообщил о благожелательной рецензии в «American historical review». Тогда состоялся доверительный разговор.

А. М. Никулин: А с Теодором Шаниным?

А. В. Гордон: С Теодором мы познакомились на квартире Володи Хороса во время одного из визитов Шанина тогда еще, кажется, в Советский Союз. Потом была представительная международная

17. 1. Тип хозяйствования — образ жизни — личность. (1993) // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М. С. 113–135; 2. Хозяйствование на земле — основа крестьянского мировосприятия. (1996) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М. С. 57–74.

конференция аграрников в Академии сельхознаук (или даже АОН). Там, кстати, я познакомился и с Джеймсом Скоттом. Для него было приятной неожиданностью, что его знают в Союзе. А в нашем отделе не только открыли «Моральную экономику крестьянина» для русского читателя, более того, Андрей Ильич Фурсов издал сборник, в центре которого была принципиальная для крестьяноведения дискуссия о «моральной экономике»¹⁸.

В разговоре со мной Скотт извинялся, что у него не оказалось с собой этой книги, зато вручил мне «Оружие слабых». Я сказал, что это даже лучше. Он понял. Действительно, против этой концепции у меня не было возражений, в отличие от «моральной экономики», которая, на мой взгляд, абсолютизировала натурально-хозяйственные аспекты крестьянской экономики.

С Теодором у меня не было подобных разногласий, систематизация им *peasant studies* в знаменитой хрестоматии «Peasants and peasant societies» явилась для меня своеобразным маяком в этом мире¹⁹. А возникшие позднее разногласия были скорее организационного свойства.

А. М. Никулин: И по каким же вопросам?

А. В. Гордон: Теодор в своей программе полевых исследований постсоветской деревни делал упор на продолжение «чаяновских» обследований семейных бюджетов сельских домохозяйств. Меня больше привлекали проблемы культуры села.

Разногласия возникли и при работе над русским изданием шанинской хрестоматии²⁰, к которой в качестве редактора меня привлекло издательство «Прогресс». Увидев макет «Великого незнакомца», я ужаснулся. Переводы были отчаянно плохи. Издательский редактор Елена Самойло со мной согласилась и по моей рекомендации обратилась к сотруднику нашего отдела Ю. В. Чайникову — профессиональному переводчику и специалисту по аграрной экономике (он, в частности, подготовил сборник по восприятию трудов Чаянова учеными стран Азии)²¹. Юрий Викторович в короткие сроки блестяще справился с задачей.

Помог он исправить и другой огрех: в этом издании, предназначенном для русского читателя, почти не было русских авторов! Даже Чаянов подавался в переложении Керблэя. Чайников пред-

18. Фурсов А.И. (1986–1988). Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 1–2. М.: ИНИОН.

19. Peasants and Peasant Societies: Selected Readings (1987) / Ed. by T. Shanin. 2-nd edition. Basil Blackwell.

20. Великий незнакомец (1992): крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. М.: Прогресс.

21. Чаянов и Восток (1991). Реферативный сборник / сост. Ю. В. Чайников. М.: ИНИОН.

ложил мне ряд работ русских аграрников начала XX века, главным образом организационно-производственного направления. Включил я и их оппонентов — Крицмана, Кубанина. В довершение добавил пространную статью с изложением своих взглядов на развитие крестьяноведения. Чем и завершил «Великого незнакомца».

Шанин в ответ возмутился: «Это не шанинская хрестоматия, а гордонинская». Меня отстранили от дальнейшего редактирования. Для разрешения разногласий был призван Виктор Петрович Данилов. Тот (после объяснения Лены Самойло) все-таки настоял на том, чтобы оставить мою фамилию как титульного редактора. К сожалению, не удалось отстоять роль Ю. В. Чайникова в составлении русского издания, хотя рекомендованные им работы в основном остались.

А. М. Никулин: И что было дальше?

А. В. Гордон: Я сильно переживал. Но, в общем, утешился известной русской поговоркой «хозяин — барин». Ведь изначально эта хрестоматия действительно создана именно Шаниным, к тому же издательство «Прогресс» печатало хрестоматию на средства, добытые Шаниным. Все же я очень рад, что приложил свою руку к выходу в свет этого крайне нужного в тот момент издания, в чем многократно убеждался во время конференций аграрников в различных российских регионах. Прямо скажу, «Великий незнакомец» способствовал подъему и особенно повышению методологического уровня отечественных аграрных исследований! А взаимоуважение между нами сохранялось, и, когда начал работу Даниловско-Шанинский семинар, мое участие в нем было воспринято как должное.

From a 'commune man' to the economic agent— a farmer, an 'owner and hard worker'...

An interview of A. M. Nikulin with A. V. Gordon

Gordon Alexander, DSc (History), Head of the East and South-East Asia Branch, INION of the Russian Academy of Sciences. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru.

Nikulin Alexander, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82, 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, Russia. E-mail: harmina@yandex.ru.

The journal "Russian Peasant Studies" starts a new section "An interview with a researcher" to discuss with the leading Russian and foreign scientists the interdisciplinary problems of the history and the current issues of peasant studies and agrarian science. The first interview was conducted by Alexander Nikulin, the editor of the journal, with the Russian historian Alexander Gordon, the head of the East and South-East Asia section of the INION RAS. He made a significant contribution to the development of Russian peasant studies and their integration in the world historical and cultural tradition. The interview questions consider the relationship of agrarian science and peasant studies, the role of regional factors in the development of peasant studies in France,

А. В. Гордон,

А. М. Никулин.

От «человека

общины» я вышел

к хозяйствующему

на земле субъекту,

«хозяину-

труженику»...

the Middle and Far East, Southeast Asia and Russia, the contribution of Russian and foreign scientists, writers and intellectuals to the institutionalization of peasant studies, and the current strategies in their development. However, the interview rather focuses on the scientific biography of Alexander Gordon—a researcher and a historian who emphasized the importance of the commune in peasant culture and of the peasant identity as a land owner and a hard worker.

Key words: commune, peasantry, agrarian reforms, peasant studies, Asia, Europe, the USSR, Russia

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-33-52

The pre-1941 local administration in the Soviet countryside:

How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University. 25 Universitätsstr., 33615, Bielefeld, Germany. E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

When it comes to the local administration in the Soviet countryside, we see a surprisingly uniform picture in the historical research—the so-called “rural undergovernment”. In the article, the author questions this perception and shows how strongly it was influenced by the official discourse, i.e. of the 1930s Stalin’s interpretation. The author believes that rural administration, on the contrary, functioned as it was designed to, and that its obvious incompetence was the most important part of Stalin’s strategy of governance. To understand the functioning of rural administration on the eve of the German occupation, we have to consider the decisive changes in the local management that took place under the collectivization in the 1930s, and the real aims of the state, i.e. Stalin’s dictatorship. The local administration was not limited to purely bureaucratic tasks but had to solve specific economic and political problems to keep up political stability. To evaluate the efficiency of rural administration we have to consider first the political priorities of the regime for even economic inefficiency and the abuse of office could be inevitable by-products of a highly efficient system of keeping up the regime. After the German occupation, it became evident that rural administration was not suitable to deliver what the new rulers expected: to deliver just grain. The author starts with a chronology focusing on the significant ruptures affecting the local rural administration between the mid-1920s and the German occupation in 1941. The second part of the article discusses what the state under Stalin really wanted the local administration to achieve. The third part of the article considers the bases of the rural management in the second half of the 1930s to reveal the intersection of the Party, the state and state security apparatus interests in the countryside. In the conclusion, the author presents his general findings, pointing out as well why the German Occupational Regime failed to take as much grain as Stalin’s administration before.

Keywords: local administration, Soviet countryside, incompetence, “rural undergovernment”, German occupation, Stalin’s dictatorship, political and economic aims, efficiency

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-53-76

The typical argument, as presented by Lynne Viola (2007), is that the Soviet local administration was weak and, thus, did not function in the way the state or Stalin expected: this interpretation emphasizes “rural undergovernment” as the key problem since the 1860s. (However, I do not agree that “traditional rural undergovernment reinforced Stalin’s own despotic tendencies, leading to hyper-centralization”, as Viola (2010) states, for, on the contrary, Stalin used the widespread prejudice that rural administration was weak to create his regime of

terror). The rural officials were blamed for mistakes in implementing the general policy due to their as if essential weakness. This argument is not convincing: “strength” and “weakness” cannot be a feature of local administration by itself and should be considered in the framework of its tasks, i.e. the aims of the state policy. The Prussian-German experience proves that local self-government can work efficiently to guarantee the state interests. Russia followed the Prussian example in the 1860s by creating *zemstvas* in the countryside and urban forms of self-government, which worked successfully from the 1890s (Eklof et al., 1994; Raphael, 2000).

The tasks of the local rural administration changed greatly in the early 1930s. Under the collectivization the peasants were forced to work for the state without salary. From now on preventing peasant rebellions became the top state priority. While the pre-1928 rural administration was to convince peasants, from now on the task was to intimidate them by exercising violence and breaking the will of the peasantry. Millions of Party members and state officials could not have implemented Stalin’s agricultural policy without using brute force. Although the economic results of organizing agricultural production in the 1930s were still poor (Merl, 1990a: 35–59), the rural administration did an excellent job considering the priority aims of the regime—prevented peasant rebellions against it. There hardly could have been a more efficient management model for such aims than the rural administration of the 1930s. The poor economic results, by the way, were determined mainly by contradictory orders ‘from above’. The rural administration failed to raise yields, but provided the state with an incredible amount of grain and potatoes without payment, thus, holding the peasantry as non-free workers similar to slaves (Merl, 2015).

The dictatorship could not and did not function in the way it pretended to. The official picture of the economy run by Stalin’s orders and ensuring a wealthy living to the Soviet people was far from the reality though played a central role in the political communication for the aims of legitimacy (in Max Weber’s terms). To suppress the public conversations about real life miseries under the Stalin’s rule was another condition for its survival. Nobody trusts the regime that admits to have caused starvation, famine, and widespread corrupt practices (As the term “corruption” does not fit, the author uses the term “corruptive practices” for any behaviour hurting the official norms) (Merl, 2010). Therefore, we have to be very careful with the official regime’s descriptions for all archival data are written in the official language of ‘right’ terms (Merl, 2012; Ermakov, 2013; Kil’dyushov, 2014). They do not tell “the truth”, as some historians still believe. How big the gap between the official descriptions and the real life was is best described for the so-called “command economy”. From the early 1930s the economy never worked only by the Stalin’s commands. In order to pretend that the economy followed his orders and its growth

depended on them, Stalin had to accept the widespread and officially forbidden corrupt practices of directors of industrial enterprises and even people's commissariats. Bargains with the controlling officials in the commissariats to 'soften' the plans, networks to conceal the losses of mean of production by paying bribes, *blat* and false reports were the ways to hide and compensate for the worst shortcoming of the central orders and to achieve economic growth. The most important thing for everybody involved was to keep silent for the people doing something illegal often did not understand that their corrupt practices was the necessary condition for the functioning of the command economy. Only (not always conscious) tolerance to these practices allowed Stalin to achieve economic successes and present himself as an irreplaceable arbitrator of economic interests (Berliner, 1957; Merl, 2007; Merl, 2017; Gregory, 2004). The command economy actually functioned as a symbiosis of commands and threats 'from above' and corrupt practices of the majority of people including officials and directors of industrial enterprises.

Management in agriculture strongly differed from management in industry for the state constantly intervened in farm management. The command economy worked quite successfully in industry ensuring impressive rates of growth, but was not efficient in agriculture at all. The kolkhoz heads lacked any autonomy and did not dispose of salary funds (as in industry) so as to pay bribes for the needed means of production not provided by the state (Merl, 2015). The kolkhoz system also combined severe control and treats of extracting agricultural products with tolerance to corrupt practices so as to save people from starvation. The terror alone, as some authors argue, cannot ensure the function of neither industry nor agriculture. To keep up the regime the rural administration at the same time had to intimidate the peasants and to allow them to use corrupt practices condemned in the official slogans.

To understand how the regime functioned in the countryside we have to reveal the real, i. e. informal, 'rules of the game' by reconstructing them through the behaviour of the people. The malfunctions listed in official reports or in the everyday communication would have caused the breakdown of the regime if the people realized that the dictator was responsible for their miseries. However, the contradictory orders 'from above' prove that 'breaking the law' was the only way to keep up the regime (Filtzer, 2006; Merl, 2012: 101–143), while respecting the law and the official slogans would have lead to sabotage and repressions up to severe punishment. Although the people respected informal rules, there was not any special reflection due to people's ability not to recognize important facts and not to pay attention to discrepancies between words and deeds (so-called "regressive learning"—Langenohl, 2010).

It was essential for the Stalin's regime to keep the rules of the game secret. The myth that rural administration was weak and

wrongdoing proved to be the strongest basis of the Stalin's rule in the countryside for it corresponded to the firm conviction of the rural people that local officials were wrongdoing. The people expected Stalin to pursue the traditional paternalist rule by playing the role of a "good tsar". By punishing local officials as scapegoats and by removing them from office, Stalin succeeded in putting the responsibility for his regime's shortcomings on the local rural officials. Stalin's rule depended on the rural population's conviction that their hardships were due to the local administration's incompetence. If we take into account that the local officials succeeded in keeping about 100 million peasants from rebelling against their miserable living conditions even under the "great famine" of 1932–1934, the effectiveness of the local administration in securing the rule becomes evident.

To evaluate this effectiveness we have to start from the state interests rather than economic efficiency in the Western understanding. The effectiveness of the local administration for the regime meant effective control rather than effective management of production. Under the Stalin's rule, the rural policy's main requirement was that the peasantry should bear the burden of financing the forced industrialization. *Kolkhozniki* were not paid for their work (the fact that there was some symbolic payment does not change this judgement: considering the costs of production, the price for grain was just about 20 percent of production costs, for milk and meat—about 50 percent) (Merl, 1990a). Stalin made this very clear in the Constitution of 1936 speaking of workers and peasants as "two friendly united" classes in both the right for social security and vacation. However, finances were provided only to state workers and employees, while *kolkhozniki* had to finance their social security by their own 'profits', which they actually did not have (Die Stalinsche Staatsverfassung, 1986; Merl, 2011; Getty, 1991). The official argument that *kolkhozniki* were 'owners' of kolkhoz assets was a pure fiction. The Stalin's law (1932) declared all kolkhoz property and even the agricultural products growing on the fields a "socialist property". *Kolkhozniki* caught in the kolkhoz fields while taking the yields planted by them could be shot on the spot as "thieves of socialist property" (Sobranie zakonov, 1932).

Key changes in the local administration under the collectivization

After the revolution, the state apparatus consisted of locally elected soviets. The rural soviets in the 1920s co-existed with the traditional administration of village communes, the elders and village assemblies (Viola, 2010). The influence of the local soviets on the rural life besides tax collection and state campaigns was not too strong due to their rather limited tasks such as organizing the production on the land allotments of peasant communes. Cooperatives were responsi-

ble for credits, farm implements and selling of the part of agricultural production. The market and the state controlled the prices, which affected the peasants' production decisions (Merl, 1981). The state intervention in modernizing agricultural production started with the Stolypin Reform (1906) and continued until the 1920s. The state's agricultural bodies at the *volost'* and later *rayon* level helped with the land management (*zemleustrojstvo*) as well as with the introduction of better crop rotation and seeds, thus, successfully supporting peasants on request (Yaney, 1982: 510–557; Bruisch, 2014; Merl, 1985a: 166–212).

During the 1924 election campaign to the rural soviets, the Party leadership intervened due to the low peasant participation. Considering this as an indicator that the rural soviets had not won the peasants' trust, the Party changed the agricultural policy, which obtained the heading of *litsom k derevne* (turning the face to the village). The positive response of peasants to the new policy underlines that the share of Party members or people in rural soviets alone are not sufficient indicators for the concept of agricultural policy plays an important role. The *litsom k derevne* policy positively affected the peasants' perception of the regime and produced incentives to modernize and increase the agricultural production. The results of the first elections were annulled if less than 35 percent of the rural population voted or peasants complained about the procedures. The rural population reacted with higher participation rates in the second election: though the number of communists elected in the rural soviets dropped, the Party noted a better inclusion of peasants into the system of Soviet rule (Merl, 1981: 41–49). In the mid 1920s, the positive reaction of peasants to the policy of *litsom k derevne* became evident due to the quick growth of agricultural production. Many peasants joined cooperatives and some 'middle peasants' decided to join the Party. This trust to the Soviet regime ended in 1927 with a new rupture in the Party's agricultural policy, i. e. with the social discrimination of the better-off peasants by the tax policy and disenfranchisement of the so-called 'kulaks' (Merl, 1981: 291–309, 411–436). Peasants reacted very badly also when the Party did not thank them for the participation in the October revolution: for its 10th anniversary some privileges were granted only to workers and state employees (Bericht, 1993). Peasants' dissatisfaction was evident in the lower rates of participation in the 1927 rural election (only 48 percent of peasants showed up) (Merl, 1985a: 90–100).

The results of the local rural administration in the 1920s primarily depended on whether the agricultural policy took into account peasant interests. Until 1927, the role of the state apparatus in the villages was limited to monitoring the compliance with the state laws, the land use and the restrictions to hire workers. The peasants evaluated the Soviet rule positively if it stimulated the growth of agricultural production; while dissatisfaction was the result of rural incomes fall due to the state price policy. The state kept the agricultural price-

es artificially low, thus, making the terms of trade for peasants significantly worse than in 1914 due to the increasing gap between agricultural prices and the prices peasants had to pay for industrial goods (Merl, 1981: 194–312, 368–410).

A strong rupture that turned the local rural administration into a means of violence and pressure took place in 1928. It destroyed the power of traditional institutions of peasant self-government within village communes, and deprived the peasants of any possibility to express legally their will. This rupture was accompanied by the forced expropriation of grain in winter of 1927–1928. To put more pressure on peasants so as to make them sell their grain harvest, in August 1927 the state introduced an additional tax. As the ‘unified’ agricultural tax was already collected then, there was no legal basis for any additional tax. Therefore, the state decided to use the so-called ‘self-taxation’. According to the law, only the village commune could introduce self-taxation under the consent of its members for such local needs as building/reconstruction of schools, roads and bridges. The introduction of self-taxation by the state was a contradiction in itself and, thus, entailed the state violence. The state ordered rural soviets to call the assemblies of peasant communes to vote for self-taxation of 35 percent of the state agricultural tax (Merl, 1981: 368–388; Bericht, 1993).

In the majority of villages, the peasants saw no local needs for such a tax and refused to vote for it. The resistance was general and did not depend on the social position as poor, middle or well-to-do peasants. The campaign was under the responsibility of the Oblast’ Party committees (*obkom*) and used the state’s forces of repression. *Obkoms* send their plenipotentiaries to *rayons* to conduct the campaign, and *rayons* send their officials further to rural soviets. All stood under severe pressure for every head official was to be removed from office on the spot if he did not will or was not able to exercise the necessary pressure on peasants or to arrest those speaking or voting against the necessary decision. The assemblies of village communes were called in February-March 1928 by rural soviets. Often a day before there was a self-organized meeting of the commune to vote against self-taxation. The ‘official’ assemblies were convened by the head of the village soviet or plenipotentiaries from *raikom* (or *volostkom*). As a rule, the state security or militia officials attended the assemblies to keep peasants from speaking openly against self-taxation (everybody knew that it would lead to the arrest on the spot). The assembly did not end until the decision needed by the Party was made. Often the head of the meeting put only one question for vote “Who is against Soviet power?” to achieve the desired results. The only chance to avoid the ‘unanimous vote’ for self-taxation was to break up the meeting by gathering in the stinking barn or by starting to sing “Christ is resurrected”. However, such a relief was temporary as the village soviet would call the meeting again to get the

required vote for the 35 percent agricultural tax (Merl, 1981: 368–388; Bericht, 1993; Merl, 2012: 64–68).

For the first time a new and seemingly democratic communication mode of controlling the peasants was applied. To incorporate them into binding decisions, the state used ‘closed assemblies’ governed by the rules of interpersonal communication (Merl, 2012: 48–81; Erren, 2000) and headed by a Party official. A dissent voting was impossible due to the question wording: the voting essentially was not about the self-taxation, but rather about consent or dissent with the Soviet rule. The voting against was considered to be against the Soviet regime, which led to the accusations in being counterrevolutionary, arrest and often annihilation by the security forces. The self-taxation campaign destroyed the independence of village communes and became a dress-rehearsal for the forced collectivization that started a few months later and used the same means of breaking the will of peasants.

The state considered forcing peasants to vote unanimously for what they definitely did not want a brilliant idea. After an assembly the peasants were bound by their vote and lost the right to resist the decision (otherwise the one would act against the will of the meeting). The forced collectivisation in the winter of 1929–1930 was imposed by the same kind of voting of the closed assemblies. This time peasants were aware that voting against collectivisation was impossible under the risk to be arrested or even shot on the spot. This time urban workers were sent to the countryside to take grain by force and to take part in the village assemblies to exert an additional intimidation. Under the collectivization, the commune finally lost the function of public opinion institution for solving peasants’ problems. The assembly turned into the state means of making peasants vote for whatever the state wanted. Desperate dissent or anger over expropriation could be expressed only through ‘terrorist acts’—the state uses this term to delegitimize any forms of protest until the present day. Some peasants chose this way and attacked officials or rural activists, committed arsons to protest against the forced expropriation (Merl, 1990a: 61–90).

In implementing the state violence against peasants, the local soviets from 1928 become an effective institution within the state machine of repression. However, this machine was only destructive: it was effective in expropriating grain, collecting taxes and intimidating peasants, but unable to give peasants any incentives for productive labour. The closed assemblies played a decisive role in negating the peasants’ ability to resist. A man risked to be arrested on the spot if spoke against the state or Party orders in public. The state force, however, was not used against female peasants as the Party denied their ability have an opinion. That is the reason why in 1930 the state witnessed the *bab’i buntty*, i. e. peasant women rebels against collectivization, every time the state expropriated the family’s cow, the basis of children’s survival (Viola, 1986; Merl, 1981: 150–152). The officials had to find a male to blame and arrest—a local priest or a

Stephan Merl.

The pre-1941 local administration in the Soviet countryside

kulak—as being responsible for instigating women against the Soviet power.

The creation of *kolkhozes* meant an additional rupture as the definitive end of the village communes. The commune's assembly was replaced by the meeting of *kolkhoz's* members. Often small *kolkhozes* were identical to one or a few former villages, however, independent meetings of peasants/*kolkhozniki* were no longer allowed—the *kolkhoz* assembly could be convoked only by the head of rural soviet or by instructors from *rayon*. In convoking the assemblies, the rural officials acted as auxiliary troops for the plenipotentiaries 'from above'. From the very beginning, *kolkhoz* assemblies were under the state control: they had to take place at least once a year to listen to the report of the board and to elect it. These elections were obligatory under the guidance of a representative of the regional Party organization, and sometimes were attended by a state security official. All speakers of such assemblies were to use the official speech codes to avoid arrest. Every *kolkhoz* member had to attend them to be bound by their decisions. The assemblies ensured unanimous voting for whatever the state demanded: shooting of "enemies of the people", signing state loans, giving all grain to the state, socialist competition in increasing milk yields per cow, finishing sowing earlier than required by the state plan. The assemblies trained the peasants to repeat the official slogans of the Party and to follow the official terms in any argument. The inclusion into the regime during the assemblies was ensured performatively by the presence itself. Therefore, rural officials had to make sure that nobody was missing and to report about the participation. The rules of the game allowed the *kolkhozniki* to criticize the *kolkhoz* administration, however, only following the official slogans. If they wanted to get rid of an unpopular *kolkhoz* director, he was to be blamed of betraying the state. If they spoke about the real causes of their anger (that he neglected their needs), they would be arrested on the spot (Merl, 2012: 64–72). Any hints of unsolved state tasks would attract the controllers 'from above'. If the people mentioned facts of a betrayal of the state, the director would be arrested. However, even in this case the peasants were only actors in the script written by the dictator for they helped him to select the scapegoats. Sheila Fitzpatrick (1994: 286–312) is wrong in that this was an expression of the power of the weak. The miserable fate of the people did not change: the *raikom* would appoint the successor who would execute the state orders with the same brutality.

The *kolkhoz* assemblies differed from former village assemblies in other important aspects: under the dekulakization (arrest and deportation of *kulaks*) and the strong peasant outflow in the cities, the assemblies lacked the previously dominant group of better-off peasants, who still influenced the village life in the 1920s. Local priests retained some influence on the local religious commune and especially women until 1937. This meant that a return to the pre-1929 system was im-

possible: the traditional group of elders was no longer present, and peasants communes after the forced collectivization were beheaded and could no longer express an independent political will.

The creation of the “kolkhoz system” (Merl, 1990a) as a reaction to the famine of 1932–1933 was the next significant rupture for the rural population. After the period of arbitrary violence against the peasants, the kolkhoz system returned to some form of compromise between the state and peasant interests, which points to the fact that Stalin considered the famine a real danger to his rule. However, he could not admit openly that industrialization and forced collectivization were the causes of the famine so as not to lose the legitimacy of the regime (Schiller, 1988: 203; Merl, 1993). The state demanded the grain and other agricultural products (milk, meat and potatoes) from the peasants without paying the full cost of production. To end the arbitrary taking of ‘surpluses’ (often leaving the peasant with no food and fodder at all), from 1933 the obligatory deliveries were based on the fixed numbers per hectare of sown area, per cow or per *kolkhoz* household. Thus, the obligatory delivery became similar to the tax in kind calculated for *kolkhozes* and the *kolkhoz* households in advance (the nature of the tax in kind was vague for the state made a low symbolic payment: for the grain about 20 percent of production costs by the end of the 1930s, for milk and meat a little bit higher). The grain procurement lost much of its previous arbitrariness: *kolkhozes* knew in advance how much grain they had to give to the state. Unlike 1921, there was no grain at the free market of agricultural products after 1933—it could be sold only to the state.

The peasant strive to survive within *kolkhozes* was taken into account by the state by permitting each *kolkhoz* household working in the *kolkhoz* to have a small plot (about 0,25 hectares) and a limited number of cattle as a ‘personal’ property. This allowed *kolkhozniki* to produce some food for their survival. *Kolkhozniki* had to deliver a certain amount of milk per cow to the state and, regardless of having cattle, to deliver a certain amount of meat. *Kolkhozniki* won the right to sell their ‘agricultural surpluses’ at free prices at the so-called ‘*kolkhoz* markets’ after the obligatory deliveries to the state. *Kolkhozniki* in general did not receive any money from *kolkhozes* for their work in the 1930s outside the cotton areas (and there only from 1935), their only source for money even for paying state taxes were markets. The last element of the *kolkhoz* system was the regulation of so-called ‘advance payment’: during threshing and regardless obligatory deliveries to the state, 10 to 15 percent of the threshed grain had to be distributed among *kolkhozniki* according to their labour results. Unlike the period of 1930–1932, the *kolkhoz* system now ensured that the *kolkhozniki* were rewarded for their work and were not doomed to starvation (Merl, 1990a: 129–140, 260–280, 360–371, 453–476).

Actually household plots were a part of the shadow economy, they gave peasants chances for survival by the use of corrupt practic-

es. Under the Second World War these plots allowed rural people to survive. From 1933 they lived under an occupation-like regime and got used to producing a significant part of their food by themselves (Merl, 1998).

The next significant rupture was due to the 1936 Constitution. Soviet people got the right of “direct, free, general and secret” vote at all levels of the Soviet system including the Supreme Soviet of the USSR and the National Soviet. The first “free and secret” election took place at the end of 1937 after the intensive campaign to prevent public dissatisfaction and after the arrests of the adherents of dangerous opinions (local popes, former kulaks or “children of kulaks”). Most of the arrested including the majority of priests were shot after secret trials of local *troikas*. Shortly before the election campaign, Stalin changed his mind and ordered that only one candidate would be on the ballots to avoid his best policy executors to be crossed out by the voters. The election, thus, served as an additional control tool like the closed assemblies: a refusal to vote was considered as voting against the Soviet state, i. e. as a crime (Merl, 2011). Such a “voting without any choice” played an important role in the control over the local officials. Everybody had to take part in the election; those who did not show up were registered and had to explain their absence. The participation in the election was a criterion for estimating the local officials’ work. The share of non-voters that exceeded the average number (about one percent) was a proof of the local officials’ bad work (Merl, 2011). The Soviet elections were to demonstrate primarily the people’s unanimous trust to the regime; voting was considered a performative act of trust to the regime, a sign of its support and subordination.

The final important rupture hit the *kolkhoz* peasants on the eve of the German invasion, and was especially brutal in the Western part of the Soviet Union, where a lot of *kolkhozniki* still lived on *khutors*, i. e. single farmsteads in the mid of previously arable land. They lived outside of the central village of the *kolkhoz* and, thus, somewhat out of control of the local administration. In 1932 the size of private plots was reduced according to the *kolkhoz* statute; and the herd had to be reduced to the allowed limits, while the exceeding number of cattle was to be confiscated (Merl, 1990a: 295–319; 2015). The attack on private plots and *kolkhozniki* living at single farmsteads significantly reduced the possibilities of their survival. As the rural households were reluctant to execute the central orders the new campaign of mass violence started. It covered about 3 million rural inhabitants at the pre-1939 Western border, which was later occupied by the Germans. The *khutor* buildings were removed to the central settlements by force. While *khutors* were destroyed with the help of local activists of rural soviets, little or no material support was provided to settle at the new place. A lot of peasants in the Western administrative regions in 1939–1940 suffered violence and the threats to survival (Merl, 1990a: 191–197; 2015).

Stephan Merl.
The pre-1941 local
administration in
the Soviet
countryside

To estimate whether or not the Soviet rural administration fulfilled its functions, we have to identify the tasks the Stalin's rule wanted it to solve and the extent to which such requirements could be met. One of the requirements was to ensure a political communication that would create the faith in the legitimacy of the political rule. Thus, to keep up the myth of Stalin as a good tsar, the local rural officials were to be scapegoats, and to take full responsibility for all shortcomings of the official policy. Stalin needed scapegoats at the grass-root level to put his paternalist rule convincingly on stage. He used the fact that the majority of rural people believed that rural officials were incompetent and corrupt. Therefore, the latter were ideal scapegoats to be blamed if *kolkhozniki* refused to accept the self-taxation, to "voluntarily" join a *kolkhoz*, or to support the collectivization. Actually, nobody, not even the well-trained officials could have fulfilled this task. The orders of the Party leadership could be executed only by brute force. The rural officials had no other way than to use violence and to intimidate peasants by arrests, arbitrary expropriation of farm implements, and deportation of *kulak* families. Some officials tried to make impossible promises such as providing tractors after creating the *kolkhoz*, which only reinforced the economic chaos and destruction of agricultural means of production (Merl, 1985b).

Although the use of violence contradicted the slogans of the regime, the plenipotentiaries 'from above' forced the local officials to use brutal terror. In 1928 in Western Siberia Stalin showed an example of intimidation, pressure and violence against peasants, and of removing local officials and blaming them as saboteurs if they did not cope with such tasks. Although the local officials fulfilled the tasks Stalin blamed them for not convincing peasants "to do voluntarily" what the regime wanted them to do (Kindler, 2014: 113–117). Blaming the local officials after the end of campaigns to implement the hurting central decrees, although the officials did exactly what they were ordered to do, became a routine. One of the most brilliant examples is Stalin's article in "*Pravda*" on "dizziness from success" (2 March 1930), in which he accused the local officials of doing what he personally ordered them to do—of forcing peasants to join *kolkhozes* under the collectivization campaign in winter of 1929–1930. At the peak of the famine in 1933, Stalin blamed the local officials and activists in Ukraine for wrongdoings (Merl, 1990b: 50–53). All responsibility for violence and terror was put on the local officials, who were accused of distorting the campaign slogans that supposed convincing peasants to voluntarily join the *kolkhoz* or give the state their last reserves of grain.

The archival data does not allow doubts that rural officials were punished or repressed not only if they did not cope with the state tasks: even if they did and whether or not they used force, they became scapegoats for that was the regime's symbolic game. Many of-

officials were removed from office if they did not cope with the tasks, but even if they did after a while they were sent to another position to do about the same job as before. The main idea of blaming the local officials was to create confusion about Stalin's aims and responsibility (Merl, 2015). About a third of the elected rural officials were removed every year from office mostly during the state campaigns (Merl, 1990b: 90–120, 234–249). Thus, the state succeeded in killing two birds with one stone: the local people were satisfied that the state punished unpopular officials, while the state was glad not to lose effective officials capable of using force.

The local officials had to perform two functions: (1) to use force against the rural population to fulfil the state tasks, and (2) after the campaigns to serve as scapegoats to take the responsibility and to divert attention from those at the head of the Party who gave orders. This game was repeated under the Stalin's rule again and again, and it is hard to estimate to what extent the people truly believed in its justice for they obviously were confused about the responsibility; however, many were willing to believe that the local officials were responsible. At the peak of the state campaigns, some wrote letters to Stalin accusing local officials. By punishing some of his loyal officials, Stalin contributed to the credibility of the myth of being a wise father of the people. Under the campaigns the force was always used, while the scapegoats were chosen only after the end of the campaigns.

In 1930, the rules of the game still caused some misunderstandings and demoralization among officials, who did not understand why they were blamed for wrongdoings if they had only executed the orders 'from above'. However, soon the rural officials got used to the rules, accepted their double functions, and realized that real repressions against them in general were the result of not using force. The rural officials had their compensation as local rulers between the campaigns, that is why despite all the risks, there are always were volunteers for the local administration positions.

The discrepancy between the order to "convince" and the real pressure to use force against peasants is a typical example of "regressive learning" in the political communication under a dictatorship (Langenohl, 2010). People learnt to praise the regime while breaking the official rules at the same time. Words and slogans lost their meaning for guiding actions, and people no longer paid attention to them. Another essential element of the regime were contradictory orders of the Party that could not be executed at the same time. The officials had to know which orders to fulfil under different circumstances to avoid repression, and which to neglect because their execution would entail problems. The contradiction between slogans and actions became normal under Stalin. Officials and rank and file repeated the slogans at closed assemblies, but acted differently. For example: the rules of the "kolkhoz system" in the countryside from 1932 to 1949/1953 did not contribute to the growth of agricultural production

although the officials spoke of revolutionary rural production forces. The state wanted to ensure a high grain harvest and at the same time to neutralize the peasantry (Merl, 1998). As obligatory deliveries of grain were bound to the sown area, the local authorities controlled the size of the latter: although the Party required introducing scientific crop rotations, the local officials did not allow it for it would reduce the size of the sown area (Merl, 2015).

The people lost independent assemblies to discuss their needs and wanted compensation. A new vertical channel of communication between the people and the regime won overwhelming importance for keeping up the Stalin's rule. As Russian peasants had a habit of writing petitions to the ruler, the regime took advantage of this tradition. People were encouraged to write letters including complaints, which opened the way to "bargain" personal dissatisfaction: the ruler had to react to the letters by sending orders or commissions to check the local situation, or by providing the needed help such as firewood to the elderly. Peasant letters could be addressed to the *oblast* (or *kraj*) Party Committee, most of them were sent directly to Stalin or other members of the Party leadership. Each Party leader in Moscow had a secretariat to deal with thousands of letters per year. In most cases the situation was checked and an answer was given (State Archive of the Russian Federation...). People considered such a communication as a privilege and accepted it as a part of the paternalist rule. Both sides involved kept the content of the letters confident so the regime was not obliged to discuss openly its shortcomings. For the regime, the most important function of such letters was preventing local protests. The letters helped the ruler to react timely so as not to let the dissatisfaction to reach a critical level (Merl, 2012: 82–100; Fainsod, 1958: 378–408). They became an additional means of control over rural officials that put limits to their arbitrariness. Any unusual accumulation of letters against some officials would lead to the inspection 'from above' endangering the job holders (Kozlov, 1997; Merl, 2012: 93–94). Thus, the letters fulfilled an important valve function in preventing local rebellions and in putting all responsibility for shortcomings on local officials. The letter writing itself meant acceptance of Stalin's position as a wise ruler.

Letters to Stalin and other Party bosses reveal the efficiency of letter writing for putting all responsibility on the local officials. Stalin enjoyed playing the role of an arbiter, i. e. the Party leadership as if learnt only from these letters about the wrongdoing of the local officials. The letter writing underlines that the regime took advantage of the widespread paternalist understanding of the rule. People were allowed to address personally "Father" Stalin and other Soviet leaders. People trusted not to institutions, but to personal relations between the heads of institutions. Stalin as a "just tsar" could be addressed in letters personally.

Besides playing a role of scapegoats, the rural officials had to pro-

vide the state with the agricultural products. As the state orders on deliveries of agricultural products and on taxes did not take into account the local need for survival, every year a big state campaign headed by plenipotentiaries was organized to fulfil the procurement plan. The pressure on *kolkhozes* and *kolkhozniki* did not decrease by 1941. Every year the local officials had to “find” new *kulaks* for expropriation and “enemies of the people” to intimidate the rest of *kolkhozniki* and to make them fulfil their obligations to the state. The officials had to put merciless pressure on those not coping with their obligations. If they failed to do so, they were to be removed from office by the *rajon* authorities (Dobronozenko, 2008). As *kolkhozes* were interested to reduce the sown area, “taking grain” turned into a permanent fight, and local officials were to keep up a war-like situation in the countryside to meet the state requirements. The “kolkhoz system” did provide the state a huge share of the harvest, but it did not guarantee the *kolkhoz* enough grain for its own and *kolkhozniki*’s needs.

In order to put an additional pressure on *kolkhozes* to get as much grain as possible from the fields, the official harvest name from 1933 onwards was changed to the “biological harvest”, i. e. the amount of grain ripening before the start of harvesting, which was 20 to 30 percent above the “bunker” harvest, the previous concept defining only the grain at the *kolkhoz* or state barns. As losses during the harvest were unavoidable, a significant part of the “biological harvest” was a fiction. However this not existing part of the harvest was considered to be left for *kolkhozes*’ own disposal. At the end of the year, when the “distribution of the profit” was to take place, in fact nothing was left for distribution (Merl, 2015).

Constant intimidation was a part of the production campaigns, of sowing, harvesting or keeping the cattle in winter. The majority of rural population lost incentives to produce and especially to increase productivity in *kolkhozes*. State procurement prices for grain paid only about 20 percent of the production costs. To prevent peasant sabotage the officials put merciless pressure in the form of “socialist competition” to achieve the state production goals. During the campaigns peasants’ complaints were neglected not to risk achieving economic goals. However, too much pressure would discriminate a local official by the letters reporting of his wrongdoings to the higher bodies.

Finally, the local officials had to prevent peasant rebellions. If terror and repression were ubiquitous, the Stalin’s regime should have caused rebellions and broken down. Therefore, the rural official’s task was not only to use force and intimidation during the campaigns, but also to look away at other times allowing the *kolkhozniki* from time to time to betray the state (Merl, 2012: 101–109). As the corrupt practices were a means to ensure one’s survival, nearly all everybody in the countryside use them to provide oneself with food or other needed goods. Stealing the so-called “socialist proper-

ty” was a basis of local survival up to the *rayon* level. The risk of such a corruption was calculable if one was cautious and kept a secret. While ordinary *kolkhozniki* stole from the fields for themselves as much as possible, the higher bodies used the *kolkhoz* assets for “gifts”, bribes, and *blat* within their networks. “Stealing” also included not taking part in the *kolkhoz* work. The officials’ corrupt practices included misusing the state property, which had strong roots in the pre-1930 rural tradition (Merl, 2008). It required some willingness of compromise, and “looking the other way” if people were doing something not officially permitted. “Stealing” from *kolkhoz* fields since August 1932 was to be punished severely; though nearly every *kolkhoznik* practiced it, very few people actually were shot or punished at all (Merl, 2012: 101–109).

It took the *kolkhozniki* a few years to understand the rules of the game. The situation in the early 1930s lacked any calculability due to the arbitrariness of the state terror. With the “*kolkhoz* system”, the rural people regained the possibility to assess the risks by grasping the rules. As under serfdom and slavery, most *kolkhozniki* were forced to work in the fields. The brigadier had to be stern and punish those unwilling to work. After understanding the rules, the *kolkhozniki* in their fight for survival started to take advantage of them: participating in *kolkhoz* work until the threshing meant that the labour days were counted for “pre-payment”, and labour days after that were worthless for nothing was left for distribution at the end of the year; therefore many *kolkhozniki* stopped working in *kolkhoz* after getting the “pre-payment”. From the mid-1930s, it became difficult to force the *kolkhozniki* to work in the fields in autumn, when they maximized their labour input in private plots or paid work outside the *kolkhozes* (Merl, 2015; Merl, 1990a: 281–319, 371–391).

The *kolkhoz* until the 1950s was often based on the previous village communes, i. e. its members knew each other more or less, and the general situation was not anonymous. The village communes after 1861 did not lose completely the possibility to protect peasants from the state arbitrariness, and small *kolkhozes* partly fulfilled this function. According to the Russian tradition, an elected person has to represent the will of the voters, but at the same time to perform official functions of the state administration. These two duties were sometimes contradictory, and the local officials had put pressure on the local people. However, under the state campaigns, the *kolkhozniki* could use the *kolkhoz* assemblies in collective action to blame officials of not fulfilling their obligations towards the state as compensation. This is evident from the strong opposition of *kolkhoz* members to merging with another *kolkhoz* for it would bring “outsiders” in the established local community. Before, the *kolkhoz* kept to some extent ambiguous character: It was the means of state pressure over the *kolkhozniki*, but *kolkhoz* members could use it sometimes to defend their interests against the state.

ИСТОРИЯ

The Soviet political system consisted of three main elements with often conflicting tasks: the Party, the state, and the state security. All three had their own apparatus on all levels of the administrative hierarchy with the *rayon* as the lowest level. The First Secretaries of the Party hold real power, controlled the state apparatus, and were responsible for everything in their sphere of influence. The First Secretary of the Party *raikom* was the rural boss responsible for all rural soviets and *kolkhozes* on his territory. Under the campaigns, he had to execute the direct orders of the First Secretary of the *oblast* or *krai* Party Committee. Between the political and economic campaigns his power was nearly unlimited as long as he could avoid peasant written complains about his misuse of power (Fainsod, 1958; Merl, 1990b: 62–63).

The power structure within the Party was often based on networks connected with the nomenclature system. Leading Party officials were selected and recommended ‘from above’ and only formally elected ‘from below’. Even if a candidate failed to be elected, the next one was still recommended ‘from above’. The Party boss had the right to select the staff for key positions in the lower level of the hierarchy. All candidates for chairmen of rural soviets and *kolkhozes* were recommended by the *raikom* secretary. The most important criteria for the selection was not professional qualification but an ability to efficiently execute important orders ‘from above’ and personal loyalty. The use of personal networks was against the official rules of the Party but they ensured some protection from the arbitrary pressure ‘from above’. The patron, *raikom* secretary, would normally protect “his” people—*kolkhoz* chairmen, heads of rural soviets, etc.

The Stalinist regime was based not only on the official orders ‘from above’, but rather on knowing which of them had to be executed and which could be neglected without risk. The best way to protect oneself was to report successes and to fulfil one’s functions without major and visible failures. False reporting (higher figures of fulfilment/production than real accomplishments) was one of the means to be praised ‘from above’ and avoid any forms of repressive control. False reporting was more secure than telling the truth about failures for the latter inevitable lead to inspections with usually fatal consequences for the local officials (Berliner, 1957). Under the campaigns the success had to be celebrated and a disclosure of sabotage or failure had to be avoided.

The second element of the administrative system was the state and its executive apparatus. Although from 1937 through the direct elections the soviets were subordinated to the Party apparatus, the chairmen were recommended only ‘from above’. The executive administration was under the direct control of the Party committee. The Party controlled all important administrative and economic structures to

ensure a direct control over the state apparatus. The central body of control was the Commissariat of peasants and workers (the Party had an additional Control Commission over the Party apparatus). From 1938, the collection of taxes was transferred to the special apparatus within the *Rayon* Executive Committee (RIK). Thus, the head of the rural soviet lost the possibility for arbitrary fining of peasants (Merl, 1990a: 247–256; Merl, 1990b: 248–249).

In the countryside, there were two types of officials by legal status. Only workers and employees have all civil rights, were paid for the job and included in the social security system. From 1932, *kolkhozniki* had a lower legal status and were paid in “labour units” instead of getting a salary. Withholding of passports from *kolkhozniki* deprived them the right of free mobility within the country. Most of *kolkhozes* and rural soviets chairmen until the end of the 1930s had the limited legal status of a *kolkhoznik*. They were be paid and included in the social security system only if their status was ‘worker’ or ‘employee’. As a *kolkhoznik* they would were paid in “labour units” with undefined money equivalent. The chairman of the rural soviet, however, regardless his legal status, got a salary depending on the size of regional population. The uncertainty of payment for the *kolkhoz* chairman determined the problem of finding qualified persons for the position. By the end of the 1930s, he at least received a fixed value of the “labour units” just like a tractor driver. Thus, a minimum of “labour units” was paid to about 240,000 *kolkhoz* chairmen, and their fixed salary was similar to chairmen of rural soviets (Merl, 1990a: 391–393; Merl, 1990b: 116–121; Merl, 2015).

The total number of rural soviets’ chairmen was about 70,000 at the beginning of the 1930s, 63,000—in the second half of the 1930s. In the 1931 elections and at the end of 1934 for each rural soviet about 20 persons were elected, i. e. 1.3 million in total, among them 19 percent were communists. About three of four chairmen were communists, every second in 1934 still had a status of the *kolkhoznik*. The share of employees increased between 1931 and 1934 from 7 to 30 percent, the share of workers stayed almost the same—14 percent in 1934 and 15 percent in 1931. Due to the high turnover rate of about 30 percent a year, less than half of the elected in 1934 were still in office by mid-1936 (Merl, 1990b: 234–249). The reasons for removal were, for instance, drunkenness, and personal enrichment from the confiscated property. In general, the illegal “self-organization” and exchange of food products seems to have been widespread among local officials misusing their official position to access the food.

The institutional and personal control through networks was more important than the Party membership. Admission to the Party was limited in 1933 with the start of the “purging” campaigns and only in 1937–1938 started to reopen. About two thirds of the Party members of 1932 were dismissed under the campaigns of changing the party tickets between 1933 and 1937 (Merl, 1990b: 49–60). Thus, only a

shrinking minority of *kolkhoz* chairmen were Party members in the 1930s. Chairmen of rural soviets in general had to be Party members as every official in the Party committees and key officials in the state apparatus. From the end of the 1930s, the Party membership became an additional means of control over officials in the leading positions. While in the early 1930s joining the Party could be a start of a career, in the late 1930s those who had proved to be capable of fulfilling the tasks ‘from above’ were asked to become a member of the Party, which positively influenced a person’s further upward mobility and contributed to the additional control of the Party.

In destroying the still effective patriarchal system of the village the Soviet regime was successful in organizing its active supporters from among the underprivileged such as the youth lacking recognition within the traditional peasant commune mainly young women. They became team leaders, *stakhanovite* milk maids or tractor drivers (Merl, 1990b: 182–188, 207–233), managed to be recognized at least by the regime and to be awarded prizes and privileges (invitations to *stakhanovite* meetings in *oblast’* centre or even in Moscow). Besides these activists of production there were activists of political campaigns and village soviets’ commissions.

The third apparatus of the state repression was the state security under the Commissariat of the Interior (NKVD) from 1934 (Fainsod, 1985: 153–172). It functioned as an independent source of information and means of control even over the Party and the state apparatus. Formally being under the control or in connection with the *oblast’* Party Secretary, the state security gathered information even about it. The state security was used as an instrument of power by the commissars of the interior (by Jagoda, Ezhov, and from 1938 by Beria) and was under the personal control of Stalin; partly it was used by the Party committees. The state security had its own informants (*seksoty*) in *kolkhozes* effectively hindering any sort of organisation ‘from below’: all possible ringleaders were arrested and shot before they tried to organize resistance or sabotage. During the great terror, the intimidation in the form of arrests became widespread and included denunciations on the basis of information about “dangerous” people ‘from below’. The *kolkhozniki* were aware of the *seksoty* and, therefore, were extremely careful about their social contacts, especially about those they drunk together (Harvard Interview B328).

Besides the state apparatus, there were also economic agencies: while state farms were under the control of Republican commissariats, the *kolkhozes* were under the control of *rayon* administration and of machine-tractor-stations. The executive agricultural organisation at the *rayon* level consisted of agronomists, land offices and procurement organisations. To understand how this administration worked, it is necessary to consider the state campaigns, for instance, “socialist competition” and awarding its winners were normal procedures. Every economic action in the countryside was under the party’s con-

trol—preparation for the spring sowing campaign (collection of seeds, preparation of rural machinery, sowing campaign itself), preparation for the harvest, harvesting and the top-priority campaign of delivering the harvest to the state. During every campaign, the officials had to report every 5 or 10 days, and the percentages of plan fulfilling were announced in the local and central media. The campaign for winter sowing and fallow ploughing overlapped with the procurement campaigns. Besides there were political campaigns: Lenin’s birthday, the soviets’ elections, awarding ceremonies for the winners of the “socialist competition”, 8th March, 1st of May, October Revolution Day and so on. As Karen Petrone (2000) puts it, the campaigns followed the old rural schemata of long times of fasting and then celebrating in abundance.

The *kolkhoz* chairmen selected “their” people for administrative positions: only men for the more attractive jobs as heads of departments and brigadiers; women could be accountants and team leaders in growing industrial crops (as sugar beets). While the yearly turnover rates of *kolkhoz* chairmen were up to 30 percent under normal conditions (Merl, 1990b: 73–121), this did not mean that 30 percent were repressed every year. A *kolkhoz* chairman had little opportunity to work successfully, and a removal from office was his normal fate. If he coped with his tasks in general, he had (provided that he was a member of the limited cadre reserve of the Party boss) good chances to be sent to another *kolkhoz* or to another position at the same administrative level after the removal. There are models of a *kolkhoz* chairman career: (1) was promoted, did not cope with the tasks, was removed and lost the position, sometimes was declared a scapegoat and repressed; (2) coped with the job as a successful manager and repressor, was removed from office as a scapegoat, but in fact was transferred to another position at the same level of hierarchy and stayed in the local cadre reserve.

Certainly, the village communes before the collectivisation were not places of harmony for conflicts between families were widespread. This allowed the Party to find rural activists willing to execute its orders almost in every *kolkhoz* (Vasylyev, 2014; Kindler, 2014; Merl, 1990b: 207–233). Interviews from the Harvard Refugee Project (B124, 285) also prove the lack of trust among neighbours: conflicts between families sometimes resulted in denunciation letters against each other. The relations of rural people were also shaped by the “moral economy”, i. e. their own understanding of what was legal or illegal including different forms of protest. The legitimacy of *buntovat’* presupposed the violation of their moral rights. For relief and restoration of the rights they could address a higher official or Stalin in letters of complaint or denunciation, or offend a chairman at the *kolkhoz* assembly.

Stephan Merl.

The pre-1941 local administration in the Soviet countryside

ИСТОРИЯ

The Soviet rural administration was effective in putting the state pressure on peasants, in keeping them in *kolkhozes* and in preventing peasant rebels against the regime. The rural administration did exactly what the state demanded. The rural officials did their job effectively as evidenced by the high figures of grain, milk, meat and other agricultural products supplied to the state, although these goods were in very short supply in the village and the producers were starving. The officials managed to collect taxes from the rural population, although their money income was almost zero. What is often taken as a proof of the “rural undergovernment” is nothing but the rules of the game: rural officials were blamed for incompetency and wrongdoing because that was a means of pursuing the policy of merciless use of violence against the rural population. There was no other way for the regime to exploit the *kolkhozniki* who were not paid for the work in the *kolkhoz*.

The agricultural production did not grow not because of failures or shortcomings of the local administration, but rather due to the contradictory orders ‘from above’. Without paying the *kolkhozniki* for their work, there was no stimulus to increase agricultural production. The officials and ordinary people tried to minimize the risk to fall victim of the state repressions. As the risk to be shot was significantly higher if grain was not supplied, the officials did not pay attention to the agrotechnical orders that contradicted the task of grain supplies. The scientific crop rotation would have increased yields, but the reduction of acreage would have reduced the grain supplies.

The rural population suffered worse exploitation than the slaves, but understood that open resistance would lead only to arrests and executions. Therefore, they took advantage of the communication channels offered by the regime: some wrote letters to Stalin to tell about miseries and to denunciate local officials responsible for them; some closed assemblies accused unpopular *kolkhoz* chairmen of embezzling agricultural products, and, thus, helped the state to find among its officials the best scapegoats as if responsible for the people’s miseries; most peasant used corrupt practices and kept silence about them (Merl, 2015). The rural population accepted the Stalin’s paternalist rule to a certain extent and participated in the game of blaming the local officials for all their miseries. It would hardly have been possible to transfer such a system of rule to the German occupational policy.

To what extent this rural administration was bound to the specific needs of Stalin’s dictatorial rule became evident, when the Germans tried to built up there rural administration after occupation. For this they had no alternative to using the available local people, as Germans were not available. From the beginning, the German advisors,

i.e. agricultural experts such as Otto Schiller and those responsible for the occupation, could not agree on the agricultural policy. While the experts favoured the direct privatization of agriculture, the others insisted on postponing the privatization and considered *kolkhozes* the best means of getting agricultural products from peasants (Hoover Institution...; Berkhoff, 2004: 116-120; Bundesarchiv, Fond R58). The Germans obviously relied on the official descriptions of the regime (*kolkhoz* system and rural administration) and believed that Stalin's *kolkhozes* strictly and ruthlessly controlled the peasants. The Germans trusted in official institutions while the Russians rather in personal relations. The Germans did not expect that every year taking grain and collecting taxes would need a new fight with *kolkhozniki* using crude methods of intimidation. They could not anticipate to what extent the "kolkhoz system" was based on the corrupt practices of stealing from *kolkhozes* and on false reporting, and that all *kolkhozniki* could use the rules of the game in their own interests including deceiving the state in response to the strong terror (Berkhoff, 2004: 114-140; Al'tmann, 2008; Pennar, 1962). The Soviet Union had "voluntarily" supplied grain to Germany in 1939-1941 according to the Hitler-Stalin pact; but under the occupational regime, the Germans did not succeed in taking the same amounts of grain. Without an effective system of control, the occupational regime started arbitrary mass repressions in response to not having its orders executed, which only strengthened the obstruction and resistance of the local people. As a result the agricultural supplies shrank and corrupt practices strongly increased. As Karen Berkhoff (2004: 54-58, 305-313) argues, the German occupation lacked paternalist patterns, which were the basis of the Stalin's rule, which turned the peasants against it.

The German *Landwirte* were unable to complete the task of taking agricultural products for Germany from the people following their own aims and skilful in corrupt practices. The rural population was better off compared to the Soviet rule in terms of food left in the countryside though the situation varied across the regions. The German controllers could not become a part of the local networks. The old terms they used—"elders" and *volost'*—did not mean the return to the pre-revolutionary conditions. These "officials" traditionally played on two fields serving both state and peasant interests, i.e. they rationally chose the behaviour that would protect them best from both the state repressions and peasants' vengeance. The Germans also could not cope with the huge amount of denunciations, most of which either were false or aimed to get rid of personal or political enemies. And the German killed many of those willing to cooperate with them as "red partisans" (Berkhoff, 2004: 54-58, 114-140)

- ИСТОРИЯ Al'tmann I. (2008) *Opfer des Hasses. Der Holocaust in der UdSSR 1941–1945. Mit einem Vorwort von Hans-Heinrich Nolte* (Zur Kritik der Geschichtsschreibung, Bd. 11). Gleichen/Zürich.
- Bericht über die Ergebnisse der Wirtschaftskampagnen des Jahres 1927/28. Stand 10.4.1028 (1993). Auszüge aus der Anlage zum Protokoll Nr. 29 der Sitzung des Büros des Gouvernementspartei Komitees Smolensk vom 3.5.1928, S. Merl (Hg.) *Sowjetmacht und Bauern. Dokumente zur Agrarpolitik und zur Entwicklung der Landwirtschaft während des "Kriegskommunismus" und der Neuen Ökonomischen Politik*. Berlin.
- Berkhoff K. C. (2004) *Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule*. Cambridge and London.
- Berliner J. S. (1957) *Factory and Management in the USSR*. Cambridge.
- Bruisch K. (2014) *Als das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion*. Köln.
- Bundesarchiv. Fond R 58, Reichssicherheitshauptamt.
- Die Stalinsche Staatsverfassung von 1936 (1986). H. Altrichter (ed.) *Die Sowjetunion. Von der Oktoberrevolution bis zu Stalins Tod*. Bd. 1: Staat und Partei. München.
- Dobronozhenko G. F. (2008) *Kulak kak ob'ekt social'noj politiki v 20-e—pervoj polovine 30-ch godov XX veka (na materialach Evropejskogo Severa Rossii)* [Kulak as an Object of the Social Policy in the 1920's—the first half of the 1930's (on the data from the European North of Russia)]. Sankt-Peterburg.
- Eklöf B. et. al (eds.) (2000) *Russia's Great Reforms, 1855–1881*. Bloomington.
- Ermakov A. M. (2013) Rets. na kn.: Merl S Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. *Dialog so vremenem*, vyp. 45, pp. 350–359.
- Erren L. (2010) Stalinist rule and its communication practices: An overview. K. Postoutenko (ed.) *Totalitarian Communication, Hierarchies, Codes and Messages*. Bielefeld.
- Fainsod M. (1958) *Smolensk under Soviet Rule*. Boston.
- Filtzer D. (2006) Atomization, "molecularization", and attenuated solidarity: Workers' responses to state repression under Stalin. B. Studer, H. Haumann (eds.) *Stalinistische Subjekte. Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953*. Zürich.
- Fitzpatrick S. (1994) *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York.
- Getty A. J. (1991) State and society under Stalin: Constitutions and elections in the 1930s. *Slavic Review*, no. 50, pp. 18–35.
- Gregory P. (2004) *The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Secret Soviet Archives*. Cambridge.
- Hoover Institution, Stanford: Germany. Reichskommissariat für das Ostland. Miscellaneous Records, 1942–1944, 1 Ms. Box.
- Kil'dyushov, O. (2014) Politicheskoe kak kommunikatsiya. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 13, no. 3, pp. 238–245.
- Kindler R. (2014) *Stalins Nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan*. Hamburg.
- Kozlov V. A. (1997) Denunciation and its function in Soviet governance: A study of denunciations and their bureaucratic handling from Soviet police archives, 1944–1953. S. Fitzpatrick, R. Gellately (eds.) *Accusatory Practices. Denunciation in Modern European History, 1789–1989. Studies in European History from the Journal of Modern History*. Chicago.
- Langenohl A. (2010) Afterthoughts on "totalitarian" communication. K. Postoutenko (ed.) *Totalitarian Communication. Hierarchies, Codes and Messages*. Bielefeld.
- Merl S. (1981) *Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925–1928*. München, Wien.
- Merl S. (1985a) *Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im Dorf (1928–1930)*. Wiesbaden.

- Merl S. (1985b) Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit. W. Fischer (ed.) *Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit*. St. Katharinen.
- Merl S. (1990a) *Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems 1930–1941*. Berlin.
- Merl S. (1990b) *Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre? Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute*. Berlin.
- Merl S. (1993) War die Hungersnot von 1932–1933 eine Folge der Zwangskollektivierung der Landwirtschaft oder wurde sie bewußt im Rahmen der Nationalitätenpolitik herbeigeführt? G. Hausmann, A. Kappeler (eds.) *Ukraine: Gegenwart und Geschichte eines neuen Staates*. Baden-Baden.
- Merl S. (1998) Die Bilanz der Unterwerfung. Die soziale und ökonomische Reorganisation des Dorfes. M. Hildermeier (ed.) *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung*. München.
- Merl S. (2007) Die sowjetische Kommandowirtschaft—warum scheiterte sie nicht früher? *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, no. 58, S. 656–677.
- Merl S. (2008) Die Korruption in Russland heute—ein Vermächtnis Stalins? C. Söller, T. Wunsch (eds.) *Korruption in Ost und West. Eine Debatte*. Passau.
- Merl S. (2010) Kann der Korruptionsbegriff auf Russland und die Sowjetunion angewandt werden? N. Grüne, S. Slanicka (Hg.) *Korruption. Historische Annäherungen an eine Grundfigur politischer Kommunikation*. Göttingen.
- Merl S. (2011) Election in the Soviet Union, 1937–1989: A view into a paternalistic world from below. R. Jessen, H. Richter (eds.) *Voting for Hitler and Stalin. Elections Under 20th Century Dictatorships*. Frankfurt/M.
- Merl S. (2012) *Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich*. Göttingen.
- Merl S. (2015) Kak udavlos' Stalinu vosprepjatstvovat' "zelenoj revoljucii" v Rossii? K voprosu o tormozhenii agrarno-technicheskogo progressa (1927–1941) [How Stalin managed to stop the "green revolution" in Russia? On the deceleration of agrotechnical progress]. *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istorija. Sovremenost'*. *Uchenye zapiski*, no. 10, pp. 88–147. Moscow, Delo.
- Merl S. (2017) *Itogi razvitiya sovetskoj ekonomiki. Forthcoming: Ekonomicheskaya istoriya ezhegodnik*. Moscow.
- Pennar J. (1962) Selbstverwaltung in den während des Zweiten Weltkrieges besetzten Gebieten der Sowjetunion. *Sowjetstudien*, no. 12, S. 50–78.
- Petrone K. (2000) *Life Has Become More Joyous, Comrades. Celebration in the Time of Stalin*. Bloomington.
- Pravda, March 2, 1930.
- Raphael L. (2000) *Recht und Ordnung. Herrschaft durch Verwaltung im 19 Jahrhundert*. Frankfurt/M.
- Schiller O. (1988) Die Hungersnot in der Sowjetunion. D. Zlepko (ed.) *Der ukrainische Hunger-Holocaust. Eine Dokumentation*, Sonnenbühl.
- Sobranie zakonov 1932, Artikel 360.
- State Archive of the Russian Federation (GARF), fond R-5446, opisi 59, 82, 83 and 85.
- Vasylyev V. (2014) Vinnitsa's regional administration. Paper for the Workshop: "Soviet Rural Administration in the Run-Up to the Second World War", Paris.
- Viola L. (1986) Babi' Bunty and Peasant Women's Protest During Collectivization. *The Russian Review*, no. 45, pp.23–42.
- Viola L. (2007) *The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements*, Oxford.
- Viola L. (2010) "No two Russian villages were alike": Rural Administration in Russia and the Soviet Union", Paper for the Workshop: "Soviet Rural Administration in the Run-Up to the Second World War", Paris.
- Yaney G. (1982) *The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia 1861–1930*. Urbana.

Формы местного управления в советской деревне накануне Великой Отечественной войны: критерии эффективности и коммуникативные практики предотвращения крестьянских бунтов

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета. Университетская ул., 25, 33615, Билефельд, Германия.
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Когда речь заходит о формах местного управления в советской деревне, в исторических исследованиях наблюдается поразительно однородная картина, получившая название «сельское недоуправление». В статье автор ставит под сомнение подобную точку зрения и показывает, что она была порождена официальным дискурсом, т. е. позицией И. В. Сталина в 1930-е годы. Автор полагает, что, наоборот, сельская администрация выполняла ровно те задачи, которые перед ней ставило государство, и ее очевидная управленческая несостоятельность была продуманной частью сталинской стратегии. Для оценки функций советской сельской администрации накануне немецкой оккупации автор рассматривает принципиальные изменения в модели сельского управления, которые произошли в 1930-е годы в ходе коллективизации, а также реальные, а не провозглашаемые цели сталинского режима. Местные сельские администрации отнюдь не были призваны решать только бюрократические задачи, они играли важнейшую экономическую и политическую роль в обеспечении стабильности государственной диктатуры. Для понимания причин эффективности сельских администраций в этой роли автор исследует политические приоритеты режима, отмечая, что экономическая неэффективность и злоупотребления властью на местном уровне были неизбежным порождением продуманной системы поддержания стабильности режима. Что касается немецкой оккупации, то главный вопрос здесь состоит в том, собиралась ли немецкая система управления сохранить прежние функции местных сельских администраций. Статья начинается с исторического обзора основных проблем, с которыми сталкивались сельские администрации с середины 1920-х годов и до немецкой оккупации в 1941 году. Затем автор переходит к рассмотрению реальных задач, которые сталинский режим ставил перед местным уровнем управления в деревнях. Далее в статье обозначены основы сельского управления во второй половине 1930-х годов, чтобы показать пересечение интересов партии, государства и системы госбезопасности в деревне. В заключение автор отмечает проблемы немецкой оккупации, порожденные особенностями созданной сталинским режимом модели местного сельского управления.

Ключевые слова: местная администрация, советская деревня, некомпетентность, «сельское недоуправление», немецкая оккупация, сталинская диктатура, политические и экономические задачи, эффективность

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-53-76

Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца (по материалам рукописи «Чина исповеданию»)

Е. А. Потехина

Елена Александровна Потехина, доктор наук, заведующая отделом славянского языкознания Института восточнославянской филологии Варминско-Мазурского университета в Ольштыне. 10–719, Польша, Ольштын, ул. Михала Очаповского, 2. E-mail: helena.pociechina@uwm.edu.pl

Цель статьи — дополнить сложившуюся в научной литературе общую картину жизни крестьян-старообрядцев, проживавших на территории Польши. Жизнь крестьянской общины беспоповцев в конце XIX — начале XX в. регулировалась изнутри при помощи документов церковного права. Одним из таких документов является «Чин исповеданию», предназначенный для совершения таинства покаяния. Рассматриваемая в статье рукопись хранилась в бывшем Спасо-Троицком монастыре села Войново на Мазурском поозерье. Основная часть текста рукописи составлена в форме вопросов, содержание которых позволяет эксплицировать систему запретов и разрешений, охватывавшую все сферы жизни члена общины. Форма текста обусловлена его прикладным характером: он направлен на получение информации, а вопросительные предложения играют роль первой реплики в диалоге, предназначенном для обмена информацией. Оформление вопроса при помощи частицы *ли* требует однозначного отрицательного или утвердительного ответа. Анализ текста проводился методом профилирования. При составлении профиля не выделялись в особые фасеты вопросы догматического характера, связанные с особенностями христианского вероучения, свойственными так называемым беспоповским старообрядческим согласиям.

Ключевые слова: старообрядцы в Польше, беспоповцы, «Чин исповеданию», книжное наследие Войновского монастыря, таинство покаяния, социальная история сельской религиозной общины, профилирование текста

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-77-89

Цель нашей статьи — дополнить общую историческую картину быта старообрядцев-федосеевцев, сложившуюся в научном сознании, материалами, обнаруженными в тексте одной из рукописей, сохранившихся в Спасо-Троицком монастыре в селе Войново на Мазурских озерах, в Польше. Рукопись, о которой пойдет речь, называется «Чин исповеданию». Она представляет собой фрагмент Потребника¹, включающий полное описание таинства покаяния, в том числе несколько вариантов обряда исповеди, которые практикуют старообрядцы-беспоповцы. Объем рукописи — 349 страниц, размер листа нестандартный (10 × 12 см), на странице помещается от 8 до 11 строчек текста, написанного размашистым полууставом, одним почерком,

1. Потребник (в современной традиции: требник) — богослужебная книга, содержащая тексты чинопоследований (ритуалов) таинств и других священнодействий.

в две краски. По нашим предположениям, текст был составлен в конце XIX — начале XX века и писался по памяти, о чем свидетельствуют повторы одних и тех же вопросов на разных листах или запись вопросов вразбивку. Текст написан небрежно, без предварительной разлиновки страниц, листы пронумерованы примерно до середины рукописи. Чинопоследование включает традиционные части службы, которыми начинается и заканчивается ритуал: рукопись начинается с описания действий, совершаемых исповедующимся перед тем, как приступить к исповеди, затем следуют тексты молитв (в том числе обязательные молитва Иисусова и Трисвятое) и псалмов — 4-го, 6-го, 12-го и 69-го, а завершается обещанием кающегося не грешить, чтением очистительной молитвы, фрагментов Нового Завета о прощении грешников: из 1-го послания Св. Апостола Павла Тимофею (1: 15–17), «Призвания Матфея» (Мф. 9: 9–13), Евангелия от Иоанна (Ин. 7: 53–8: 11); наконец, приводятся тексты 31-го псалма и тропаря «Объятия отча отверсти мне потщися». Один из вариантов исповеди представляет собой список вопросов, задаваемых кающемуся. Содержание вопросов позволяет представить жизнь деревенской общины изнутри, глазами самих членов общины: в общинах старообрядцев-федосеевцев, к которым принадлежали обитатели Войнова до начала XX века, документы канонического права выполняли функцию юридических документов, регулирующих «обдержнѣ» все стороны жизни, вплоть до самых интимных отправлениях.

Краткая история старообрядцев на Мазурских озерах

История Войновской старообрядческой общины и монастыря подробно описана в работах польских исследователей второй половины и конца XX века (Sukertowa-Biedrawina, 1961; Jakubowski, 1961; Iwaniec, 1977, 1982, 2001; Jaroszewicz-Pieresławcew, 1994; Zielińska, 1996; Grek-Pabisowa, 1999; Orzechowska, 2012 и др.). Из этих работ, в значительной степени основанных на немецких источниках (см., напр.: Tetzner, 1902), можно узнать, что переселенцы-федосеевцы появились в Восточной Пруссии в 1830-х годах. В 1831 году около 380 семей (примерно 1213 человек) прибыли в Пишскую пущу на Мазурские озера из Царства Польского и из Режицкого уезда Витебской губернии Российской империи (Iwaniec, 1977: 108). Прусские власти с пониманием отнеслись к новым гражданам, однако, позволяя староверам приобрести здесь земли, они руководствовались исключительно экономическими соображениями: население Мазурского поозерья сократилось примерно на 14% из-за эпидемий и продолжительных войн, а приток польского населения на соседние земли был ограничен специальным декретом. Тем не менее согласно указу прусского короля Фридриха Вильгельма III от 5 декабря 1825 года первое поколение «филиппонов» (таково было официальное название староверов, данное им местными властями) освобо-

ждалось от воинской повинности при условии благоустройства территории, на которой поселятся их семьи (Sukertowa-Biedrawina, 1961: 46). Земли, проданные староверам (площадью 22–30 тыс. моргов для 200 семей), не были особенно плодородными, однако девственные леса и непроходимые болота идеально подходили для сохранения чистоты веры и обычаев (Iwaniec, 1977: 109–110).

В 1830-е годы на Мазурах возникло более 10 небольших староверческих поселений: Онуфриево (1830 г.), Войново, Замечек, Галково, Мостишки, или Николаево (все — 1831 г.), Свигнайно (1832 г.), Пяски, Кадзидлово, Осиняк, Петрово, Иваново (1840 г.). Главным занятием староверов на Мазурском поозерье было земледелие (Давыденкова, Баев, Козлова, 2015: 157). Старообрядцы зарекомендовали себя как отличные плотники и колесники, а также занимались садоводством, рыболовством, строительством дорог и торговлей. Во дворе каждого дома обязательно строилась баня, что приводило прусских чиновников в изумление (Sukertowa-Biedrawina, 1961: 40–41; Iwaniec, 1977: 114).

Центром колонии стала деревня Войново, по-немецки называвшаяся Эккертсдорф (Eckertsdorf — от фамилии местного лесничего, который проводил размежевание), здесь поначалу проживали 145 человек, а в 1872 году — уже около 400. Деревня была основана 2 декабря 1831 года братьями Сидором и Ефимом Борисовыми (Соловьевыми?), выходцами из Режицкого уезда Витебской губернии, на берегу реки Крутыни, неподалеку от озера Дусь (Iwaniec, 1977: 111). В 1840 году в Войнове была построена моленная.

Строгие немецкие порядки в области хозяйственной жизни не соответствовали житейским принципам федосеевцев, которые, к примеру, не вели метрических книг, не признавали никаких форм регистрации, не присягали в суде, отказывались подписывать какие-либо документы. Сложная криминальная обстановка в регионе, населенном колонистами, не имевшими никаких документов, удостоверяющих личность, представлявшимися только именем и отчеством, заставила прусские власти провести в 1839 году первую регистрацию населения, во время которой федосеевцы получили фамилии. В это время в десяти деревнях в 114 дворах проживало 829 старообрядцев, 19 евангеликов и 3 католика (Jakubowski, 1961: 90). В 1841 году прусские власти значительно ограничили приток эмигрантов с территории Российской империи на Мазуры, что лишило местных землевладельцев дешевой рабочей силы, а в местечко Укта для надзора за староверами был прислан полицейский чиновник, наделенный специальными полномочиями. Установление в 1842 году обязанности по ведению книг для регистрации рождений и смертей, введение в 1843-м — воинской повинности для мужчин, достигших 25-летнего возраста, в 1847-м — школьной повинности для девочек, а также другие обстоятельства, такие как, например, требование оплаты церковной десятины евангелическому приходу в соседней с Войновом Укте, привели к массовой эмиграции старообрядцев с Мазурских земель.

Кенигсбергские власти, испугавшись появления огромных заброшенных территорий в регионе Мазурского поозерья позволили федосеевским монастырским общинам из России приобретать здесь земли. Вокруг Войнова появилось множество скитов (монастырей), как мужских, так и женских — для федосеевцев-безбрачников это было привычно. В 1836 году бывшим наставником старцем Лаврентием (Григорьевичем) Растропиным около Войнова на берегу озера Дусь был заложен скит (Iwaniec, 1977: 121), на месте которого вскоре был построен Войновский монастырь, впоследствии ставший самым известным заграничным и крупным религиозным центром федосеевцев на Мазурах. Сначала это было мужское общежитие, поддерживаемое и финансируемое Московской Преображенской общиной, готовившей себе укромное убежище за границей на случай дальнейшего усиления правительственных преследований (Jakubowski, 1961: 97; Iwaniec, 1977: 121). Кроме денег (6 тыс. талеров на покупку 12 волок земли), представители Преображенского кладбища выслали в Войново три воза старых книг и икон (Iwaniec, 1977: 121). Деятельность монастыря в период между 1852 и 1867 годами была тесно связана с именем отца Павла, прозванного Прусским (в миру Петр Иванович Леднев), игумена монастыря, впоследствии перешедшего в единоверие и яростно полемизировавшего с «раскольниками». История монастыря и его самого известного воспитанника писателя Константина Голубова изложена в книге Эугениуша Иванца (2001). С 70-х годов XIX века монастырь, оставшийся без лидера, переживал экономические трудности и в конце концов был в 1884 году закрыт. Надежных сведений о жизни в нем вплоть до 1895 года не имеется. Закрыты были и другие окрестные монастыри, деревянные постройки многих из них сгорели во время лесных пожаров. Подобная судьба ожидала и Войновский монастырь, если бы в 1895 (1898?) году Преображенское кладбище не прислало в Пруссию — из Казани или из Чистополя — молодую инокиню Евпраксию (в миру Елена Петровна Дикопольская), которая купила на свое имя монастырские постройки и прилегающие к нему земли.

Большинство жителей Войнова (182 человека) под влиянием миссионеров Русской православной церкви в 1880-е годы перешли в единоверие (Iwaniec, 1977: 138). Возрождение монастыря, следовавшего федосеевской доктрине, на определенное время задержало процесс возвращения староверов в лоно официальной церкви, но исторические обстоятельства сложились так, что количество сторонников «древлеправославной» веры на Мазурах неуклонно уменьшалось. По данным, приведенным Францем Тецнером, в 1899 году на Мазурах проживали уже всего 442 «филиппона», что составляло 20% населения основанных ими деревень (Tetzner, 1902: 217). После Первой мировой войны бывший оптинский монах Александр Аваев основал в Войнове единоверческий приход и построил здание для будущего православного монастыря (ныне Успенский женский монастырь). В 1930 году русская колония в Восточной Пруссии торжественно от-

праздновала 100-летие своего основания. В память об этом юбилее были выпущены почтовые открытки². В конце Второй мировой войны и сразу после ее окончания на землях Пруссии старообрядческое население разделило судьбу своих ближайших соседей: многие призванные на службу в гитлеровскую армию мужчины погибли, часть выживших на Мазуры, территория которых отошла к Народной Польше, не вернулась, поселившись в Германии, оставшиеся в деревнях жители были репрессированы НКВД и вывезены в Сибирь. При написании книги, посвященной избранным страницам истории старообрядцев (Iwaniec, 1977), проживающих в Польше, Эугениуш Иванец обратился к наставнику Егору Крассовскому и настоятелю православного прихода священнику Александру Макалю с просьбой предоставить ему данные о количестве прихожан. Оказалось, что в старообрядческих деревнях и расположенных поблизости городах и городских поселках проживали 412 старообрядцев и 83 православных. В 1970-е годы многие старообрядческие семьи выехали на постоянное жительство в Западную Германию: как бывшие граждане немецкого государства, они получили социальную помощь и подъемные для переезда. Каждая семья из Мазурского старообрядческого района имеет родственников в Германии. Эмиграция завершилась фактически тогда, когда в районе остались только люди пожилого возраста. В настоящее время в приходской книге Войновской сельской моленной числится 41 человек. Это люди в возрасте от 75 лет. Большинство из них имеют образование как минимум среднее, а также профессиональное, техническое или высшее. В сельском хозяйстве не работает никто, возделывание приусадебных участков ограничивается несколькими овощными грядками и выращиванием цветов. В нескольких домашних хозяйствах есть пчелы. Некоторые живут в тех же, основанных их предками деревнях. Из старых построек сохранилось только три дома: один в Галкове, один (отремонтированный и перестроенный) в Замечеке и один (также перестроенный) в Пясках. В последние десять лет наблюдаются отдельные случаи репатриации, в основном потомки мазурских староверов, живущие в Германии, приезжают в Польшу на праздники (например, отметить Рождество или Пасху в кругу семьи), в отпуск или в летние месяцы на отдых.

Рукопись «Чина исповеданию» как источник сведений о жизни крестьянской общины

Археограф и исследователь старообрядческой письменности И. В. Поздеева обратила внимание на то, что памятники богослужбной литературы, составляющие большую часть всех материалов, имеющихся в распоряжении ученых, ранее не исследовались

2. <http://www.philipponia.republika.pl/jubel1930.htm>.

как исторический источник (Поздеева, 2000: 112). Среди конфессиональных текстов особое место занимают Уставы, содержание которых непосредственно соотносилось с Кормчей книгой («Номоканон»). В свою очередь, положения церковного права многократно повторялись при совершении таинства покаяния, «второго крещения», крайне важного для старообрядцев, не признающих церковной иерархии (беспоповцев). Первое фундаментальное историческое обозрение правил совершения тайной исповеди по греческим, южнославянским и русским рукописным текстам XII–XVII веков было предпринято А. И. Алмазовым, который исследовал именно «внешнюю», т. е. социальную историю исповеди (Алмазов, 1894/1: I).

Вслед за Алмазовым следует повторить, что каждый конкретный анонимный экземпляр текстов, регламентирующих таинство покаяния, индивидуален, хотя текст невозможно персонифицировать, практически нереально и обнаружить протограф. Вместе с тем анализ содержания Войновского текста показывает, что необходимость совершения таинства в конкретных условиях приводит к включению в существующие традиционные списки актуальных для этих условий вопросов, а это позволяет хотя бы косвенным образом их датировать (пусть приблизительно) и даже локализовать (по данным языка, хотя бы скудным). На старообрядческий характер рукописи, кроме ее местонахождения (в моленной Войновского монастыря), указывает также упомянутое в тексте единственное условие проведения исповеди: перед святым Евангелием (л. 1)³.

Ниже будут рассматриваться фрагменты исповедальной части текста. Как уже было сказано выше, перед нами текст, отличный от повествовательного. Форма текста (список вопросов) обусловлена его прикладным, богослужебным характером: вопросительные предложения выступают как первый компонент сочетания реплик, предназначенных для обмена информацией в диалоге. Вопрос, оформленный при помощи частицы *ли*, требует однозначного отрицательного или утвердительного ответа. Вопросы в рукописи не всегда организованы тематически, в отличие от других аналогичных текстов, предназначенных для совершения обряда исповеди, где отдельно перечисляются вопросы, задаваемые «царям, вельможам, инокам, священникам, дияконам, а также всем христианам мужеска и женска полу» (Большой потребник, 1887: л. 165). В рассматриваемых фрагментах рукописи все вопросы перемешаны (выше отмечалось, что текст писался по памяти). При содержательно-тематическом анализе не учитывались вопросы догматического характера, связанные с особенностями христианского вероучения, в том числе касающиеся так называемой беспоповской доктрины. Им посвящены отдельные публикации (Потехина, 2009; Pocięchina, Wiśniewska, 2013 и ряд других).

3. Здесь и далее ссылки на текст рукописи даются с указанием в скобках номера листа с левой и правой стороны.

Тем не менее следует помнить о том, что речь идет о богослужебном тексте и ситуации повседневной жизни рассматриваются в нем с точки зрения греховного действия, совершенного против Бога, и/или необходимости покаяния.

Регламентация социальных контактов вне семьи

Отношения членов общины с представителями других христианских конфессий, религий и национальностей основывались на антитезе свой/чужой. Несмотря на то что в случае нарушения постановлений, входящих в число Десяти Заповедей (кражи, убийства, прелюбодеяния, лжесвидетельствования, посягательства на чужое имущество), в содержании вопросов не отмечается различия между «своими» и «чужими», следует полагать, что контакты с «еретиками», иноверцами и представителями других христианских конфессий и деноминаций сводились к минимальному общению по необходимости. Епитимия налагалась уже в том случае, если у исповедующегося возникала мысль о почитании «всех христиан заодно»⁴ (л. 28 об.), которая могла быть реализована, например, в совместном молении, застолье, посещении общественных заведений, домов «неверных» или «некрещеных»: «у еретиков не ядал ли с ними или из их сосудов» (л. 46 об.); «не ходил ли в мечеть татарскую или в костел немецкую, или в школу к жидам, не мылся ли с ними в бане, не ходил ли с ними где в ярмонке в трахтир и вместе с ними ел и пил» (лл. 48 об. — 49), «путем идучи или в дом пришед неверных или некрещеному здраствуй или бог в помощь или бог простит» (л. 50 об.); «бывши болен, лекарей из них не принимал ли себе ползы иска, или они тебе кров отворяли» (л. 49 об.). В России до сих пор бытует стереотип о старовере, который постороннему жаждущему напиток не подаст. Так неправильно интерпретируется традиция, восходящая, по крайней мере, к Номоканону. В «Красном уставе» (1883) на полях имеется ссылка на хрестоматийный памятник древнерусской литературы «Слово Феодосия Печерского о вере христианской и латинской», который говорил о том, что иноверцам нужно дать есть и пить, а затем следует вымыть сосуды, которыми они пользовались, и помолиться.

Более подробно перечисляются грехи, совершенные против Восьмой заповеди («не укради»): «приемля татя и крадомая от них также покаяся яко татие», «обманик и тать един суд, взято займом и обманом ащели в милостыни оставится» (л. 47 об.). В Войновской рукописи отдельно указываются епитимьи за украденную у соседа соль, муку, рубаху, шубу, обувь или пряжу, за масло, яйца

4. Цитаты из текста здесь и далее даются гражданским алфавитом. В орфографии и пунктуации отражаются некоторые языковые особенности рукописи.

или холст (л. 46 об.), за кражу рябины, черемухи, гороху в поле или репы «или иного чего» (л. 49). О возникающих в деревенской жизни конфликтах свидетельствуют вопросы о том, не сжег ли исповедующийся по злобе чьего-либо дома, гумна или стога, или не вытравил ли своим скотом чужого поля или в лугах травы, не перепахал ли чужой пашни, не скосил ли чужой травы (л. 38), не пользовался ли чужим (л. 31). Спрашивалось также о том, не давал ли «в росты денег или жита какого» (л. 36).

Регламентировалось также отношение к домашним животным: «не бил ли чужого кочета или курицу до смерти» (л. 39), «не бил ли пса или кошку чужую» (там же), «не бранил ли скота коего» (л. 42), «не дал ли совета в сварбе» (л. 34 об.)

Отношения продавца и покупателя также оговариваются: в рукописи содержится вопрос о том, не обмерил ли кающийся, не обвесил ли кого-нибудь, торгуя (л. 38 об.). В рукописи отражены отношения хозяина и наемного работника: упоминается об уплате работнику (особенно сироте), о несправедливости вычетов из заработанного, вопреки договору (л. 42), а также говорится о повиновении властям и об уплате налогов («повинностей») (л. 36 об.).

Строго наказывается оскорбление не только делом, но и словом: «не звал ли кого жидом, или бесом, или собакою» (л. 48 об.); запрещаются сплетни и насмешки: «не уходишь ли на другой двор переносишь вести» (л. 46), «не приглядываешь ли, не прислушаешь ли» (л. 42), сквернословие и матерная брань (л. 35 об. и др.); нельзя было ругать малых детей, досадовать на них или высмеивать молодых, больных, слепых, глухих, хромых, немых (л. 38).

Отдельно упомянем гендерную тему. Содержание вопросов, задаваемых мужчинам и женщинам, не только демонстрирует известное в патриархальных общинах разделение ролей, но и показывает более высокие требования, предъявляемые к женщинам. Например, предполагается, что именно женщина увлекает мужчин или играет с парнями: «не ходишь ли мимо артели молодых или кого водишь или что носишь или сводишь или знаешь или смущаешь» (л. 48).

Регламентация семейных отношений

Исторический контекст вопросов, касающихся семейных отношений, также заслуживает дополнительного исследования. Федосеевцы, составлявшие большую часть жителей Войнова и окрестных деревень, до начала XX века не признавали браков: мужчины и женщины сожительствовали на свой страх и риск, поскольку за половые отношения им запрещалось участие в общественных богослужениях. Однако постепенно, под влиянием пропаганды Павла Прусского и антираскольной агитации русских миссионеров, брачное сожитие стало восприниматься как нечто естественное. Отсутствие в Войновской рукописи прямых свидетельств о брако-

отрицающей доктрине федосеевцев, кроме одного-единственного вопроса о том, не оправдывает ли кающийся «поморцов и новоже-нов» (л. 28 об.), отчасти служит основой ее датировки.

Отношениям внутри семьи в рукописи уделяется много внима-ния. Здесь мы коснемся этого вопроса в самых общих чертах. На-пример, следует спрашивать супругов о том, согласно ли они жи-вут, советуются ли друг с другом, не действуют ли «без совету или не спросясь своих семейных», потому что «от того бывает нелю-бовь и большая замятка в домах и разделы» (л. 48). Строжайшее на-казание (анафема или три года по 24 поклона на день) полагается отцу в случае неравного раздела имущества между детьми «кро-ме дочери или и та есть и отдана в замужство и была награждена за неравность» (л. 38), а также за то, что ругал «по злобе за доса-ду» взрослого сына «не уча, когда он мал был» (л. 38 об.). С другой стороны, согласно древней традиции до самых мелочей регламен-тируется их интимная жизнь, а также выражается запрет на кро-восмесительные отношения, гомосексуальные отношения и зоофи-лию (Потехина, 2009).

Как уже упоминалось выше, наказанию подлежали любые виды словесных оскорблений. Более подробно регламентируются запре-ты на действия и слова в отношении членов семьи, к которым при-числяются также крестные отец и мать: «не судишь ли отца своего крестного в каких недостатках, не злоречишь ли отцу или матери крестным, отца родного или мать, или брата или сестру не бил ли», «слушаешь ли отца и матери и почитаешь ли их, не осержаешь ли на них, братиев и сестр» (л. 48), «не бранилась ли с снохой или свекром с золовкой» (л. 50) (далее перечисляются бранные сло-ва, которые нельзя употреблять).

Семейные отношения можно рассматривать также в связи с на-рушением Шестой заповеди. Соответствующие вопросы учитывают не только намеренное лишение человека жизни — к убийству при-равняется также подкидывание рожденного ребенка в руки не-верных (скверных) или оставление его в «пустом прохожем месте» (крайне частое у федосеевцев, избавлявшихся разными способами от нежеланных свидетельств сожительства, см.: Iwaniec, 2001), дето-губство: провоцирование выкидыша и «вымаривание» «чрева» зель-ем (л. 41 об.). Свидетели, а точнее, свидетельницы таких преступле-ний: двоюродная сестра, мачеха, теща, женина сестра, — но не муж и не отец (!) — также обязаны покаяться (л. 42 об. — 43).

Правила телесной и духовной гигиены

В самом начале списка, после вопросов о том, не утаил ли каю-щийся во время предыдущей исповеди каких-либо грехов и мо-лится ли ежедневно, предлагается спросить о «немытыми руками ядении» и о том, не случилось ли прикасаться немывыми руками

к святым иконам и книгам, брать нож, ковш или хлеб или молиться богу (л. 29 — 29 об.).

Для староверов естественно соблюдение постов. Тем не менее обычный прием пищи, независимо от того, приходится он на постные дни или на скоромные, облагается множеством дополнительных запретов, происхождение которых на сегодняшний день не объяснено. Общеизвестно, что старообрядцам запрещалось пить чай и вино (л. 35), а также кофе (л. 41). Нельзя было также есть с утра, перекусывать в перерывах между установленными приемами пищи и после вечерни (известно, чем перекусывали крестьяне: луком, репой, горохом, ягодами) (л. 31), запрещалось выходить из-за стола во время еды на двор (по нужде?) (л. 33), а также выносить еду на улицу, выходить на улицу с куском и есть на ходу (л. 49 об.), запрещалось пить ночью («ночью пробужаясь, не пиеш ли яко скот») (там же). Некоторые из предписаний, связанных с едой (молчание во время обеда, л. 32), и поныне сохраняются в русской традиции, например: «когда я ем — я глух и нем».

Целый ряд вопросов адресован женщинам, из которых мы узнаем, что им запрещается смеяться до слез (л. 35), молиться с непокрытой головой (ВР, л. 32 об.), носить серьги и перстни (л. 39 об.), надевать модные ситцевые цветные сарафаны и платки (л. 39 об.), глядеться в зеркало или пользоваться косметикой («не белилась ли белилами или румянам мазалась») (л. 40), бывать в трактире с подругой или другом (л. 40 об.). К женщинам обращены также вопросы, касающиеся магических действий, например: «не садила ли» она «курии яйца под галку»⁵.

Запреты налагались также на посещение театра или «камеди», участие в забавах («в масленицу не катался ли», «на ряженных не глядел ли») и играх (названы «вертушка», карты, шашки и «скаски») (л. 50). Анахронизмом времен царя Алексея Михайловича звучит задаваемый женщинам вопрос о том, не слушали ли они «скоморошество» или «гуселников».

Заключение

Исследователи старообрядчества в посвященных этой теме статьях, пишут об очевидных тенденциях к исчезновению «немногочисленных и консервативных согласий беспоповщины» «вместе с породившим их миром русской деревни», «все меньше остается носителей крестьянской идеологии» (Рудаков, 2016). Можно сказать, что на Мазурских озерах старообрядцы уже практически исчезли с социального горизонта: в масштабе всей Польши старообрядчество воспринимается как историческая маргиналия. В 1960-е годы профессор Ягеллонского университета Виктор Якубовский полагал,

5. Нам не удалось определить значение данного магического действия.

что «мазурские» старообрядцы обречены на окончательную ассимиляцию, а существование группы зависит от того, осознают ли ее члены свою связь с русским народом и его культурой (Jakubowski, 1961: 102). Однако следует признать, что прогноз Якубовского все же не оправдался: окончательной ассимиляции старообрядцев не произошло. Произошло другое: разрыв связи между старшим поколением и последующими, приведший к тому, что уходящее поколение не в состоянии передать своим детям и внукам традиции и обычаи, потому что те не желают их наследовать. Современная молодежь не хочет оставаться в деревне, несмотря на постоянно совершенствующуюся инфраструктуру, не желает вести традиционный образ жизни и отказываться от мирских благ. Единственное, что остается ученым, — это пытаться реконструировать фрагменты исчезающей культуры на основе сохранившихся прецедентных книжных текстов. К счастью, староверы охотно вступают в контакт с учеными, если сталкиваются не с праздным любопытством, а с серьезным подходом к делу и с реальными знаниями. Поэтому можно надеяться, что благодаря объединенным усилиям историков, филологов и социологов старообрядческие книги и рукописи лягут в основу новых исследовательских концепций и наполнят жизнью абстрактные рамки исследовательских моделей.

Библиография

- Алмазов А. И. (1894). Тайная исповедь в православной церкви. Опыт внешней истории. Т. 1–3. Одесса: Типо-литография штаба Одесского военного округа.
- Большой потребник (1887). Москва: типография единоверцев при Свято-Троицко-Введенской церкви. [Перепечатка издания Московского Печатного двора 1623 г.]
- Давыденкова А. Г., Баев В. Г., Козлова Т. И. (2015). Старообрядчество в культуре России. Философские и социально-правовые аспекты / под общ. ред. М. А. Арефьева. Санкт-Петербург.
- Даль В. И. (1955). Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Книга, именуемая «Устав домашня молитвы и прочих христианских обрядов» («Красный Устав»). URL: [http://www.staropomor.ru/Ustav\(2\)/krasn_ustav.html](http://www.staropomor.ru/Ustav(2)/krasn_ustav.html) (дата доступа: 29.11.2010).
- Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа 1650 г. URL: <http://www.kopajglubze.boom.ru/kormczaja.htm> (дата доступа: 29.11.2010).
- Поздеева И. В. (2000). Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. № 6. С. 112–115.
- Потехина Е. А. (2009). Концепт «грех» в православном дискурсе исповеди // Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ / под ред. А. К. Киклевич, А. А. Камалова. Olsztyn: CBEW. С. 43–70.
- Рудаков С. В. (2016). Старообрядческие толки и согласия на территории Нижегородской области URL: http://ruvera.ru/articles/staroobryadcheskie_soglasiya_nijegorodskoij_oblasti (дата доступа: 16.11.2016)
- Чин исповеданию. Рукопись из собрания Войновского монастыря.
- Grek-Pabisowa J. (1999). Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów. Warszawa.
- Iwaniec E. (1977). Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX wiek. Warszawa.

- Iwaniec E.* (1982). Pamiętnik Antoniny Kondratjewej (1914–1916). Przyczynek do dziejów żeńskiego klasztoru staroobrzędowego w Wojnowie na Mazurach // *Zeszyty Naukowe KUL*. R. 25. Nr 2–4 (98–100). С. 235–262.
- Iwaniec E.* (2001). Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. Białystok.
- Jakubowski W.* (1961). Z historii kolonij rosyjskich na Mazurach // *Slavia Orientalis*. R. 10. Nr 1. С. 81–103.
- Jaroszewicz-Pieresławcew Z.* (1994). Starowiercy w Polsce i ich księgi. Olsztyn.
- Orzechowska J.* (2012). Войновский синодик. Лингвокультурологическое описание. Olsztyn.
- Pociechina H., Wiśniewska N.* (2013). Содержание таинства покаяния в свете современного права (по материалам старообрядческой рукописи) // *Acta Neophilologica*. XV/1. С. 323–331.
- Sukertowa-Biedrawina E.* (1961). Filiponi na ziemi Mazurskiej // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. Nr 1. С. 39–67.
- Tetzner F.* (1902). Die Slawen in Deutschland. Braunschweig.
- Zielińska A.* (1996). Wielojęzyczność staroobrzędowców, mieszkających w Polsce. Warszawa.

The daily life of an Old Believer peasant (on the material of the manuscript „A Rite of Confession”)

Helena Pociechina, Dr habil., Associate Professor, Head of Department of Slavic Linguistics at the University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland). ul. Michała Oczapowskiego 2; 10–719 Olsztyn. E-mail: helena.pociechina@uwm.edu.pl.

The article attempts to complement the image of the life of villagers who dwelled in Old Believers' communities in Masuria, Poland which has so far been presented in the academic literature of the subject. The life of priestless (bezpopovtsy) Old Believers at the turn of the 19th and 20th century was regulated on the basis of church laws. One of such documents was “A Rite of Penance”, which a *nastavnyk* (a preceptor elected by the community) followed while performing the sacrament of confession. The current analysis concerns a manuscript from the former Saviour and Holy Trinity monastery in Wojnowo, Masuria. The main part of the manuscript was written as a collection of questions which allow the researcher to explicate the system of orders and permissions encompassing all spheres of life of an individual member of Old Believers' community. The form of the text was conditioned by its character and purpose. The questions were structured with the use of a particle “li” which requires an unambiguous positive or negative answer in every question. The text analysis was performed applying the procedure of profiling. While profiling, the author did not take into consideration dogmatic questions directly referring to the Christian teaching in the priestless Old Believers' strains.

Keywords: Old Believers in Poland, book heritage of the monastery in Wojnowo, sacrament of penance, social history of village religious community, profiling of text

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-77-89

References

- Almazov A. I. (1894) *Tajna ispoved' v Pravoslavnoj Vostochnoj cerkvi: Opit vneshnej istorii*. [Secret confession of the Orthodox Eastern Church: Experience of foreign stories]. Vol. 1–3. Odessa: Tipo-litografija sztaba Odesskogo wojennogo okruga.
- Bol'shoj potrebnik* [Great Breviary] (1887), Moscow: Tipografija jedinovercev pro Sv'ato-Troicki-Vvedenskoj cerkvi. [Perepechatka izdaniya Moskovskogo Pечатnogo dvora 1623 g.]
- Dal V. I. (1955) *Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazika* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. V 4 t. Moscow.

- Kníga, imenujemaja „Ustav domashnija molitvi i prochikh khristijanskikh Obr’adov.* [The Book named „Statute of home prayer and other Christian rites” („Krasnij Ustav” [“Red Statute”). URL: [http://www.staropomor.ru/Ustav\(2\)/krasn_ustav.html](http://www.staropomor.ru/Ustav(2)/krasn_ustav.html) (accessed 29.11.2010).
- Davidenkova A. G., Bajev V. G., Kozlova T. I. (2015) *Staroobr’adchestvo v kultur’e Rossii. Filozofskie i socialno-pravovije aspekty* [Old Believers in the culture of Russia. Philosophical and socio-legal aspects]. Aref’jev M. A. (ed.). S. Petersburg.
- Pozdejeva I. V. (2000). Liturgicheskij text kak istoricheskij istochnik [The liturgical text as a historical source], *Voprosi istorii*, no. 6, pp. 112–115.
- Potekhina E. A. (2009) Koncept „gr’ekh” v pravoslavnom diskurse ispovedi [The concept of ‘sin’ in the discourse of Orthodox confession], Kiklewicz A. K., Kamalova A. A. (eds.). *Koncepti kulturi v jazike i texte: teorija i analiz* [Concepts of culture in language and in the text: theory and analysis], Olsztyn: CBEW, pp. 43–70.
- Kormchaia*. Napechatana s originala patriarcha Iosifa 1650 g. [Printed from the original of Patriarch Joseph of 1650]. URL: <http://www.kopajglubze.boom.ru/kormczaja.htm> (accessed 29.11.2010).
- Rudakov S. V. (2016) *Staroobryadcheskije soglasija i tolki nijegorodskoj oblasti* [Old Believers denominations in Nizhegorodskaja oblast]. URL: http://ruvera.ru/articles/staroobryadcheskie_soglasija_nijegorodskoiy_oblasti (accessed 16.11.2016).
- Chin ispovedaniju* [A Rite of Confession]. Manuscript from collection of Vojnovo monastery.
- Grek-Pabisowa I. (1999) *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*, Warszawa.
- Iwaniec E. (1977) *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX wiek*, Warszawa.
- Iwaniec E. (1982). Pamiętnik Antoniny Kondratjewej (1914–1916). Przyczynek do dziejów żeńskiego klasztoru staroobrzędowego w Wojnowie na Mazurach, *Zeszyty Naukowe KUL*, R. 25, nr 2–4 (98–100), pp. 235–262.
- Iwaniec E. (2001) *Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia*, Białystok.
- Jakubowski W. (1961) Z historii kolonij rosyjskich na Mazurach. *Slavia Orientalis*, r. 10, nr 1, pp. 81–103.
- Jaroszewicz-Pieresławcew Z. (1994) *Starowiercy w Polsce i ich księgi*, Olsztyn.
- Orzechowska J. (2012) *Vojnovskij sinodik* [Synodik from Vojnovo. Linguoculturological approach], Olsztyn.
- Pociechina H., Wiśniewska N. (2013) Soderzhanije tainstva pokajanija v svete sovremenogo prava [The matter of sacrament of penance from the point of view of modern law], *Acta Neophilologica*, XV/1, pp. 323–331.
- Sukertowa-Biedrawina E. (1961) Filiponi na ziemi Mazurskiej, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 1, pp. 39–67.
- Tetzner F. (1902) *Die Slawen in Deutschland*. Braunschweig.
- Zielińska A. (1996) *Wielojęzyczność staroobrzędowców, mieszkających w Polsce*. Warszawa.

Применение теории игр при реконструкции конфликтных ситуаций в поволжских деревнях начала XX века

Е. И. Шорников

Евгений Игоревич Шорников, аспирант Института общественных наук РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82/2. E-mail: Eugeneii@rambler.ru; shornikov-ei@raiper.ru

В статье рассматривается возможность применения теории игр при исследовании крестьянских общин в условиях конфликтных взаимоотношений в первой половине XX века. Модели с использованием теории игр позволят обосновать мотивацию поведения крестьян и реконструировать принятие решений общиной в конфликтах. Теория игр вполне пригодна для анализа контекста исторических событий. Данный метод междисциплинарных исследований дает возможность рассмотреть и понять логику процесса эндогенного формирования поведения внутри общины и взаимодействие с внешними институтами и акторами.

В статье рассматриваются различные определения теории игр и перспективы использования данного инструмента в крестьяноведении; принципы и предпосылки построения математической модели поведения крестьянской общины в конфликтной ситуации; факторы, которые мотивируют и направляют крестьян таким образом, чтобы они следовали определенной линии поведения, выбирая ее среди многих возможных стратегий в социальных ситуациях. Основной проблемой является зависимость действий каждого «игрока» от действий остальных участников.

В данной работе автором строится познавательная математическая модель, основанная на столкновениях интересов между стремлением управляющего повысить экономическую эффективность и стремлением общины добиться справедливости, основанной на принципах моральной экономики и этики выживания.

На основании построенной модели делается вывод о транзакционной и информационной функции крестьянских бунтов. Рассматриваются предпосылки построения прагматической модели, создания единого концептуального аппарата и аналитического инструмента для изучения стабильности крестьянской общины и подобных институтов.

Ключевые слова: крестьянская община, теория игр, математическая модель, конфликт, революция, круговая порука, этика выживания

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-90-100

Теория игр — это математический метод изучения оптимальных стратегий поведения. Давая определение понятию «теория игр», разные авторы подчеркивают различные ее аспекты. Р. Д. Ауманн определял теорию игр как «теорию рационального поведения людей с несовпадающими интересами» (Aumann, 1987: 460–482). Согласно Н. Н. Воробьеву, это теория «математических моделей принятия оптимальных решений в условиях конфликтов» (Воробьев, 1984: 16). Теория игр нашла довольно широкое применение в экономическом моделировании, и, как указывал Д. Крепс, ее «суть в том, чтобы помочь экономистам понимать и предсказывать то, что будет проис-

ходить в экономическом контексте» (цит. по: Печерский, Беляева, 2001: 13). Данный инструмент использовался при проведении исследований по экономической истории, например в работе А. Грейфа «Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли» (Грейф, 2013). Однако в изучении крестьянских общин теория игр до сих пор не была задействована.

Рассмотрим применение теории игр на примере конфликтных ситуаций между крестьянской общиной и арендодателями в поволжских деревнях в 1905–1907 годах. Конфликты, возникавшие в деревне в ходе Первой русской революции и в предреволюционный период, достаточно подробно анализировались в работах многих исследователей (Шанин, 1997; Рефлексивное крестьяноведение, 2002 и др.). Для построения модели поведения общины в конфликтных условиях воспользуемся сведениями, приведенными в работах Д. И. Люкшина, основанных на материалах Казанской губернии (Люкшин, 2006; Люкшин, 2011). Модели, построенные с использованием теории игр, позволят обосновать мотивацию поведения крестьян и реконструировать принятие решений общиной в данных конфликтах. Благодаря такому подходу можно лучше определить ответственность за социальный порядок, которую несут индивиды, являющиеся частью этого порядка (Crawford, Ostrom, 1995).

Термин «модель» широко используется и имеет множество значений. Мы понимаем под моделью мысленно представляемый объект, который в процессе исследования замещает оригинал, при этом непосредственное изучение модели дает новые знания об объекте-оригинале. Построение и исследование любой модели происходит при определенных допущениях, гипотезах. Отобразив в данном случае конфликтные ситуации на математическую систему, мы получим их модель. Этот прием взят из институциональной экономики, где, отображая экономическую систему на математическую систему, получают математическую модель экономической системы (Петросян, 2014).

В современной историографии, изучающей крестьянский вопрос в XX веке, особенно важны такие понятия, как «крестьянская этика выживания» и «моральная экономика». Моральная экономика крестьянства представляет собой крестьянское понимание экономической справедливости. В понятие справедливости входит то, какие из притязаний крестьян на продукты их труда легитимны, а какие нетерпимы и чрезмерны (Скотт, 1992). Анализ различных крестьянских выступлений в период Первой русской революции, проделанный Т. Шаниным, позволяет прийти к заключению, что рамки моральной экономики динамичны (Шанин, 1997). Попробуем разобрать причины динамики, используя математическую модель.

Построение модели опирается на следующие предпосылки. Крестьянская община является социальным институтом, поэтому факторы, которые образуют институт, мотивируют и направляют ин-

дивидов таким образом, чтобы они следовали определенной линии поведения, выбирая ее среди многих возможных стратегий в социальных ситуациях. Эти стратегии поведения (или социальные нормы) определяются «этикой выживания», действующей в общине, и являются экзогенными по отношению к каждому индивиду, на поведение которого они влияют. Задача состоит в том, чтобы предсказать комбинацию действий для каждого игрока.

Основной проблемой является зависимость действий каждого игрока от действий остальных участников. Иначе говоря, «ни один игрок не сможет выбрать свои действия независимо от того, что выберут другие игроки». Например, помещик (или управляющий), предпринимая определенные действия, должен знать, что предпримет община. Но чтобы община выбрала поведение, ее члены должны знать, что сделает помещик. Разорвать такой порочный круг помогает концепция равновесия Нэша. Как поясняет А. Грейф: «Равновесия Нэша ограничивают допустимые решения (комбинации действий) теми, которые являются самоподдерживающимися: если каждый индивид ожидает, что другие будут вести себя так, как от них этого ожидают, он сочтет оптимальным придерживаться того поведения, которое от него ожидают» (Грейф, 2013: 457).

Рассмотрим приведенный у Люкшина пример, а именно событие, произошедшее в Чистопольском уезде. Суть конфликта заключалась в том, что крестьянское общество села Змиева хотело взять исполу землю по цене 6 руб. за десятину, но управляющий предложил по 12 руб., в ответ крестьяне самовольно «отрезали 170 десятин» удобренной и вспаханной земли (цит. по: Люкшин, 2006: 53). В результате помещик уступил крестьянским требованиям.

Здесь неформальное право и традиции в форме крестьянских представлений о моральной экономике попирают законы рынка. Традиционно крестьяне арендовали землю по 6 руб. за десятину. Увеличение платы они восприняли как ущемление своих прав, неэтичный поступок и произвол управляющего. «Барин» такого бы не допустил. Как отмечает Люкшин, «землевладелец не забыл о своем долге» (Люкшин, 2006: 53).

Попытка управляющего провести игру с нулевой суммой приводит к закономерной реакции: крестьяне также включаются в эту игру. И выигрывают — самовольно захватив 170 десятин. Управляющий заинтересован в максимизации прибыли, в то же время, поскольку поместье не является его собственностью, снижаются риски, которые несет сам управляющий.

«Барин» и управляющий могли решить дело насильем, как это было в другом случае, когда крестьяне сел Кульги и Гортановка также нарушили условия аренды и угрожали самовольным увозом хлеба. Для предотвращения этого безобразия исправник Панфилов вызвал 40 конных стражников (Люкшин, 2006: 53).

Однако применение силы обоснованно только при наличии монополии на насилие. Несмотря на то что формально насилие

в Российской империи было монополией государства, с точки зрения неформальной этики и состояния социума, данная монополия не была оформлена и нарушалась в том числе теми же крестьянскими общинами.

Применение ответного крестьянского насилия подробно рассмотрено в книге Т. Шанина «Революция как момент истины», где особое внимание уделяется поджогам как ответной мере. Поджоги были хорошо организованы, решения о них принимались на общинном сходе, исполнителей выбирали по жребию. Согласно статистике казанского губернского жандармского управления за 1906–1907 годы, приведенной Люкшиным, в Казанской губернии ущерб от поджогов составил 30 000 руб. (Люкшин, 2006: 50).

Ярким примером подобного поведения может служить пожар во время разгрома экономии помещика Шульца в Чистопольском уезде, когда 17 августа 1906 г. около пяти часов утра крестьянами из села Мамыкова были «сожжены помещичьи постройки, в коих помещались чайная и библиотека общества трезвости, земский земледельческий склад и казенная винная лавка, кроме того, сгорело несколько домов, построенных на помещичьей земле служащими экономии» (цит. по: Люкшин, 2006: 52). Трое служащих были убиты и один ранен. После прибытия в село отряда полиции численностью в 60 сабель крестьяне сами выдали зачинщиков.

То, что помещичий дом не пострадал, а агрессия была направлена в сторону служащих, на мой взгляд, не говорит об отсутствии претензий к землевладельцу. Главным, кто должен поверить (или хотя бы сделать вид, что так считает), что крестьяне не имеют претензий к барину и винят во всем служащего, должен быть помещик. И, естественно, он должен восстановить справедливость.

Хозяйские амбары и другие хозяйственные постройки тоже остались целы, что говорит о четком планировании поджога, так как в них концентрировался экстренный запас и семенной фонд, который был необходим и крестьянам. Винная лавка, чайная и земледельческий склад — это объекты, которые можно грабить. Добыча от грабежа покрывала издержки поджигателей. Библиотека, скорее всего, сгорела случайно, поскольку находилась в здании чайной. Таким образом, издержки, понесенные хозяйством, превосходят прибыль от «несправедливых» действий, а для управляющего могут быть «критически асимметричными», ибо, как показано в вышеприведенном примере, он может лишиться жизни.

Издержки же общины как игрока в данном случае выражаются в арестованных членах. При отсутствии моментальной прибыли для общины издержки кажутся высокими. Однако в долгосрочной перспективе они покрываются прибылью от восстановления неформальных правил. Неформальные правила этики выживания не будут нарушаться из-за асимметричности ущерба, нанесенного хозяйству. В то же время отсутствие ответных мер со стороны

общины приведет к нивелированию неформальных правил. Если правило или закон не соблюдается, ему перестают следовать, неформальное правило и вовсе отмирает. Утеря неформальных правил и взаимоотношений ведет к возможности еще более крупных издержек общины в будущем. Таким образом, община выбирает из нескольких зол, а получить санкции за погром будет меньшим злом, нежели утратить возможность контроля через неформальные отношения.

В корне конфликта лежит столкновение интересов между стремлением управляющего повысить экономическую эффективность (E) и стремлением общины добиться справедливости (S), основанной на принципах моральной экономики и этики выживания.

Обозначим оптимальный уровень справедливости, при котором наиболее вероятна максимальная доступная экономическая эффективность, S .

S_v и S_n — интервалы соответственно верхней и нижней границы интервала справедливости, выше и ниже которых наблюдается снижение экономической эффективности. При $S > S_v$ хозяйство становится убыточным, а при $S < S_n$ происходит снижение эффективности, вызванное ответными мерами со стороны общины.

Экономическая эффективность (E) стремится к росту, но она ограничена рамками представлений о справедливости (S), основанных на крестьянской этике выживания. Крестьянская моральная экономика (Q) основана на крестьянских представлениях о справедливости, этике выживания.

Таким образом, данный процесс можно выразить как

$$E \rightarrow \max, \text{ при ограничении } S_n \leq Q \leq S_v.$$

Можно сказать, что крестьянские бунты носили информационную функцию. Управляющие стремились максимально повысить эффективность хозяйственной деятельности. Маркером того, что достигнута максимальная доступная эффективность, нарушающая крестьянское понятие о моральной экономике, являлись крестьянские волнения. Крестьяне же старались увеличить свои доходы, а маркером для них, что они нарушают нормы этики, являлись полицейские акции.

Нельзя упускать из виду, что S_v и S_n изменяются в зависимости от сложившейся обстановки, пропаганды, политических и культурных изменений. Таким образом, Q не статично во времени. И именно поэтому при любых изменениях в общественной жизни начинаются попытки определения границ этичности взаимоотношений между общиной и помещиком (управляющим).

Если крестьяне не способны внушить, что они готовы коллективно отомстить барину (управляющему), нарушение их прав будет оптимальным поведением, так как ведет к снижению издержек и росту прибыли.

Для крестьянина как индивида в данном примере участие в погроме, помимо долгосрочной прибыли от соблюдения своих неформальных прав, несет еще возможность получения моментальной сверхприбыли через грабеж. В то же время вероятность получить наказание за данное преступление весьма низка в связи с наличием круговой поруки.

Хорошим примером, поясняющим механизм круговой поруки, является аграрная забастовка 29 июня 1906 года в Свияжском уезде. Причиной забастовки стало несогласие выполнять покос сена. Здесь наглядно проявилось, как «логика рынка» разбивается об институт крестьянской общины. Конкуренция на рынке труда позволила снизить оплату труда до 50 коп. за полдня работы. Крестьяне, сами отказавшиеся работать за данную сумму, прогнали наемных рабочих и избили односельчанина, вышедшего на работу (Люшкин, 2006: 52). Любопытна также информация о нападениях одних крестьян на других, содействующих полиции (Шанин, 1997: 168). В этом контексте заслуживает внимания судьба деревни Дмитровка, которая была сожжена за отказ ее жителей участвовать в нападении на местную помещицью усадьбу вместе с остальными селами (Шанин, 1997: 502).

Законы, как формальные, так и неформальные, соблюдаются только до тех пор, пока угроза наказания является достоверной. Достоверность наказания должна гарантироваться коллективной реакцией.

Характерно, что в одном из приведенных примеров односельчанин получает более жестокое наказание, чем «чужаки». Для нормального функционирования общины необходимо, чтобы убежденность в коллективном наказании была экзогенной для каждого крестьянина. Вероятность экзогенного наказания должна быть больше вероятности эндогенного наказания. Наилучшей стратегией является поддержание связи со всей группой через участие в коллективном наказании. Жестокость к отступникам делала угрозу коллективного наказания достоверной; участвуя в нем, индивид подтверждал свою преданность коллективу. Благодаря такой круговой поруке община являлась самоподдерживающейся коалицией, обеспечивалась единая интерпретация действий и упрощались координация и взаимодействие внутри группы.

Элементами данной модели являются, с одной стороны, управляющий или «барин», а с другой — община. Община будет выступать в роли отдельного игрока, хотя взаимоотношения крестьян внутри общины заслуживают отдельного внимания, для построения данной модели это не критично.

Построенная модель имеет позиционную форму, представляющую собой дерево игры между $У$ (управляющий или барин) и $Х$ (крестьянская община). Данное дерево можно рассматривать как обобщение дерева принятия решений, используемое в теории принятия решений на случай нескольких игроков.

ИСТОРИЯ Ход 1. Первым ходом нашей игры является вершина, на которой игрок \mathcal{U} (управляющий) принимает решение: повышать арендную плату (Б) или не повышать (А)?

В случае если игрок \mathcal{U} выбирает решение А, то выигрыш $\mathcal{U} = 1$; выигрыш $X = 1$, так как X арендует новую землю, а \mathcal{U} получает плату.

Если игрок \mathcal{U} выбирает Б и сдает землю в аренду по удвоенной цене, то ход переходит к игроку X (крестьянская община).

Ход 2. Игрок X принимает решение: взять землю по двойной цене (В) или взбунтоваться (Г) и отрезать землю самостоятельно, самозахватом.

В случае если игрок X выбирает решение В, выигрыш $\mathcal{U} = 2$, так как он получит двойную прибыль; результат игры для $X = -1$, так как он заплатит большую сумму, чем планировал.

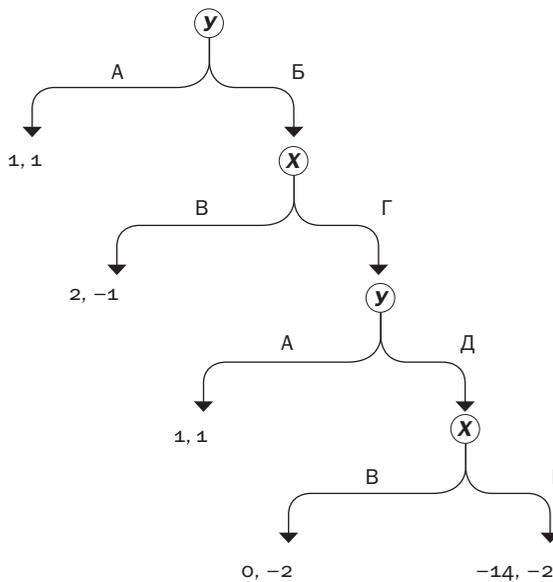
Если игрок X принимает решение Г, например самозахват, то ход переходит к игроку \mathcal{U} .

Ход 3. В данной ситуации \mathcal{U} либо идет на компромисс (А), как в примере с Чистопольским уездом, и тогда все возвращается на круги своя (выигрыш $\mathcal{U} = 1$; выигрыш $X = 1$), либо принимает решение Д — ввести санкции против крестьян, например вызвав жандармов. В этом случае ход переходит к игроку X . Возможен также и третий вариант (2, -2), характерный скорее для 1917 года, чем для 1905–1907 годов, когда община, не столкнувшись с сопротивлением, оставляет землю за собой и вообще перестает платить. Но 3-й вариант выходит за рамки данного исследования.

Ход 4. Община (игрок X) принимает решение (см., напр.: Шанин, 1997: 168) смириться со своей «судьбинушкой» (В) или произвести санкции (Г) по отношению к барину.

В случае если игрок X выбирает В, то выигрыши, соответственно, будут: выигрыш $\mathcal{U} = 0$, так как крестьяне, с одной стороны, вернут захваченный участок, но прибыли \mathcal{U} тоже не получит; выигрыш $X = -2$, так как придется вернуть захваченный участок вдобавок к правовым санкциям властей.

Если же игрок X выбирает Г и, например, сжигает поместье, то соответственно результат для $\mathcal{U} = -14$ исходя из цены разрушенных построек (расчет производился по Казанской губернии на основе данных Д. И. Люкшина (Люкшин, 2006: 50)); результат для $X = -2$, что включает потерю захваченного участка и правовые санкции.

<u>У</u>	<u>Х</u>	
	<u>В</u>	<u>Г</u>
<u>А</u>	1, 1	-1, -2
<u>Б</u>	2, -1	2, -2
<u>Д</u>	0, -2	-14, -2

У — управляющий или барин;
Х — крестьянская община;
А — не повышать арендную плату;
Б — повысить арендную плату;
В — смириться с арендной платой;
Г — поднять бунт;
Д — позвать жандармов / применить санкции

Рис. 1. **Модель конфликтной ситуации**

Таким образом, доводить игру до четвертого хода невыгодно обоим игрокам. В случае правовых санкций со стороны властей игрок **У** не получает никакой прибыли. Игрок **Х** будет нести убытки в любом случае на 4-м ходу, поэтому наилучшим вариантом для **Х** будет нанести максимально возможный убыток игроку **У**, дабы он не прибежал к помощи властей.

Оптимальным поведением, исходя из данной игры, является компромисс. Однако в условиях любых внешних изменений происходит «прощупывание слабых мест» с целью определения рамок моральной экономики.

Оптимальной игрой для **У** в случае, если новые цены не будут приняты, будет компромисс. В результате достигается равновесие по Парето: барин теряет «сверхприбыль», но сохраняет свое имение от поджога. Крестьяне возвращают захваченную об-

работанную землю, но восстанавливают «справедливую» арендную плату.

Таким образом, используя исторические данные в связке с аналитическим аппаратом высшей математики, можно построить модель поведения крестьянской общины в условиях конфликтных взаимоотношений. Используя данную модель, можно провести микроанализ влияния крестьянской общины как института на взаимодействие индивидов. То, что крестьянские бунты выполняют транзакционную функцию, — спорный вывод. Однако, исходя из анализа результатов данной игры, вполне возможный и наиболее рациональный.

Данная модель получилась чисто познавательной, что не мешает при углубленном изучении этого вопроса на ее основе построить прагматическую модель. Для построения прагматической модели потребуется изучение большего числа факторов и расчетов, основанных на теории вероятности.

Важный момент при построении будущей прагматической модели заключается также в необходимости учесть иррациональное и девиантное поведение. Прагматическая модель, как представляется, поможет в разработке интегративной концепции общины, которая, в свою очередь, будет способствовать созданию единого концептуального аппарата и аналитического инструмента для изучения стабильности крестьянской общины и подобных ей институтов. Думается, это имеет важное прикладное значение.

Таким образом, теория игр вполне пригодна для анализа контекста исторических событий. Данный метод междисциплинарных исследований дает возможность рассмотреть и логически понять процесс эндогенного формирования поведения внутри общины и взаимодействие с внешними институтами и акторами.

Библиография

- Воробьев Н. Н. (1984). Основы теории игр. Бескоалиционные игры. М.: Наука.
- Грейф А. (2013). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Люкшин Д. И. (2006). Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI.
- Люкшин Д. И. (2011). Пришествие «Великого незнакомца»: провинциальное начальство и крестьянские сообщества накануне общинной революции // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. участников международного круглого стола / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М.: АПР.
- Петросян Д. С. (2014). Институциональная экономика: управление формированием и развитием социально-экономических институтов: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М.
- Печерский С. Л., Беляева А. А. (2001). Теория игр для экономистов. Вводный курс: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.
- Рефлексивное крестьяноведение (2002). Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН.
- Скотт Дж. (1992). Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс-Академия.

Шанин Т. (1997). Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. 1917–1922 гг. М.: Весь мир.

Aumann R. J. (1987). *Game Theory* // *The Palgrave: A Dictionary of Economics* / eds. J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. L.: Macmillan. Vol. 2. P. 460–482.

Crawford S., Ostrom E. A. (1995). *Grammar of Institutions* // *American Political Review*. Vol. 89. No. 3.

Е. И. Шорников
Применение
теории игр при
реконструкции
конфликтных
ситуаций
в поволжских
деревнях начала
XX века

Game theory: Models of conflict situations in the Volga villages of the early XX century

Evgeny Shornikov, Postgraduate Student, School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Russia, 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: shornikov-ei@ranepa.ru.

The article considers the applicability of game theory for the study of conflicts in peasant communes in the first half of the XX century. Game theory models can explain peasant motives and behavior and reconstruct the decision-making in the commune under the conflict. Game theory can become a part of the historical analysis for it is an interdisciplinary approach that can reveal the logic of endogenous behavior within the commune and its interaction with external institutions and actors. The author provides different definitions of game theory and considers its potential for the analysis of peasant life. The article defines principles and prerequisites for constructing a mathematical model of the peasant commune behavior under the conflict, and factors that motivate peasants to follow a certain line of actions and to choose specific strategies in different situations. The main problem of the game model is the dependence of each 'player' on the actions of other 'players'. The author presents a cognitive mathematical model based on the clash of interests of a manager (willing to increase economic efficiency) and a commune (willing to ensure justice on the principles of a moral economy and ethics of survival). Thus, the author identifies transactional and information functions of peasant revolts.

Keywords: peasant community, game theory, conflict, revolution, frankpledge, mathematical model, violence, survival ethics

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-90-100

References

- Aumann R. J. (1987) *Game Theory. The Palgrave: A Dictionary of Economics* Eds. J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. L.: Macmillan, vol. 2, pp. 460–482.
- Crawford S., Ostrom E. A. (1995) *Grammar of Institutions. American Political Review*, vol. 89, no. 3.
- Greif A. (2013) *Instituty i put' k sovremennoj jekonomike. Uroki srednevekovoj trgovli*. [Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade.] Moscow: Izdatel'sky dom Vysshej shkoly jekonomiki.
- Ljukshin D. I. (2006) *Vtoraja russkaja smuta: krest'janskoe izmerenie* [Second Russian Troubles: Peasant Dimension]. Moscow, AIRO-XXI.
- Ljukshin D. I. (2011) *Prishestvie «Velikogo neznakomca»: provincial'noe nachal'stvo i krest'janskije soobshhestva nakanune obshhinnoj revoljucii*. *Krest'janstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka*. Sbornik nauchnyh statej uchastnikov mezhdunarodnogo kruglogo stola. [The advent of the "Great Stranger": the provincial authorities and the peasant communities on the eve of the communal revolution". Peasantry and power in the history of Russia of the XX century: Collection of scientific ar-

- ticles of the participants of the international round table]. Pod red. P.P.Marchenja, S.Ju.Razina. Moscow, OOO «APR».
- Petrosjan D. S. (2014) *Institucional'naja jekonomika: upravlenie formirovanijem i razvitiem social'no-jekonomicheskijh institutov*. [Institutional Economics: Managing the Formation and Development of Socio-Economic Institutions: A Training Manual]. Moscow, INFRA-M.
- Pechersky S. L., Belyaeva A. A. (2001) *Teoriya igr dlya ehkonomistov. Vvodnyj kurs. Uchebnoe posobie*. [Theory of games for economists. Introductory course. Tutorial]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Refleksivnoe krest'janovedenie. Desjatiletie issledovanij sel'skoj Rossii (2002)* [Reflexive peasant studies. A Decade of Studies in Rural Russia]. Pod red. T. Shanina, A. Nikulina, V. Danilova. Moscow, MVShSJeN, ROSSPJeN.
- Shanin T. (1997) *Revoljucija kak moment istiny. Rossija 1905–1907 gg. 1917–1922 gg.* [Revolution as a moment of truth. Russia 1905–1907 years. 1917–1922]. Moscow, Ves' mir.
- Skott J. (1992) *Moral'naja jekonomika krest'janstva kak jetika vyzhivanija. Velikij neznakomec. Krest'jane i fermery v sovremennom mire. Hrestomatija* [The Moral Economics of the Peasantry as the Ethics of Survival. The Great Stranger. Peasants and farmers in the modern world. Reader]. Sost. T. Shanin. Moscow, Progress-Akademija.
- Vorob'ev H. H. (1984) *Osnovy teorii igr. Beskoalicionnye igry*. [The foundations of game theory. Non-cooperative games]. Moscow, Nauka.

Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора

В. Г. Виноградский

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Данный аналитический текст представляет собой результат интерпретаций многолетних и многократных интервью с главой домохозяйства кубанской станицы, матерью троих детей Любовью Курановской, которая в своих размышлениях над вопросами социолога воссоздала широкую и детализированную панораму крестьянской повседневности, живую картину трудов и дней сельской формальной и неформальной экономики. Впервые публикация, анализирующая интервью Курановской, записанные в 1999–2000 годах, вышла в свет 15 лет назад в двух номерах журнала «Социологические исследования» за 2002 год. Сохранив найденный в 2002 году публикационный формат данного исследования, автор попытается разобраться в новых жизненных практиках Любви Ивановны, особо исследуя те зоны ее семейной экономики, которые принято обозначать терминами «неформальная», «эксплолярная», «теневая», «невидимая». Респондент рассказывает о своей жизни просто, искренне, доверчиво, живо и ясно. Ее язык во многом говорит сам за себя — рассказчица выстраивает некие опорные точки собственного мира для поисков осмысленного движения среди неустойчивых явлений окружающей ее хозяйственной жизни. Фрагменты нарративов, записанные в 2000-м и в 2012-м годах и ранее не публиковавшиеся, сопровождаются краткими комментариями, в которых увязываются нынешний и прежний жизненный опыт Любви Ивановны.

Ключевые слова: глубинное интервью, виды неформальности, семейная экономика, крестьянские жизненные практики, крестьянские миры, социология села, дискурс сельской повседневности

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-101-120

Любовь Ивановна Курановская, 1964 года рождения — высокая, молодая, симпатичная женщина, с темными глазами, густыми каштановыми волосами и постоянной задумчивой улыбкой. Мои коллеги и я познакомились с ней и начали вести социологическую работу еще в конце 1990-х годов, в рамках Второго крестьяноведческого проекта Теодора Шанина. Люба родом с Украины, выросла в многодетной крестьянской семье. Переехала в кубанскую станицу, выйдя замуж за здешнего хлопца. Семейная жизнь не задалась: развод, второе замужество, трагическая гибель мужа. И трое — Женя, Леша и Лена — детей от двух отцов. Выбранные для на-

стоящей публикации беседы с Любой могут быть интересны как определенные варианты дискурсивных манер рассказчицы — эти две аудиозаписи приписаны к двум временным точкам ее биографии, между которыми прошло более десяти лет. Поэтому вход в эти речевые пространства не только позволяет нащупать меняющийся рельеф жизненного мира Любы, но и дает шанс заметить эволюцию самого строя ее обстоятельного повествования, увидеть, как сама она объясняет причины и логику своей упорной, круглосуточно включенной, бесконечно возобновляемой бытийной энергетики.

Запись 2000 года (фрагмент)

Раньше в колхозе можно было достать все что тебе угодно. И не только за бутылку. Если есть у тебя ночной водитель — поехал, наворовал, и славно! Все есть! Сейчас это прикрылось. Председатель и раньше начал потихоньку прижимать, а сейчас приглашают омоновцев, милицию. И колхозные ресурсы стали почти недоступными. Корма можно было раньше купить за бутылку, а теперь за бутылку ничего не купишь. Только за деньги. Ну, алкаши воруют сейчас для тебя и за бутылку, но это редко. Только когда у него душа горит, похмелиться. Конечно, воровство у нас не кончится совсем. Потому что только на зарплату невозможно жить! Начальство будет прижимать, и цены резко пойдут вверх за ворованную продукцию, но воровство на нет не сойдет. Вот если раньше мешок корма стоил 20 рублей, то он сейчас стоит в два раза дороже. А если будет ОМОН, то корм будет стоить 60–70 рублей. То есть ребята будут рисковать и требовать платы за этот риск. Сейчас я этим не пользуюсь... У меня нет сейчас много птицы, и поэтому я к этому сейчас не прибегаю. А раньше, когда я поросенка держала, я этим постоянно пользовалась. Я просто нашла человека, который не за бутылку возил мне, а за деньги. Но сейчас так всех зажали, что они не могут украсть на работе. И поэтому мы сейчас ищем другие ресурсы. Грибы собираем! Целую неделю ели, когда дожди шли. Да еще и шесть банок на зиму закатали. Потом пойдет шелковица, дикие абрикосы — все это закатаем на зиму. Я не впадаю в отчаяние потому, что я всегда готова к самому худшему. То есть я думаю — вот не будет у меня зарплаты, или получу я маленькие алименты, или не принесут мне пенсию. Что я буду делать? Вот у меня последний месяц был очень трудный. Мы почти ничего в дом не покупали. Но мы жили. Но когда у меня появились деньги, я сразу подумала, что мне и то надо, и это надо, и другое надо. Сразу появилась масса проблем, что купить. И соблазнов... Бывают такие дни, что мне жить не хочется. Я не могу любить жизнь тогда, я ее ненавижу. Эту неразбериху, эту неустроенность... Но это только тогда бывает, когда я болею, когда у меня нервная система дает сбой. То есть я всегда исхожу из худшего. Ведь я могла бы каждый месяц не получать зарплату, но я ведь ее получаю. Я могла бы скатиться, как некоторые семьи, но я до сих пор держусь. У меня нет того, но у меня есть что-то другое, чего нет у других. Я, например, хожу до кумы, наблю-

даю их хозяйство, их жизнь, но я им не завидую. У меня нет такой черной зависти по поводу того, что у них все есть. А я знаю такую женщину, которая завидует: «Все есть, и такие жадные...» — А кто тебе не дает заниматься?! Занимайся!.. Они всю жизнь вкалывают. Они воруют, если говорить честно. Но они при этом держат своего хряка, свою свиноматку. Они хряка дают напрокат, они рано-рано покупают цыплят, и хозяйка возле них крутится день и ночь, чтобы с них что-то вышло. У них есть такая возможность, потому что у них есть летняя кухня. Вот она к себе мать перевезла и печалится, что кухня будет занята и она не представляет, куда она денет цыплят. И ее страшит, что помещение для цыплят ушло. У меня-то его и не было, а у нее было, да ушло. Потом — они тоже стараются, цепляются, чтобы не упасть ниже того уровня, на котором они сейчас находятся. Мне кажется, что люди сейчас не стараются нажить что-то. Это делают буквально единицы. Они стараются в период этой неразберихи нажить больше, чем имеют. В основном люди стараются удержаться на той планке, где они были раньше. И когда они немножко начинают опускаться вниз по лесенке, для них это кошмар. И они начинают плакать и жаловаться. Говорить, как они жили раньше — лучше, чем сейчас. А я готова к самому худшему. Я чувствую, что я скатываюсь вниз, что на меня эта неразбериха плохо действует. В то же время я думаю, что я еще держусь на плаву. У меня и запасы есть, у меня и дети учатся, и на лекарства хватает, чтобы пролечить детей. То есть я держусь на этой, низкой, планке. Чтобы все было заплачено — за свет, за газ, чтобы дети учились, чтобы я никому не была должна. И если разобраться, куда всего больше я вгоняю деньги, так это учеба сына, здоровье детей и чтобы я никому не была должна. Потому что если я буду должна — за свет, за воду, это будет меня очень сильно давить. Все говорят — замуж, замуж выходи. А я не хочу. Я боюсь, что новый человек в семье собьет меня с этого ритма, к которому я уже привыкла и притерпелась. Поможет он мне в жизни или нет — это еще вопрос. А вот что он меня собьет с этого ритма жизни — это меня больше всего страшит. К тому же это новые расходы... Да, он может что-то в семью принести... Но еще неизвестно, сколько он принесет и сколько он будет тратить? И вдруг он потянет ресурсы из моего бюджета? Он у меня и так трещит по всем швам, а если еще новый человек оттуда потянет, так это просто жизненная катастрофа. Гибель «Титаника»! (*Смеется.*) Хорошо, если новый человек собьет меня с ритма в хорошую сторону. То есть мы лучше станем жить, продолжим строиться... А если нет?! Сейчас же в жизни мало таких мужчин, которые бы хорошо зарабатывали, что-то умели делать, и от этого бы была помощь моей семье. А сватаются сейчас всякие: и разведенные, или такие, которых никто не берет, или такие, которые не были женаты никогда и они на старости лет хотят к кому-то приклеиться... Это опасный выбор. И мало того что муж может меня сбить с материального ритма — он ведь может сбить меня с ритма нервного. То есть сейчас моя главная мечта — выжить! И определить детей. А на дальнейшее мои меч-

ты: чтобы у меня в старости был свой уголок и чтобы я не мешала детям. И чтобы у молодых был уголок. Я бы жила в этой кухне — много ли мне надо, старушке?! Люди меня постоянно нудят: давай, мол, продавай дом, покупай более скромный. Они это постоянно твердят! Вот сегодня утром дядя Коля опять начинает меня тревожить. А я как будто воды в рот набрала. Молчу, и все. А про себя думаю: если вы так обо мне печетесь, так помогите мне! Дайте мне денег! Помогите мне потолок подбить — вы же мужчины! (*Смеется.*)

Постепенно, с разворачиванием повествования, в рассказе Любы Курановской начинают понемногу копиться сюжеты, о которых деревенские респонденты обычно умалчивают — то ли опасаются, то ли скромничают. Но из песни слова не выкинешь. Дискурсе крестьянской повседневности поколения «детей» не может не включать в себя событийные сгущения, общее обозначение которых — неформальная экономика. Так принято обозначать довольно широкую панораму активности субъекта, который так или иначе вовлечен в совокупность отношений, не отражаемых в официальной отчетности и не фиксируемых в формальных контрактах. В качестве одной из важных тем анализа неформальной экономики («политэкономии обочин») Т. Шанин особо выделил вопросы «взаимосвязи технологий, ресурсов и умений» (Шанин, 1999: 554). В этой обширной картине эксплоярности есть небольшой уголок, где и разворачиваются локальные тактические операции нашей рассказчицы. Они немногочисленны и скромны. Вот их отдельные примеры-кейсы: *«Единственное, что я могу себе позволить, — это рыба. Потому что рыбу можно выменять на самогон...»* — *«Я поливаю огород, рассаду лечебной грязью — развожу ее горсть на ведро воды. Ее трудно достать, ее строго учитывают. Но я понемногу из грязелечебницы выношу...»* — *«Я трачу деньги на то, что не портится, на то, что может лежать...»* — *«Корма можно было раньше купить за бутылку, а теперь за бутылку ничего не купишь...»* — *«Раньше, когда я поросенка держала, я этим постоянно пользовалась. Я просто нашла человека, который не за бутылку возил мне, а за деньги. Но сейчас так всех зажали, что они не могут украсть на работе. И поэтому мы сейчас ищем другие ресурсы...»* Эти краткие высказывания — только детали той дискурсивной машины, которая производит то «пробное составление мира», о котором писал Людвиг Витгенштейн. Которая оправдывает и непрерывно поддерживает волну жизненных усилий, предпринимаемых этой женщиной. Заметная их часть описывается параметрами именно неформальной экономики. Если воссоздать общий облик логики ее повседневного существования, то станет понятно, что она непосредственно сопряжена с такой экономикой. В самом деле, родовым признаком неформальной экономики является процесс сканирования социального и природного мира, в который вмонтирован субъект, с целью налаживания «вторичного контура» производства. В рамках последнего и происходит

разнообразная утилизация отходов, «вторичного сырья», всяческих остатков, запасов и резервов. Неформальная экономика — это система усилий, целью которых является поддержание полноты органического существования микросообщества, каким и предстает семья Любы Курановской. Это разветвленная система противостояния обстоятельствам, которые могут поколебать или нарушить стиль повседневного существования субъекта. Неформальная экономика — это орудие производства некоего общего «задела на будущее», представляющего собой накатанную колею, где не предполагаются неизвестные повороты и невиданные пейзажи. Этот задел определяет фундаментальные основы жизнедеятельности социального организма — проекты судеб детей, ритм существования, представление о социальной безопасности. Неформальная экономика заведует «вторичными ресурсами» социального бытия. Это подкладка, изнанка, подоснова жизни. Это «первичная грунтовка» главных, формальных, экономических процессов. Это пространство изобретательности, поскольку именно в сфере неформальной экономики субъект тотально и непрерывно отслеживает возможности. Это экономика обузданности, экономика смиренных надежд и скромных перспектив. Это экономика ближайших, интимных, лично окрашенных контактов — как с природой, так и с локальным социальным окружением. Это тестирование пространства возможностей и его повседневная эксплуатация. Это экономика промежутков, ниш, зазоров, как социальных, так и экологических. Это экономика непланируемости, ситуативности, непредзаданности. Агент подобного рода экономики хорошо знает, что в жизни ему обязательно надо «не быть дураком». И поэтому он постоянно нацелен на рациональное использование ограниченных ресурсов. Но он об этом обычно помалкивает. Вслух же он выражается осторожно и неопределенно, оперируя полivalentным житейским термином «авось»: «Авось проживем. Авось повезет. Авось да сладится...» Видимо, это «авось», в котором скрыта возможность как победы, так и досадного промаха, и есть тот внутренний культурно-идеологический стержень, на котором держится социальная логика крестьянской неформальной экономики. Это «авось» включено и в дискурсивные практики крестьянских миров — как знание о том, что результат повседневных жизненных усилий будет неизбежно достигнут, какой бы трудный путь к нему ни вел. *«Я всегда исхожу из худшего. Ведь я могла бы каждый месяц не получать зарплату, но я ведь ее получаю. Я могла бы скатиться, как некоторые семьи, но я до сих пор держусь. У меня нет того, но у меня есть что-то другое, чего нет у других...»*

Запись 2012 года (фрагменты)

Живу я по-прежнему. Но стала старше. И — злее! (Смеется. Пауза.) Раньше я такая злая, как сейчас, не была. Но и то сказать, ведь раньше я жила жизнью своих детей. Им хорошо, их знакомым, их друзьям хорошо — и мне, стало быть, хорошо. И вот они выросли...

А у меня мужчина появился, четыре года назад. Мужчина-трудоголик. Это хорошо. Но он какой-то непонимающий, душевно глухой. И мне с ним тяжело. Он не понимает, что такое душевные чувства, отношения. Что такое жалость, не понимает. Если его где-то обидели — к нему не подходит. Ему никто не нужен. Единственная душа, с кем он ладит, так это с моей дочкой, Леночкой. Притирались мы с ним долго. Года два подряд у нас тут прямо-таки бойня была. Но я ему как-то так подчинилась и все. И пошло нормальное житье. Пацаны мои подросли, ушли из дома. Стыдно. Жалко. И ведь из-за него ушли. Потому что были войны. И «болезни» семейные — в смысле отношений детей с чужим мужчиной. Сейчас вроде переболели все. И сейчас у нас отношения наладились. Он приезжает постоянно, хотя и редко, по дому мне помогает. И деньгами помогает. Дочка Лена у меня учится на психолога. Иногда мне говорит: «Мама, этого человека переубедить невозможно!» Он живет не здесь, в станице, а в Тимашевке. Это за сто километров отсюда. Здесь, в Привольной, он работает, приезжает на три дня. Раньше мы с ним жили как муж с женой. Он на три дня придет, работает, здесь живет. Потом мы с ним расставались, расходились. И предлог был уважительный — из-за мальчишек. Слава богу, предлог был хороший, чтобы расстаться. Все-таки тяжелый у него характер. Мы восемь месяцев не жили. Вообще, у нас совершенно разные характеры. Я покладистая, отходчивая. А он жесткий, строгий. Взрывной, злой. Но мне нравится его принцип жизненный «Все должны работать!». А я вот своих мальчишек к постоянному труду не приучила. Я считала так: «Ну, все хорошо, ребята подрастают...» А когда появился настоящий мужчина в доме, я поняла, что мои мальчишки ничему важному не обучены. Они как настоящие мужчины не состоялись. Как мальчишки — да. А как мужчины — нет!.. Я стала гораздо больше, чем раньше, заниматься домашним хозяйством, грядкой, живностью. С работы приходишь... А я теперь работаю в школе, техничкой. Один день — с семи до двух, а в следующий день — с двух до семи. Ну вот, с работы приходишь и сразу на грядку, к кроликам, к курам. И нынешний мой сожитель очень любит, когда я вкальваю. И хочет этого. Он говорит: «Что такое работа на других? Это так, ерунда, для денег. Но дом — вот что главное. Дом в основном кормит!» А раньше, как вы помните, десять лет назад, все было наоборот. Ведь тогда для меня именно работа была главным, а дом — как-нибудь, во вторую очередь, между делом. Мой нынешний друг мне сильно помогает по дому. Он все текущие ремонты поделал, комнаты привел в порядок. Он шофер, водитель. Работает на молокозаводе, в Тимашевке. Вот он все умеет делать руками, прямо-таки золотые руки. Краны починить, обои поклеить, покрасить — пожалуйста! Правда, в доме мало что капитально изменилось. Только вот обои новые. А вот во дворе у меня очень много что изменилось. Там сейчас прямо-таки шикарно! И вообще, гляжу я вокруг и не вижу мужчин, которыми можно восхищаться. Все они какие-то... притихшие. Руки вниз висят... А он в этом плане

молодец! За что ни возьмется, все приведет в порядок. Все делает правильно, красиво, все доводит до ума. И меня заставляет. В этом плане он меня попросту гонял, натаскивал, носом тыкал. И соседи это вмиг заметили: «Ты, Любочка, дуже много времени на грядке проводишь...» Вот как жизнь поменялась: когда дети мои были маленькие, круг забот моих был такой — приготовить поесть, постирать на них, убратся, помочь сделать уроки, в больницу отвести, из больницы привести... А сейчас дети подросли, разошлись по своим делам, и я одна. Чем мне заниматься? И я возле кроликов и возле птицы лазаю целоденно, на грядке работаю. Вот недавно так получилось, что я шесть соток соседских прихватила, работаю на них. Не в аренду, а так, по-соседски. Они, соседи, пчелами занимаются и на все лето с ульями уезжают — к цветам и полям. И чтобы не зарастал их огород, они мне его отдали во временное пользование. Тут главное для меня — тот огород вспахать, заплатить за пахоту. А потом на нем самой «пахать». И потому все, что на нем вырастет, — все это мое. И я соседям не плачу ни копейки. А соседка до смерти довольна, что я ее землю в порядке содержу. У нас в Привольной с этим строго — и станичное начальство следит, и соседи кости перемоют, если у тебя огород в бурьяне утонет. А потом навести порядок на земле будет очень трудно. А эти мои соседи для себя малюсенькую грядку посадили, с картошкой. Я и за ней слежу... Моя дочка Лена учится на психолога, в Ейске. Там есть педагогический колледж. Она уже на втором курсе. Будет учителем информатики и психологии. Основная специальность — информатика, а за специальность дополнительную — психология — надо приплачивать. Живет Лена там в общежитии. Приезжает домой раза два в месяц. А сын Леша подгадывает к ее приезду, созваниваемся...

«Укатали Сивку крутые горки». Если мысленно удалить из этой русской поговорки привкус безнадежности и погасшего азарта, но при этом оставить нетронутым указание на прожитое в праведных трудах время, сохранить запрятаный в ее семантической глубине намек на продуктивную биографию терпеливой «Сивки», то такая народная диагностика будет вполне применима к обновленной с годами «дискурсивной машине» Любви Курановской. Собщив в начале нашего второго разговора, что она стала «старше и злее», рассказчица тут же освободительно и чуть ли не счастливо смеется. Этим чудесным жестом она стряхивает с себя заведомую угрюмость такой трезвой самооценки. И мы мгновенно понимаем, что Люба вошла в пору окончательной человеческой зрелости. Это ответственное состояние, кроме прочих его воплощений, непременно материализуется и в языке. Оно выходит наружу — в словаре, в интонации, в дискурсе житейской искушенности. Оно регулярно вспыхивает в моментах взвешивающей аналитики. Эта обновленная речевая походка будет отчетливо опознаваться во всем дальнейшем повествовании. И внимательный читатель, конечно, сам заметит,

насколько Любовь Курановская переменялась. Он увидит, в какой мере ее нынешние дискурсивные движения соразмерны с прежней, десятилетней давности, речевой архитектурой. Он поймет, в каком бытийном направлении движется эта бывалая, достаточно утомленная, много повидавшая на веку станичная «Сивка», укатанная, слава богу, не до бесчувствия, а напротив, раз за разом обнаруживающая в себе неведомые ранее бодрые черты. Нынешняя речевая манера Любы говорит сама за себя. И мне остается лишь перенацелить дискурсивный аналитический инструмент в зоны особых сгущений нарративного пространства. Их две. Первая: *«Я стала гораздо больше... заниматься домашним хозяйством — грядкой, живностью. А раньше, десять лет назад, все было наоборот. Ведь тогда для меня именно работа была главным, а дом — как-нибудь, во вторую очередь, между делом»*. Почему так? Что это? Вероятнее всего, это некий со временем все более укрепляющийся дискурс социального одиночества, в какое постепенно погружается всякий набирающий возраст человек. И накануне своего пятидесятилетия Люба Курановская с настроением житейской умудренности выстраивает систему непростых, но все-таки заметно успокоенных, вполне «устаканенных» отношений — как со взрослыми детьми, так и со своим сожителем Владимиром. Он *«какой-то непонимающий, душевно глухой. Мне с ним тяжело. Он не понимает, что такое душевные чувства, что такое жалость. Притирались мы с ним долго. Года два... Но я ему как-то так подчинилась — и все. И пошло нормальное житье...»* Вторая. Продолжают прибавляться примеры неформальных хозяйственно-экономических инициатив Любы: *«Недавно так получилось, что я шесть соток соседских прихватила, не в аренду, а так, по-соседски...»* И весь последующий ее рассказ наглядно воплощает одну из родовых черт неформальной экономики — ее способность непрерывного, чуть ли не «хищного», азартно-втягивающего отслеживания любых производственных возможностей. В масштабах деревни последние, как правило, микроскопичны. Но они вполне животворны. Они приурочены к тем бытийным уголкам, зазорам, нишам, где тотчас налаживаются и расцветают ближайшие, интимные, личностно окрашенные контакты — и с природой, и с локальным социумом. И далеко не случайна здесь дискурсивная интонация рассказчицы — уверенная, распорядительная, полная хозяйского достоинства. *«...все, что на нем вырастет, — все это мое. И соседям я не плачу ни копейки»*.

Конечно, мой круг общения сузился, меньше стал. Я сейчас дружу с женщинами, смысл жизни которых в том, чтобы заработать. Не имеет значения, лучше или хуже меня они живут. Сам смысл их жизни заключается в том, что они работают, что-то делают, постоянно заняты. Они заняты, чтобы хоть как-то выжить в этой жизни. Я понимаю, что я чуть богаче живу, чем многие из них. У меня два

земельных пая. Один мой, а другой от мужа Ивана по наследству достался. Это почти десять га земли. Я с земли получаю три тонны зерна, сорок литров масла и два мешка сахара. Паи мои — в третьей бригаде, у Семейкина. Они мне сами из бригады мою натуральную долю за пай привозят. Но я и сама добываю натуру. Я, как и раньше, на полях колхозных семечку бью. Захожу в подсолнечник с мешками — и вот уже литров на пятнадцать-двадцать масла семечек набила. И у меня получается, что продовольствие имеется. И я часто девочкам своим, которые со мной в смене работают, продукты даю. Либо маслом угощу, либо сахару на общий стол поставлю. Ведь у них нет столько паев, как у меня. Я им это дарю, конечно. Ну что они там на полная получают? Полмешка сахара и десять литров масла. И я понимаю девчонок: как они ни рвутся, как они ни тянутся, концы с концами им сводить тяжело. Денег нет, чтобы бутылку масла купить. А я налила, принесла — пользуйтесь, пожалуйста! К тому же я постоянно ныряю в поля — семечки бьем. Ведь на полях пока еще много шляпок остается. И мы добираем, для себя. Правда, сейчас для этих промыслов возможностей становится гораздо меньше. И дело не в том, что поля охраняют, не разрешают. Возможностей стало меньше, потому что в бригадах в последнее время стали резко переходить на пшеницу. А другие культуры сводят на нет. Вот перестали сажать свеклу. Перестали сеять семечку и кукурузу. Говорят, что это стало невыгодно. И это нас несколько напрягает. Мы в станице привыкли к чему? Дома, в своем хозяйстве управлять — это во вторую очередь. Там что-то подделал, там прополол, там полил, там загородил. И сразу мысли о другом. А о чем? Да о том, что надо побыстренько бежать в поле колхозное! Оно ж рядом — как туда не пойти, как там не промыслить чего-нибудь для себя?! И если в этом году я себе украдкой не набью семечек, я себя прямо-таки уважать перестану... Вот они, семечки... (*Показывает на несколько мешков, стоящих у отопительного котла.*) С ними такая история. Сосед, старик, ехал домой из полей. С пчелами, на прицепе. И заметил, что в поле шляпки крупные остались. Идет ко мне и говорит: «Любочка, моя бабка боится ехать в поле, шляпки воровать. Поедешь со мной?..» А что ж не поехать! (*Радостно смеется.*) Как приехали, как глянули! Боже мой!.. Так мы целых четыре рейса, четыре набега в поле сделали. Мешка по три-четыре набили. Причем набили мы семечки мелкой, масляной. Это совсем не та семечка, которая идет на еду. Это не грызовая, а маслостойкая семечка! Но люди больше любят именно крупную. Ее и погрызть можно, и продать стаканами можно. И вот они заходят в поле — э-э, мелкая семечка. И уходят. А те, которые хозяйственные и дальновидные, те больше уважают именно мелкую семечку. Ее можно сдать на завод и за это получить готовое масло. Семечку бить — это целая технология. Обычно так: тебя — с мешками, с ведрами, с палками — завозят тебя с утра в поле. Ты там работаешь часа три, украдкой, потихоньку. А потом тебя с полными уже мешками из поля забира-

ют. И вся любовь! Я вернулась, пообедала, управилась, сумку сложила — и на работу, школу мыть. Но в такие дни очень уставала! Но зато теперь... Ой, как хорошо, что я тогда уставала! (*Сердечно и глубоко смеется.*) А вот с кукурузой не повезло. Кукуруза стояла от меня за три поля. И я из-за семечек, от которых я даже уставала, на кукурузу не набегла в этот раз. А можно было вполне собирать початков — кролики очень кукурузу любят...

Как же все-таки переплетены и взаимосвязаны, казалось бы, совершенно различные событийные композиции в жизни человека! Симпатичное великодушие Любы Курановской — когда она систематически подкармливает женскую гвардию школьных техничек, дежурных, охранниц — не было бы возможно, если бы она не чувствовала хозяйственно-экономическую «гравитацию» ее двух земельных паев и постоянно практикуемых неформально-экономических акций. Такая ее тороватость оказывается здесь, в сущности, не чем иным, как сигналом и символом общинного благочестия, некой социальной молитвой или, может быть, освобождающим обрядом христианского подаяния. К тому же, поскольку все это происходит на миру, на людях, это неизбежно выстраивает для Любы репутационный защитный кокон, плотно маскирующий ее подлинное, центростремительное, захлопывающееся в себе, удаляющее ее от этого деревенского мира настроение. А внутри него, в прикрытой, теневой зоне, она действует гораздо более свободно и отчаянно. Помнится, рассказчица довольно сурово обошлась со своей язвительной и «поддергивающей» подружкой, решительно обрезав былые отношения. Всем этим непростым эволюциям соответствует дискурс обдуманной и вполне рациональной распорядительности, в котором загустевают и набирают крепость жизненные устои, быстро обновляемые надвинувшимся на станичников аграрным капитализмом. Что же касается однотипных и монотонных дискурсивных практик крестьянских стариков, то они выглядят довольно архаично элементарно — как автоматы давно установленного порядка, как речевые оболочки синкретизма исконного деревенского обычая.

У нас в станице стало скучно. Все сейчас заняты своим делом — лишь бы выжить, лишь бы не упасть в бедность и в страданья. Люди этого уже вдоволь хлебнули и понимают, что времена идут тяжкие. В центр почти не ходишь. А что ходить, коли денег нету. Чего в этом разе зря идти? Только позориться. Даже те, которые держат магазины, те, которые торгуют, и те не сильно шикуют, как мне кажется. И люди гораздо больше именно своим хозяйством занимаются — быков держат, свиней. Сейчас стало больше живности в станице. Даже по запаху ощущается — в станице скота прибавилось... Огороды за станицей люди побросали — невыгодно, сил много на них

уходит. Животными в основном занялись. Вот у нас тут недалеко частная собственная ферма. Все сделано чисто, аккуратно. И не скажу, что роскошные сараи. Просто каркас обтянули толем и пластиком и держат здоровенных быков. Сена много во дворе заготовлено... Ну, что еще?.. Мой друг Вова научил меня торговать. Я ведь раньше никогда не торговала — так, если с соседями обменяешься чем-нибудь. А у моего друга была возможность привозить с молокозавода творожную массу. Ну ту, из которой сырки делают. Но эта масса вроде как паста. Она без добавок, которые ее делают сладкой, ароматной. Просто паста, в больших пластиковых мешках-контейнерах. Килограммов по восемь-десять. И он эти мешки как-то с молокозавода утягивал... Вот он мне говорит: «Люба, у меня денег нет, чтобы тебе дать. А вот тебе пять-шесть мешков творожной массы. Занимайся! Ищи клиентов!» Я сперва и не знала, с чего начинать. Кому предложить? Как ее продать? А теперь у меня целая клиентура, и все они ждут очередного завоза. Друг мой последний раз привез пятьдесят пять килограммов. Я сразу пять кило себе на еду оставила. А остальные мешки я в школе за сорок минут продала, а потом в больницу забежала, и у меня остаток массы за пять минут расхватали. И еще бы брали, но у меня все закончилось. Берут и по четыре, и по десять килограммов. Но цену я сильно не завишаю, не наживаюсь на людях. Если обычный творог на рынке стоит девятьносто рублей за килограмм, то паста творожная — а она вкуснее, чем творог, хотя и без сахара, — уходит у меня по восемьдесят. И эти три тысячи, которые я за массу выручила, фактически моя вторая зарплата. И я ее заработала буквально за один час. И еще. У него, как я говорила, такая манера — он никогда почти не давал нам денег. Он мне цемента привозил, двери покупал, лампочки, провода, арматуру всякую. На стол привезет, покушать и попить. А денег не давал. Принципиально. И это не случайно. Когда он еще со своей женой жил, та как-то попросила у него миллион заплатить репетитору дочки. Это было еще в середине 1990-х, когда миллионы были в ходу. Ну, дал денег и уехал в рейс. Когда приехал, спросил: «Ну как репетитор?» Жена: «Да никак, дочка отказалась заниматься!» И миллиона того нэмае — жена шмоток, обновок понакупила. И миллиона нету, и девочку не выучила. И с этих пор он денег не дает. Бывает, стоим в магазине, смотрим. Он спрашивает: «Ну, чего тебе купить?» А я и не знаю, что мне хочется... Он привозит много еды — не кусочек, а кусок. Когда уезжает, у меня в холодильнике полно всего. Постепенно он денег нам стал давать, но адресно. Или Лене, или Леше. На обучение, на компьютер, на одежду. И я всегда передавала эти деньги детям. Я ни копейки оттуда не потянула! Я вот думаю иногда: подмял он меня. Сделал зависимой и покорной. Думаю: отнял он у меня собственное мнение? Наверное, да! Но нет худа без добра. Я при нем научилась меньше давать в долг. Меньше сама стала залезать в долги. Научилась тратить по назначению. Научилась рассчитывать и прикидывать на будущее. И я в послед-

нее время всегда и во всем отчетность ему даю. Я, мол, сделала и то, и то, и то... Он приедет и, может быть, не заметит всего, что я сделала. Но я уверена: жила бы я одна, я бы этого ничего не сделала. Не сообразила бы. И еще — чтобы его порадовать и чтобы заслужить его похвалу и одобрение, я делаю и то, и другое, и третье! В общем, стимул есть у меня!..

Как соотносить те, в сущности, полярные личностные свойства, которые демонстрирует здесь наша респондентка? Как взаимоотношать эти две, движущиеся в противоход, ее настроенности — удивительное умение самостоятельно выживать, ловко выкручиваться в тяжких ситуациях, виртуозно распоряжаться скудным набором доступных ей ресурсов и этот невеселый вздох: «...подмял он меня. Сделал зависимой и покорной»? Как рационально сопоставить ее предельную аккуратность в соседских отношениях, ее безошибочные инстинкты единственно правильного позиционирования в социальном пространстве станицы и такой ее грустный вывод — «отнял он у меня собственное мнение»? Откуда прилетела в нашу обычную (не исповедальную, не покаянную, не драматическую) беседу подобного рода дискурсивная интонация? Не является ли она сигналом заметной и очевидной модернизации крестьянских дискурсивных форматов, которая совершается под влиянием агрессивно наседающего на массовую простодушную аудиторию телевидения, с его «Пусть говорят», «Давай пожемнимся», «ургантами» и мыльными сериалами? Ведь деревня, в отличие от города, не отходит на досуге от телеэкрана. А именно эта теле-поп-культура систематически выжимает эмоцию, «давит на жалость», побуждает блуждать в джунглях психики и разбираться в хитросплетениях душевного устройства. Именно это обстоятельство, как мне кажется, и вносит нестандартные каденции в дискурсивную мелодию повседневного существования Любви Курановской. Дискурсивная традиция, как может показаться, в этом пункте рвется. Однако серьезно обнадеживает здесь ощутимое наличие того неубываемого социально-культурного таланта, который чуть ли не генетически свойствен народному женскому характеру, — таланта служения семье, умения подчиняться обычаю, способности покоряться мужчине. И это не пустые слова: «...чтобы его порадовать и чтобы заслужить его похвалу и одобрение, я делаю и то, и другое, и третье!»

Ох, отопительный котел у меня много денег утягивает. Хотя с тех пор, как Лена уехала, коммуналка у меня вниз пошла. И за свет я плачу около двух тысяч. Сколько в этом году — пока не знаю. Ведь все опять подорожало. Сейчас, на данный момент, когда Лена уехала, я могу экономить сколько хочу. По полной программе! Я в магазин практически не хожу. Покупаю только хлеб и маргарин, что-

бы что-то испечь. Электричество не трачу — я почти круглый день на улице. Приду, телевизор пять минут посмотрю и отваливаюсь. Устала! Сплю... Правда, у меня целый день работает радио, а телевизор я не люблю. Иногда книгу почитаю, но больше всего люблю отгадывать кроссворды. Возьму чашку чая, порешаю кроссворд, отдохну и опять во двор, на грядку... Я стала замечать, что сейчас настроение у народа какое-то невеселое. Так скажу: когда у меня была большая семья, когда сыновья и дочь жили при мне, я почти ничего не покупала. Но когда я пришла в школу работать, пять лет назад, девчата покупали дорогие вещи, которые в станицу торгоши привозили. Покупали дорогие книги. Покупали красивые кошельки, покупали золото. В долг. То есть на две-три уплаты. Допустим, женщина-торговка в следующий раз приезжает, и ты ей очередной платеж отдаешь. Но буквально в прошлом году к нам в станицу дорогие вещи перестали привозить. Потому что народ все это перестал покупать. Золото совсем не берут. Привозили товар обычно женщины, каневчане. Они в долг давали, с удовольствием. И никогда их не обманывали. Она записывает: такая-то взяла в долг, заплатила столько-то, осталось столько-то. В станице на магазинах списки должников висят. Это значит, что люди три-четыре месяца не отдают деньги. У нас всегда в долг дают. И в тот год, как вы исследование проводили — помните? — такая же картина была. Просто я тогда в долг ничего не брала. А сейчас беру. Хотя очень редко. Тут все от конкретной ситуации зависит. Вот сегодня: я кинулась и я понимаю, что у меня есть деньги. Но я также очень хорошо понимаю, что, если я куплю все, что хочу, мне будет нечего дать Лене. Просто не хватит. И я иду до магазина и говорю: «Девчонки, запишите мне продукты в долг». Набрала, что мне нужно. Они мне записали. Я зарплату получила — отдала. А деньги, которые у меня были дома, я дочери отдала. Хоть и не хотела, но ей надо было отдать... Бывает, что денег вообще нету. Тогда идешь в магазин и под запись берешь. На месяц. И торговцы не боятся давать. Отдадут! Куда же они денутся. Дело в том, что мы же все — станичка. Все на виду. Вот идут две продавщицы, встречаются: «Ты знаешь тетку Дусю с Широкой улицы? Она мне уже два месяца долг не отдает. Гадина!» — «Слушай, а она ко мне тоже приходила». — «Так не давай ей больше! Она ж и тебе не вернет!» Так что здесь не отдать... ну невозможно. Если мне в этом магазине не дадут, мне и в другом не дадут. Ведь везде же родственники, друзья. А если тебя жизнь прижала, ну как в долг не взять?! Поэтому все стараются в срок долги отдать, чтобы потом можно было вновь взять, вновь перебиться и перекрутиться. Поэтому вполне типично такое. Вот прихожу я в магазин и объявляю с порога: «Девчонки, зарплата! Долги вертаю!» Они довольны. А я им тут же: «Но вы сильно-то не расслабляйтесь, через три дня я опять к вам даром приду! У меня ж снова деньги закончатся!» (*Смеется.*) Они просто дают, и ты должен вернуть цену за взятый товар. Они с этого ничего не имеют. Но тут важно то, что хозяйка ма-

газина на то место, которое на полках освобождается, новый товар привозит, свежий. И в этом ее выгода. Торговля идет более шустро...

Очередная «технологическая карта» неформальных торгово-экономических практик в современной российской деревне демонстрируется здесь рассказчицей во всех подробностях. Надо сказать, что в самое последнее время эта разновидность неформальной экономики выглядит как заметно поблекшая. Списки должников с магазинных дверей исчезли. Но не потому, что институт должников сегодня себя изжил. Напротив, потенциальных должников прибавилось, многие сельские жители не в состоянии систематически прокормиться целиком из торговой сети из-за недостатка денежных средств. Поэтому люди сознательно ограничивают потребление, меньше покупают, больше налегают на продукты домашнего хозяйства, в основном на корнеплоды, другие овощи, а также на грибы, ягоды и прочие дикоросы.

Можно предположить, что актуальная сельская повседневность начнет изобретать некие новые формы неформальной экономической активности. Вот что удалось увидеть в самое последнее время. Во-первых, в оставленные ради городской жизни родовые деревенские дома стали приезжать их хозяева — старики, которых дети забрали в города. Они ухаживают за посадками картофеля, луковыми грядками и высаженной капустой. Поливают рассаду, пропалывают, травят вредителей. Их регулярно навещают дети с внуками. Отдыхают от города и работают в огороде. Осенью происходит динамичная уборка и вывоз — и урожая, и стариков — на зимние городские квартиры. Во-вторых, начали регулярно распахиваться огороды, прилегающие к брошенным домам. Это делается либо соседями, либо городскими знакомыми соседей. И поэтому такой вроде бы самовольный захват земли не расценивается в деревне как недопустимое нахальство горожан. Цель в данном случае та же — обеспечить базовым пропитанием семью и тем самым облегчить нагрузку на семейный бюджет. Эти новые процессы порождают и необычные дискурсивные форматы. Летом 2016 года мной было записано и снято на видео несколько интереснейших разговоров со стариками, которых я про себя называю «городской хозяйственной десантурой». Эти материалы ждут своего аналитического часа.

Раньше как ходили в гости? Запросто. И на стол ставили, что есть в доме. Всем были рады. А сейчас? Сейчас специально думаешь, что на стол поставить. И ты сама, и те, другие, которые к тебе в гости придут, — думаем, и стараемся, и ожидаем, чтобы стол был шикарный. Неудобно, когда у тебя на столе ничего особого нет. Хотя сама я могу приготовить хороший стол только из своих продуктов! (*Смеется.*) Вроде люди как-то и не сильно бедные стали, но как-то ужимаются. В расходах, в покупках. Рынок у нас стал такой, что на нем иной раз и не продашь ничего, люди не берут. Стоят продав-

цы, а к ним не подходят... Да, много поменялось... Я гляжу на людей, удивляюсь. Думаю: ну вот, стали люди побогаче. Казалось бы — расслабиться можно. Погулять в свое удовольствие. Но — наоборот, все как-то замкнулось. Непонятно мне это... Чем богаче живут, тем безрадостней становятся. Скучно им! И потом, вот что стало заметно. Те, кто «поднялся», стали дружить с другими, а прежних друзей позабыли. Кто, наоборот, опустился, тот тоже сменил круг общения. И не потому, что так надо. А потому, что так само собой получилось. Например, взять моих кумовьев. Они по отношению ко мне очень высоко поднялись. Но мы с ними много лет дружим, и они ко мне не меняли отношения. И мы общаемся. Так вот, мне соседка однажды говорит про них, про кумовьев: «Чего ж им не жить? Она пошла в магазин и накупила, что душа ее хочет! С такими-то деньгами!..» А я отвечаю: «Да, они предприниматели, да, у них есть деньги... Но ты, соседка, ночами спишь, а она глаз не смыкает, у телефона сидит, пока он едет в станицу, груженный бензином или соляркой. Ведь не дай бог, если что случится на дороге!» Я говорю: «Ты спишь, а они до сих пор свиноматок держат, быками занимаются. До сих пор! Так что ж ты завидуешь?! Не спи! Заводи свиней, быков. И крутись! И богатей!» И вот она завидует — у них все есть! Так работай и ты! Не начинай за многое хвататься. Начинай со своего хозяйства, чтобы себя вдоволь прокормить. Смотришь: лишнее появилось, продать можно... А она сама не работает, а на людей завидует. Я, например, не завидую. Я не могу ничего продать со своего хозяйства. Но получилось так, что я картошки в прошлом году продала со своего огорода триста килограммов. Это много для меня. Я, вообще-то, не привыкла продавать... Но пытаюсь. Я масло продавала в прошлом году, я яйца всю зиму продаю. Скупщикам приезжим. Зимой яйца идут по тридцать рублей, а сейчас, по осени, — двадцать пять рублей десятком. У нас тут кризиса экономического меньше в том плане, что у нас всех очень много своего. Я имею в виду огород, живность — свое хозяйство. Я, конечно, вкладываю труд свой. Но у меня полный подвал заготовок — консервов. Потом, у всех почти по станице есть земельные паи. А это и зерно, и масло, и сахар, и мука. У нас свой инкубатор. Если у тебя нет денег, ты идешь, берешь в долг цыплят, гусят. Они растут, а ты постепенно долг возвращаешь. Яйцо свое... Я так думаю — кто не ленится, тот выкрутится. Даже если не брать такое хозяйство, как у меня, сто курей, а, скажем, двадцать. Любая старушка может два десятка курочек держать на яичко, а петушка — чтобы зарезать. Цыплята в этом году стоили сто пятьдесят рублей за десяток. Люди наши берут потребительские кредиты — чтобы купить музыкальную аппаратуру, купить культиваторы, землю рыхлить. Тогда за пахоту платить не надо. Моторчики всякие покупают, чтобы качать воду, чтобы обрезать. Так что берут мелкие кредиты, которые вернуть можно. А крупные кредиты брать боятся — не потянут их люди. Я вот на свадебный подарок кредит брала и по тысяче шестьсот рублей выплачивала. Очень это для меня тяжело! Еле вы-

В. Г. Виноградский
 Формы
 неформальности:
 невидимая
 экономика крестьянского двора

платила. А подарок был такой: холодильник с морозильной камерой и микроволновая печь. А свадебные расходы — это само собой. Я сама и самогонку варила, и продукты на стол брала из хозяйства, и готовила. Но остальное? Я сказала Жене и невесте: сами платите за свадьбу. Хватит с меня и того, что я семнадцать тысяч кредита взяла вам на подарок. Так что крутитесь! И вот когда я своим пацанам отказала во всем, они начали крутиться. Смотрю: один за семью взялся, работает, помогает. Другой работу активно ищет. В Краснодар уехал, цепляется там за заработки. Это чтобы у меня не просить и свою мужскую гордость соблюдать. И как-то легче жизнь пошла. Психологически. Я всегда ощущала себя, что мне как-то постоянно неудобно перед детьми. Как-то стыдно. Вроде я все время должна им что-то давать. У них же денег нет... А что потом мне с долгами придется расплачиваться, тянуться — это второй вопрос. Иногда прихожу к ним, а они шикают — когда получают деньги за работу. А я злюсь на это расточительство... А потом я сказала себе: Люба, не давай им денег. Сумку собери из того, что вырастила сама на грядке. Но насчет денег — окороти себя. А если им срочно деньги нужны, я им в долг даю, на определенный срок. И велю им точно вовремя рассчитываться. Но я сама на это дело чаще всего деньги одалживаю, перезанимаю. Чаще всего у своей кумы. Она меня всегда выручает. Без всяких процентов. Тут как бывает? Вот она приносит денег, дает. Я: «Кума, тебе точно не надо самой?» Она: «Ты возьми. Вдруг ты не выкрутишься?» Я беру. Потом отдаю и тут же звоню: «Кума, ты еще не растратила деньги, которые я тебе вернула?» — «Пока нет». — «Хорошо, я сейчас опять за ними приду — невыкрутка у меня!» (*Смеется.*) Но я, конечно, стараюсь долги отдать сразу, чтобы они на мне не висели. Ведь и к тому, что на тебе долг висит, тоже привыкнуть можно. А эта привычка, я считаю, — шаг к финансовой смерти. Вернее, к психологической. Я еще ни разу на долгах не висела. И нигде не висела. (*Заливисто хохочет.*)

У нас раньше на многих домах висели таблички: «почетный человек, заслуженный...». А в этом году только четыре дома объявили такими. И из них я лично два дома знаю. Что это за дома? Маленькие, ничего особенного в них нет, только порядок. А могли бы назвать дома, которые кирпичные, которые с клумбами. Но не назвали. Я так думаю, что дали за то, что человек именно работает возле своего двора. Не за то давали, что человек может выстроить, а за то, что возле дома порядок, аккуратность, клумбочки. В общем, следы заботы и работы видны всякому... А всяким крутым, богатым — тем не давали. Сейчас вроде бы и ничего, сносно стали мы жить. В последнее время. Но для молодежи никакой перспективы не просматривается. Вот я одна, а их у меня трое. Что я им могу дать? Раньше — сложилась родня кучкой, хатку какую-то молодым стелюпали, и живут молодые. Или, скажем, кто-то помог, ссуду взяли в колхозе и справились. А сейчас? Какую ссуду надо взять, если хата стбит

у нас миллион! Это какая же зарплата должна быть у сына, у Жени, чтобы свою хату поставить? А цены на жилье? Я бы не сказала, что они дюже упали. Оно ж, видишь, край у нас богатый и народ из России к нам тянется. Паи земельные, раньше их только за дешево можно было сдать. А сейчас неплохо — не меньше ста тысяч рублей пай стоит. У Лены есть кусок пая, половина. От покойного отца. И она, когда поменьше была, говорила: «Мама, сколько он стоит? Давай его продадим». Я ей: «Я тебе так продам, что ты будешь лететь отсюда без остановки, кувырком!» Деньги — это вода. Р-раз — и их нету. А пай — это корма, масло, сахар. И все это сначала мне, твоей матери, потом тебе, твоим детям, твоим внукам. Что такое пай? Это маленький кусочек земли. Его нет смысла обрабатывать, его нет смысла брать в аренду самому. Но бригада, где у тебя этот пай числится, тебе за него обязательно что-то выделит. А у некоторых этих паев знаешь сколько много?! По наследству досталось, давали на всех, кто работал в колхозе на тот момент, когда паями наделяли. А бывает и так, что человек до сих пор работает в колхозе, а пая у него нет. Почему? Да просто не попал в тот год, когда паи раздавали. Вот мне ж на Ваню пай не давали. И тут одна женщина мне позвонила: иди, мол, оформляй Ванин пай. Я ей: «Да ведь не дают же!..» Она: «Не разговаривай, иди и оформляй!» Я, правда, оформляла его месяца полтора. Потому что нужных документов на него не было. Но все-таки сделали. И мы Ванин пай с Леной поделили. Я — как жена, а Лена — как дочь и наследница. Поэтому у нас два пая — мой и Ванин, с Леной пополам. Но все идет в одну ж семью. Так что Лена может взять документы и продать свою долю пая. А я ей: «Только попробуй!..» Но у нее сейчас с мозгами все в порядке стало. Она его не продаст. Но все время интересуется: «Сколько земля моя стоит?» И даже если она в будущем не будет работать в хозяйстве, даже если она в город жить уедет — приехала, получила долю и уехала. Не нужна ей натура? Пожалуйста: сдала, получила денежный эквивалент — и свободна. Вот Вовки Курановского, первого моего мужа, покойного, до сих пор паевая земля не оформлена, и его пай болтается где-то. Кому-то прибыль приносит...»

Это был заключительный фрагмент устной повести Любови Курановской. После 2012 года, когда он был записан, мы несколько раз приезжали в Привольную и подолгу разговаривали с нашей постоянной респонденткой. Везли ей нехитрые хозяйственные подарки, сами ощущали на себе ее щедрое и вместе с тем строгое гостеприимство. Рассказы Любы не стали дискурсивно иными — в них сохранилась их особенная бытийная энергетика, в них остался неистраченным запас экзистенциального упрямства и в то же время они не впитали из воздуха времени настроение некоторого цинизма, социальной вялости и обездвиживающей искушенности. Но стало заметно, что в ее новых повестях слегка упал градус былого

жизненного азарта, биения, импульсивного рвения. Поваяло мудрой успокоенностью. Дискурс прежнего «кругового обзора» — когда Люба с крестьянской обстоятельностью, буквально поэлементно, перебирала и укладывала по порядку актуальные жизненные обстоятельства, — приобрел черты гораздо более выверенной, подчеркнута рациональной, продуманной акции, чем три и тем более десять лет назад.

В нем запечатлен новый, раньше не столь рельефно обозначенный, облик социально-экономического и политического деревенского пространства. Новизна эта в очевидной агонии тех институций, которые удерживали крестьянскую повседневность в ее традиционных параметрах. Сворачиваются и на глазах умирают производственные структуры, улечиваются традиционные профессии, усыхают штатные расписания с перечнем привычных и желанных рабочих мест, закрываются местного происхождения торгово-сбытовые учреждения и промысловые структуры.

Одновременно эти годы — время медленного, но ощутимого свертывания капиллярной сосудистой сети межсемейных связей, обеспечивающих процесс воспроизводства крохотной, но животворной экономики домохозяйств. Разумеется, на место умирающих приходят модернизированные структуры, вход в которые жестко регламентирован, затруднен и порой просто дорог. Заметно регламентируются и формализуются отношения с агрохолдингом, бывшим колхозом (устройство на работу, аренда земельных паев, нормы натурального расчета и др.). Получается, что социальный крестьянский мир систематически и неуклонно выдавливается в иную, чем прежде, неизвестную и необжитую, чужую среду повседневного существования. Эта смена декораций предвещает наступление очередного акта жизненной пьесы. Вероятно, в сельских глубинах России происходят процессы, в своей основе родственные тем, какие можно наблюдать и в целом мире. О них выразительно писал англо-германский социолог Р. Дарендорф: «Современный мир во многих отношениях — весьма неуютное место, открывающее новые шансы, но при этом разрывающее старые связи, без которых жить все-таки трудно. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется... Появляются воспоминания, идущие из самых недр истории, воспоминания об утраченной теплоте гнезда старых социальных взаимосвязей. Люди теряют опору, которую им могут дать лишь глубинные культурные связи; в конце концов уже все идет не так, все становится равнозначно, а следовательно — безразлично...» (Дарендорф, 2002: 68).

Уж не об этом ли простодушно, обстоятельно и с некоторым удивлением рассказывает Люба Курановская? И не отсюда ли та необычная для ее добросердечной натуры экзистенциальная «злость» Любы, о которой она откровенно поведала в начале своего нового рассказа? Скорее всего, это так. Кстати, этим же «безразличием», которое не было симптоматически свойственно преж-

ним порядкам станичного бытия, питается скука и отчужденность, о которой не раз упомянула наша собеседница. И вероятно, отсюда же то ошутимо встающее в дискурсе Любы Курановской экзистенциальное одиночество, которое объясняется отнюдь не только тем, что ее подростки дети вылетели из семейного гнезда и перекочевали в более просторный в сравнении со станичным мир...

Что же впереди? Как, в каком направлении будут меняться формы и нормы дискурсивных практик новых (условных, модернизированных, «ренессансных») крестьян? Время покажет. Вместе с тем намек на грядущее развитие уже не подлинно крестьянских, вполне традиционных, а неких полисистемных, комбинированных, многополярных негородских социально-экономических миров, то есть, в сущности, указание на возможные линии эволюции современного социума, также содержится в упомянутой выше работе Р. Дарендорфа. Вот как формулируется эта обнадеживающая диагностика: «Новая жажда аутентичности питает поиски реальных, а не формальных отношений, т. е. легитимности, обусловленной греющим душу ощущением перманентного дискурса, а не правом и институтами, на нем основанными» (Дарендорф, 2002: 207). Примечательно, что автор терминологически обращается здесь именно к «дискурсу» как форме и способу самопонимания и самоутверждения субъекта. Обращает на себя внимание также и то, что в мысли автора растворен оптимизм, укрепляющий разум и ободряющий душу.

Ральфу Дарендорфу и хочется, и следует верить. И поэтому наша забота — постараться поискать эти «реальные отношения». Последние непременно проявятся, развернутся. Они покажут себя в череде событий изменяющегося крестьянского мира, отпечатываются в его длящейся нарративности, зримо проступят в многообразии его изъясительных, в том числе дискурсивных, форматов.

В. Г. Виноградский
 Формы
 неформальности:
 невидимая
 экономика крестьянского двора

Библиография

- Виноградский В. Г., Виноградская О. Я., Никулин А. М., Фадеева О. П.* (2002). Жизнь Любы Курановской: семья, хозяйство, бюджет // Социологические исследования. № 1. С. 61–76.
- Виноградский В. Г., Виноградская О. Я., Никулин А. М., Фадеева О. П.* (2002). Жизненные круги Любы Курановской // Социологические исследования. № 11. С. 100–109.
- Дарендорф Р.* (2002). Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Шанин Т.* (1999). Эксплоярные экономики и политэкономия обочин: Формы хозяйства вне систем // Неформальная экономика. Россия и мир: сб. / ред. Т. Шанин; пер. и ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. М.: Логос. С. 545–554.

Forms of informality: Invisible economy of the peasant house

Valery Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82, Russia. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

The article presents author's interpretation of a number of interviews with the head of the household in the Kuban village, the mother of three children, Lyubov Kuranovskaya, who, while answering the interviewer's questions, created a detailed picture of peasant everyday life, of the rural formal and informal economy. Fifteen years ago, the journal "Sociological Studies" published the first data of this project, and the articles were not typical for such a scientific edition. In the special foreword, the Editorial Board mentioned that the journal usually did not publish such research documents (reports, tables, interviews, etc.); however, an exception was made for the text was of a great value in terms of its content, and it was an example of qualitative interviewing that could be further analyzed. Thus, the respondent 'received a voice' and told the readers about her life without any analytical explanations and generalizations. Lyuba Kuranovskaya still lives in the Kuban stanitsa, though much has changed in fifteen years. The author follows the publishing format of 2002 to show Lyubov Ivanovna's present life practices, and focuses on those aspects of her family economy that are usually named 'informal', 'expolar', 'shadow' or 'invisible'. Lyuba talks about her life sincerely, trustingly, and picturesquely. The words speak for themselves — the narrator tries to discursively support her own life world so that to move confidently into the future. The text presents fragments of narratives recorded in 2000 and 2012 (previously not published) together with short comments aimed to tie up current and previous life experiences of Lyubov Ivanovna Kuranovskaya.

Key words: in-depth interview; types of informality; family economy; peasant life practices; peasant worlds; rural sociology; discourse of rural everyday life

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-101-120

References

- Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya., Nikulin A. M., Fadeeva O. P. (2002) Zhizn Lyuby Kuranovskoy: semya, hozyaystvo, byudzhet [Life of Lyuba Kuranovskaya: Family, economy, incomes]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 61–76.
- Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya., Nikulin A. M., Fadeeva O. P. (2002) Zhiznennyye krugi Lyuby Kuranovskoy [Life circles of Lyuba Kuranovskaya]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 100–109.
- Dahrendorf R. (2002) *Sovremennyy socialnyy konflikt. Ocherk politiki svobody* [The Modern Social Conflict]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN).
- Shanin T. (1999) Ekspolyarnyye ekonomiki i politekonomiya obochin: Formy hozyaystva vne sistem [Expolar economies and political economy of the margins: Economical forms beyond the systems]. *Neformalnaya ekonomika. Rossiya i mir*. Red. T. Shanin; Per. i red. I. Davydovoy, E. Kovaleva, A. Nikulina. Moscow: Logos, pp. 545–554.

Сельские кооперативы: цели прежние, проблемы новые

Л. А. Овчинцева

Любовь Александровна Овчинцева, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела устойчивого развития сельских территорий и сельской кооперации Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова. 105064, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: lovchintseva@viapi.ru

В статье рассматриваются вопросы развития обслуживающей кооперации по переработке и сбыту продукции сельского хозяйства. Материал подготовлен на основе данных федеральной и региональной статистики и по результатам интервью, собранных автором у экспертов — глав фермерских хозяйств и руководителей кооперативов, сотрудников органов управления АПК на уровне региона и района, курирующих вопросы развития кооперации, специалистов ревизионных союзов, фондов и других институтов поддержки развития кооперации. Опрос проведен автором в 2016 году в четырех регионах Российской Федерации: Липецкой, Пензенской, Московской и Калужской областях. Раскрыты особенности развития кооперации в каждом из обследованных регионов по переработке плодоовощной и мясо-молочной продукции. Особенно интересна ситуация в Липецкой области, где создана трехступенчатая система поддержки кооперативов: сельское поселение, район, область. Описан опыт работы районных агентств поддержки малого предпринимательства. Охарактеризованы формы и методы поддержки развития кооперации со стороны органов управления региональным агропромышленным комплексом. Анализ данных опроса позволил автору сделать обобщения, дающие представление о том, с какими трудностями в настоящий момент сталкиваются фермеры, принявшие решение объединиться и работать в кооперативе. Приведены цитаты из интервью экспертов, подтверждающие затрудненный доступ к финансовым ресурсам, изменчивость политики государства в отношении кооперации, несовершенство нормативно-правового регулирования кооперативного процесса, административное давление на кооперативы, как и на другие предприятия малого и среднего бизнеса, недостаточное развитие товаропроводящих сетей, недостаточное развитие сельской инфраструктуры, некоторые субъективные факторы.

Ключевые слова: сельская кооперация, факторы кооперативного развития, кооперация в регионах, липецкая кооперативная система, пензенские агентства по развитию кооперации, калужские кооперативы, кооперативы в Московской области

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-121-141

Кооперативные формы хозяйствования являются важным элементом диверсификации хозяйственной жизни в сельской местности. Благодаря кооперации мелкие собственники и товаропроизводители могут противостоять напору конкуренции со стороны крупных, иметь легальные источники доходов, повышать свой уровень жизни.

По справедливому замечанию А. В. Чайнова, крестьянская кооперация позволяет «мелкому трудовому хозяйству, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего организационного

Таблица 1. **Число потребительских сельскохозяйственных кооперативов**

	Потребительские кооперативы						итого
	перераба- тывающие	обслужи- вающие	сбыто- вые	снабжен- ческие	кредит- ные	прочие	
На 01.01.2005	455	156	91	702
На 01.01.2016	1013	709	1058	416	1578	1519	6293

Источник: данные Росстата, полученные по официальному запросу

плана те его элементы, в которых крупная форма производства имеет несомненные преимущества над мелкой, и организовать их совместно с соседями на степень этой крупной формы производства» (Чаянов, 1992: 262). Этот принцип аккумуляции ресурсов и средств справедлив для всех видов кооперации, будь то бытовая, закупочная, кредитная, обслуживающая, потребительская. В сегодняшних условиях кооперируются не только самые мелкие производители сельскохозяйственной продукции, но и средние и более крупные, но цели этой кооперации прежние: добиться экономии на средствах производства, удешевить закупку, упростить сбыт, выйти на новые рынки.

Зеркальным отражением сильных сторон сельской кооперации является ее уязвимость с точки зрения организации самого предприятия — большое число участников и их экономическая слабость.

За последние десять лет число сельских потребительских кооперативов, по данным статистики, выросло в целом почти в девять раз. Заметим, что вследствие несколько запутанного российского законодательства потребительскими называются и классические потребительские общества, и кооперативы по переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции (Янбых, 2013: 53–54). В таблице 1 представлена структура и общее число кооперативов по данным, полученным в Росстате.

В общем числе кооперативов растет доля снабженческо-сбытовых. По данным мониторинга развития сельских территорий, объем выполненных такими кооперативами работ увеличился с 2010 по 2014 год в 1,4 раза. Выручка от реализации товаров и услуг также возросла и составила в 2014 году около 5 млрд руб. (О состоянии сельских территорий, 2016: 103).

Со бытовой кооперацией тесно связана и кооперация по переработке сельскохозяйственной продукции. По данным мониторинга, с 2010 по 2014 год объем деятельности таких кооперативов вырос в 3 раза, а выручка — в 4,8 раза и составила в 2014 году 8,5 млрд руб. (О состоянии сельских территорий, 2016: 106).

Причины такого роста носят и объективный, и субъективный, и административный характер. Очевидная экономическая поль-

за от объединения ресурсов крестьянских хозяйств, подмеченная еще Чайновым, создает объективные предпосылки для кооперирования, хотя в создании кооператива большое значение играют и субъективные моменты, и не все фермеры на это решаются (Чайнов, 1992: 267–281). «Кооперативный сбыт обещает большие выгоды русскому крестьянству», — отмечал в 1916 году классик кооперации М. И. Туган-Барановский (Туган-Барановский, 1916: 393). Сто лет спустя ему вторит исполнительный директор фермерского кооператива из Лев-Толстовского района Калужской области С. А. Окунев: «Кооперация — это очень хорошее дело. Почему люди не кооперируются? Не знаю. Удивляюсь. Менталитет у них, наверное, такой».

К кооперации в нашей стране традиционно относятся хорошо. В советское время ее поставили под жесткий государственный контроль, но все-таки не до конца придушили, затем вспомнили о ней как о панацее в начальный период перестройки, включили в число спасительных инструментов аграрной политики в рамках национального проекта «Развитие АПК», поддерживают, хотя и не очень-то равномерно, в действующих федеральных программах по сельскому хозяйству.

Необходимо иметь в виду, что Росстат показывает число зарегистрированных кооперативов. Сколько из них фактически работает, можно узнать только в регионах, и то не во всех. Поскольку данные статистики не отражают всех сторон кооперативного процесса, для того чтобы выявить факторы, оказывающие стимулирующее и тормозящее влияние на развитие кооперативов, автором в 2016 году был проведен опрос экспертов в области кооперации в четырех регионах Российской Федерации. Изначально предполагалось, что рост числа кооперативов зависит не только от наличия критической массы фермеров, желающих объединить свои усилия для выхода на рынок, но имеют большое значение и иные моменты, влияющие на решение фермеров создать кооператив или работать самостоятельно. Опрос должен был помочь выявить эти факторы, определить, какие из них способствуют развитию кооперации, а какие препятствуют кооперативному процессу.

Опрос проводился с марта по июнь 2016 года в форме индивидуальных интервью с экспертами. В качестве экспертов привлекались сотрудники региональных управлений сельского хозяйства, курирующие вопросы поддержки малого бизнеса и кооперации, руководители потребительских кооперативов, информированные члены кооперативов, руководители организаций, содействующих развитию кооперации. Информационной базой исследования послужили материалы интервью¹, данные управлений сельского хозяйства

1. Ниже мы процитируем некоторые наиболее выразительные интервью, при этом в целях сохранения доверия наших экспертов не всегда будем указывать их личные данные, а лишь уточним, приведены ли слова предста-

Таблица 2. **Число кооперативов в региональном разрезе на 01.01.2016**
(первые 22 региона с наибольшим числом кооперативов)

Регионы	Потребительские кооперативы						итого
	перерабаты- вающие	обслужи- вающие	сбыто- вые	снабжен- ческие	кредит- ные	прочие	
Липецкая обл.	73	20	79	79	306	132	689
Пензенская обл.	112	77	14	8	40	338	589
Республика Саха (Якутия)	69	43	12	3	163	201	491
Красноярский край	72	50	55	6	10	8	201
Республика Дагестан	40	15	8	2	16	108	189
Республика Татарстан	40	16	32	15	38	41	182
Саратовская обл.	17	9	63	2	24	47	162
Республика Мордовия	14	11	73	53	1	6	158
Тюменская обл.	11	38	28	8	27	41	153
Иркутская обл.	35	5	76	7	5	12	140
Волгоградская обл.	9	17	12	10	66	24	138
Краснодарский край	14	14	39	8	46	17	138
Оренбургская обл.	10	16	39	21	27	18	131
Новосибирская обл.	7	10	44	29	11	13	114
Ростовская обл.	20	19	9	5	56	4	113
Забайкальский край	8	8	15	4	60	12	107
Свердловская обл.	12	20	39	8	13	10	102
Кировская обл.	14	12	14	8	43	6	97
Чувашская Республика	18	11	25	3	29	10	96
Нижегородская обл.	9	11	21	10	25	13	89
Калужская обл.	12	11	4	3	41	5	76
Московская обл.	6	12	9	3	17	13	60

Источник: данные Росстата, полученные по официальному запросу

обследованных регионов, материалы Росстата и региональных органов статистики.

Для опроса были выбраны Липецкая, Пензенская, Калужская и Московская области. Первые две области входят в число регионов-лидеров по развитию кооперации, что видно из таблицы 2. В таблице представлены 22 региона с наибольшим числом коопе-

вителя кооператива, представителя органа управления АПК или другого эксперта.

ративов по состоянию на 01.01.2016, а также Московская и Калужская области, так как они были включены в опрос для сравнения и принимая во внимание удобную транспортную доступность.

Всего было опрошено 39 экспертов, в том числе представителей кооперативов — 17, сотрудников органов управления АПК регионального и районного уровня, курирующих вопросы развития кооперации, — 12, представителей кооперативной инфраструктуры (специалистов ревизионных союзов, фондов развития кооперации и других институтов поддержки развития кооперации) — 10.

Обследованные регионы различаются по степени кооперирования производителей сельскохозяйственной продукции. В Липецкой области в отношении кооперации проводится системная политика — это нормативно-правовая, институциональная и финансовая поддержка развития кооперативного процесса. В Пензенской области кооперация поддерживается как элемент системы малого предпринимательства. В Калужской области отношение к фермерской кооперации примерно такое же, как и в Пензенской, но нет агентств по развитию предпринимательства в районах, что существенно снижает результативность поддержки. В Московской области системной поддержки на момент опроса не было выявлено.

Ситуация в регионах

Кратко охарактеризуем ситуацию в каждом из обследованных регионов. В Липецкой области кооперация поддерживается на региональном уровне с 2010 года. В настоящий момент действует государственная программа «Развитие кооперации и коллективных форм собственности в Липецкой области», включающая мероприятия по поддержке кооперации до 2020 года. В числе направлений программы: развитие сети кооперативов всех направлений, реализация значимых для области направлений в сфере сельскохозяйственной кооперации, создание эффективной товаропроводящей инфраструктуры.

Цель этой программы — поддержать развитие коллективных форм собственности, для того чтобы обеспечить занятость и повысить уровень жизни населения. В аналитической части программы отмечается, что развитие кооперации тормозится такими субъективными моментами, как низкий уровень правовой культуры, неосведомленность о возможностях и правовых рамках создания кооперативов, неготовность фермеров брать на себя ответственность за ведение дел кооператива, дефицит квалифицированных кадров. Объективными факторами являются: низкий уровень доходов населения в целом, что создает трудности на начальной стадии развития кооператива, препятствует накоплению стартового капитала; недоступность банковских кредитов для большинства населения из-за высоких процентных ставок и отсутствия залоговой базы

Л. А. Овчинцева

Сельские
кооперативы:
цели прежние,
проблемы новые

Таблица 3. Развитие кооперации в Липецкой области

СОВРЕМЕННОСТЬ	2011	2012	2013	2014	2015
Число сельскохозяйственных потребительских кооперативов, всего	174	364	533	628	761
из них —					
снабженческо-сбытовых	...	126	222	289	391
перерабатывающих	...	38	45	53	61
кредитных	...	200	266	286	309
Доля работающих кооперативов, %	73	52	77	82	82
Создано новых кооперативов в текущем году	66	202	183	129	170

Источник: управление сельского хозяйства Липецкой области

у сельских семей; неразвитость системы сбыта продукции; отсутствие вертикали управления кооперативным развитием. На решение этих проблем и направлены мероприятия программы.

Ежегодный объем финансирования из областного бюджета на реализацию мероприятий программы составляет от 110 до 125 млн руб. Общий объем финансирования на 7 лет реализации программы запланирован в размере 844 млн руб.

Численность зарегистрированных кооперативов с 2011 по 2015 год возросла с 174 до 761 ед. В том числе количество снабженческо-сбытовых составило 391, кредитных — 309, перерабатывающих — 61 (табл. 3). В них вовлечено 28,3 тыс. личных подсобных хозяйств, 98 крестьянских (фермерских) хозяйств и 377 юридических лиц. Кооперативы объединяют 46 тыс. личных подсобных хозяйств, или почти четверть их общего числа. В снабженческо-сбытовой и перерабатывающей кооперации участвуют 13,8 тыс. ЛПХ, в кредитной — 32,3 тыс. Средний размер кооператива — 15–20 человек.

На начало 2016 года доля работающих кооперативов составляла 82%. Выручка от реализации сельскохозяйственной продукции в сельскохозяйственных потребительских кооперативах выросла за этот же период с 1,5 млрд руб. до 5,1 млрд руб.

В каждом муниципальном районе создан координационный совет по развитию кооперации. В него входят руководители комитетов по экономике, сельскому хозяйству, ответственные за поддержку малого бизнеса.

Желающие создать кооператив могут получить полный пакет типовых документов для регистрации кооператива. Регулярно проводится обучение, для чего в Липецке создан в 2013 году Центр развития кооперативов. Центр проводит консультации, информационную работу, оказывает методическую поддержку кооперативам.

Зарегистрировавший кооператив может рассчитывать на грант на покрытие административных расходов (на закупку компьютера, приобретение программного обеспечения) в размере от 70 до 300 тыс. руб., в зависимости от финансовых возможностей конкретного района.

Далее кооператив может получать поддержку в областном фонде малого предпринимательства: микрозаймы на развитие материально-технической базы под 4% годовых, займы на пополнение оборотных средств под 7% годовых (для сравнения: банки выдают кредиты субъектам малого предпринимательства с процентной ставкой от 16 до 23% годовых). Существует система поручительства. Успешно работающий более года кооператив может участвовать в конкурсе на получение гранта Минсельхоза на развитие материально-технической базы.

В каждом сельском поселении региона создан кредитный кооператив, всего их 320, в них около 24 тыс. членов. Развитие кредитной кооперации идет поэтапно: первый этап — расширение членской базы, второй — укрупнение, создание многоуровневой системы. Имеется уже 7 кооперативов второго уровня.

Доля малых форм хозяйствования в производстве сельскохозяйственной продукции в регионе в 2015 году составляла 32%, в том числе КФХ — 7%, ЛПХ — 25%. По овощам и картофелю доля малых форм хозяйствования составляет 83% и 81% соответственно, по мясу — 10%, по молоку — 31%, подсолнечнику — 21%, сахарной свекле — 10%, зерновым — 16%.

Поскольку госпрограмма Липецкой области ориентирует районных управленцев на повышение уровня занятости и доходов сельского населения, те, в свою очередь, ориентируют активных предпринимателей, готовых взять на себя ответственность за создание кооператива и ведение его дел, на привлечение в кооператив широкого круга сельских жителей — мелких поставщиков продукции сельского хозяйства. Возникают кооперативы, которые вполне можно назвать социально ориентированными. Кооператив «Мечта» в Усманском районе Липецкой области, который имеет около 500 ассоциированных членов — производителей плодоовощной продукции, формирует товарные партии овощей и реализует их на рынке и бюджетным предприятиям социальной сферы (больницам, детским садам) через тендеры на поставку товара. Без поддержки администрации района и глав сельских поселений такой кооператив вряд ли бы возник. Можно было бы найти меньшее число более крупных поставщиков, чем владельцы личных подсобных хозяйств. Но руководители кооператива видят в такой ситуации и положительные моменты. Плюсом является не только «зеленый свет» со стороны местной администрации при создании кооператива, но и тот факт, что картофель, выращенный в личных хозяйствах, не перекармливают удобрениями, поэтому лучше хранится.

Таблица 4. **Динамика числа кооперативов в Пензенской области**

СОВРЕМЕННОСТЬ

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Все кооперативы	79	860	1428	1738	1472	1114	941	791
в том числе кредитные	40	64	69	70	64	51

Источник: данные Управления сельского хозяйства Пензенской области

В Пензенской области стимулом развития кооперации стала антикризисная программа самозанятости Минтруда 2009–2011 гг., в рамках которой в соответствии с постановлениями правительства в регионах реализовались мероприятия по содействию развитию малого предпринимательства среди безработных граждан (Постановление от 31 декабря 2008 г., Постановление от 14 декабря 2009 г.).

В этот период размер выплаты безработному гражданину, открывшему собственное дело, составлял сумму 12-кратного максимального пособия по безработице, т. е. 58,8 тыс. руб. В целях стимулирования создания безработными гражданами, открывшими собственное дело, дополнительных рабочих мест начиная с 2010 года, помимо выплаты на открытие собственного дела, осуществлялась выплата за каждого трудоустроенного по направлению службы занятости безработного гражданина на созданное дополнительное рабочее место в размере 58,8 тыс. руб.

В регионе умело воспользовались возможностями, которые предоставляла эта программа. Приоритет был отдан сельским кооперативам. Благодаря субсидиям на самозанятость начинающий кооператив мог получить поддержку в размере минимум 294 тыс. руб.

При создании кооператива, учитывая административную поддержку, его руководители брали на себя неформальное обязательство работать не менее трех лет. Также во всех районах области была создана сеть агентств поддержки малого предпринимательства, которые за небольшую плату помогали вновь созданным кооперативам подготовить бизнес-проекты, заявки на кредиты, на гранты и т. п. В результате было создано 1792 кооператива. Динамика числа кооперативов в регионе представлена в табл. 4.

Из общего числа кооперативов примерно 20–25% составляют кооперативы в сфере ЖКХ по водопользованию. В действующих кооперативах (791), по данным Управления сельского хозяйства Пензенской области, на начало 2016 года насчитывалось 6108 членов.

Для поддержки малого бизнеса в области был создан гарантийный фонд «Поручитель» (2007 г.). Фонд предоставляет субъектам малого предпринимательства поручительства по кредитным договорам с банками-партнерами, а также выдает микрозаймы. Стоимость поручительства фонда — 2% годовых; поручитель-

ство может покрывать не более 70% суммы кредита и процентов по нему.

Районные управления сельского хозяйства также поддерживают кооперативы, например весной дают субсидии на горюче-смазочные материалы от 50 до 300 тыс. руб. (возможности районов разные). В районных программах по развитию экономики есть линии поддержки и через управление экономики, когда кооперативы получают помощь как предприятия малого бизнеса.

В 2015–2016 годах пензенские кооперативы получали поддержку только из федерального бюджета — в рамках программы Минсельхоза по развитию материально-технической базы СПК. В 2015 году поддержку получили 7 кооперативов на общую сумму 25,8 млн руб., в 2016-м — 5 кооперативов на сумму 45,5 млн руб.

В области работают известные специалисты в сфере кооперации И. В. Палаткин и Р. Р. Юняева (Палаткин, 2013; Юняева, 2010). Регулярно проходят обучающие семинары. В 2010–2012 гг. в области работал Центр развития кооперации, но потом из-за недостатка финансирования его закрыли.

Немаловажное значение для кооперативного развития имеет сеть муниципальных агентств поддержки малого предпринимательства, созданных во всех районах Пензенской области. Главная задача агентств — помощь в развитии малого и среднего бизнеса в районах и реализация социально значимых программ, направленных на улучшение условий и качества жизни населения.

Например, агентство Башмаковского района предоставляло субъектам малого предпринимательства товарный кредит, оказывало консультационные услуги и помощь при составлении бизнес-планов, в оформлении учредительных документов, при подаче заявок на гранты и кредиты. За 2015 год проведено 275 консультаций, 28 семинаров.

Необходимые условия для работы агентства создают Государственная программа Пензенской области «Развитие инвестиционного потенциала, инновационной деятельности и предпринимательства в Пензенской области на 2014–2020 годы», утвержденная постановлением Правительства Пензенской области от 21.10.2013 № 780-пП, и муниципальная целевая программа «Развитие инвестиционного потенциала и предпринимательства в Башмаковском районе Пензенской области на 2014–2020 годы», утвержденная постановлением администрации Башмаковского района Пензенской области от 15.10.2013.

С помощью агентства предприниматели, в том числе и кооперативы, могут получить льготный кредит. Также агентство помогает в подготовке документов в получении грантов. В 2015 году была оказана помощь для получения 43 грантов, в том числе 7 по линии Минсельхоза, а также по линии Министерства экономики, Министерства инвестиций Пензенской области, Министерства образования (молодежные гранты на поддержку молодых предпри-

Л. А. Овчинцева
Сельские
кооперативы:
цели прежние,
проблемы новые

нимателей). Более подробную информацию можно найти на сайте агентства и в публикациях (Атюкова, 2009).

В настоящее время численность кооперативов в области сокращается. Многие кооперативы закрываются, потому что их организаторам не хватает бизнес-опыта. Есть и иные причины, о которых будет сказано ниже.

Стимулом для развития кооперации в Калужской области стала областная программа поддержки животноводства, принятая в 2004 году. Затем в рамках приоритетного национального проекта «Развитие АПК» было создано около 200 кооперативов, в том числе 89 кредитных. Благодаря небольшой поддержке из областного бюджета (возмещается процентная ставка по кредитам в размере ставки рефинансирования) система кредитных кооперативов сохранилась до сего дня, и даже работает кооператив второго уровня СПКК «Агрокредит». Своим членам он выдает займы под 13%, а на вклады платит 10% (проценты приведены по состоянию на июнь 2016 г.), т. е. предоставляет более выгодные условия, чем банки. Займы выдаются максимально на 2 года на срок до 30 месяцев. Возвратность составляет 98%.

Сейчас в Калужской области осталось около ста кооперативов, из них работают еще меньше. Мониторинг работы кооперативов в регионе не ведется.

В региональном Министерстве сельского хозяйства считают целесообразным поддерживать потребительскую кооперацию системы Центросоюза. Сохранилось 45 кооперативных магазинов, которые выполняют важную социальную функцию по обеспечению товарами сельского населения в отдаленных поселениях и закупают продукцию, но работают они с планово-убыточными показателями.

Фокус поддержки в регионе перенесен на создание условий для сбыта продукции в зимний период, регулярно проходят фермерские ярмарки выходного дня. График ярмарок составлен на год вперед, и фермеры знают, когда могут привезти продукцию для реализации в город.

Особенностью Московской области является малое число готовых кооперироваться фермеров, при заметном числе квалифицированных экспертов в области кооперации. В 2016 году устойчиво работали в регионе лишь два кооператива, организованные квалифицированными специалистами, энтузиастами кооперации. Кооператив «Пентамос» занимается выращиванием семенного картофеля. Кооператив «Усадьба Поседкино» объединяет производителей и переработчиков молока. Эти кооперативы и получили в 2016 году грантовую поддержку по линии Минсельхоза на развитие материально-технической базы на общую сумму 36,6 млн руб.

На московском рынке высокая конкуренция. *«Мы держим высокое качество продукции, каждую неделю получаем заключение о качестве. Мы ставим свой логотип, поэтому отвечаем за ка-*

чество. С реализацией продукции проблем нет» (представитель кооператива «Усадьба Поседкино»).

По мнению эксперта из Московской области, развитию кооперативов препятствует отсутствие долгосрочных дешевых кредитов, так как вложения в землю окупаются не раньше чем через 12 лет.

Кооперативов в Московской области мало, огромный рынок Московского региона дает широкие возможности для сбыта продукции. Существует и проблема взаимного недоверия между фермерами, стремление опираться только на свои силы. Однако «одиночка не справится с рынком, мы объединились, чтобы выйти на другой уровень», — считает Д. И. Валигурский, председатель кооператива, доктор экономических наук, профессор подмосковного Кооперативного университета.

Перспективными направлениями развития кооперации для Московской области эксперты считают переработку продукции животноводства, производство овощей в закрытом грунте, сбыт продукции сельского хозяйства. Производство в Московской области очень дорогое: высокий уровень оплаты труда, дорогая аренда, мало земли. Но можно было бы объединяться с другими регионами, а через Московский регион сбывать продукцию.

Общие проблемы сельских кооперативов

Опрос экспертов позволил выявить проблемы в развитии кооперативов, общие для всех регионов. Они связаны с недостаточной степенью развития рынка, с регулированием развития кооперации, с внутренними вопросами функционирования кооперативов.

Наиболее часто упоминаемая проблема, о которой говорили опрошенные представители кооперативов во всех регионах, — нехватка оборотных средств. Эта проблема проявляется, с одной стороны, в трудностях при оформлении кредита на кооператив как на юридическое лицо, в большом количестве документов и длительном сроке оформления кредита, с другой — в высоком проценте, под который банки кредитуют кооперативы.

Чтобы решить эту проблему, кооперативы выкручиваются: оформляют получение кредита на физических лиц, создают кредитные кооперативы сами. Или организуют многопрофильные кооперативы, т. е. привлекают в кооператив производителей продукции с разными сроками реализации продукции (например, мед реализуется круглогодично, а рассада только весной). Широко используется взаимное неформальное кредитование, так как работа в кооперативе повышает доверие.

Мы создали недавно кредитный кооператив от нужды, кредит очень дорогой (представитель кооператива, Липецкая область).

Л. А. Овчинцева

Сельские

кооперативы:

цели прежние,

проблемы новые

Есть проблема с привлечением кредитных средств. Районные гарантийные фонды не снимают этой проблемы. Дешевый кредит не так-то просто получить (представитель кооператива, Липецкая область).

Плохо, что кооперативам трудно взять кредит. Поддержка без кредита — деньги на ветер (представитель органа управления АПК региона, Калужская область).

Проблема — отсутствие дешевых денег — длинных и коротких. Много бумаг для оформления субсидий. Малейшие нарушения, чуть что не так — и попадаешь на штрафы (представитель кооператива, Московская область).

Кооперативу очень трудно оформить кредит, нет своей залоговой базы (эксперт, Калужская область).

В лучшем положении кооперативы в тех регионах, где имеются линии льготного кредитования. Например, в Липецкой и Калужской областях эксперты упоминали о возможности получения льготного кредита (по ставке от 2 до 5%) на развитие малых форм хозяйствования, в Пензенской области — льготного целевого кредита для сельхозтоваропроизводителей на покупку дизтоплива и сельскохозяйственной техники (под 10% годовых).

Немалое число представителей кооперативов, занимающихся переработкой продукции сельского хозяйства, отмечают трудности в сбыте продукции, высокую конкуренцию на рынке. *«Есть проблема в реализации продукции. Войти в сети сложно. Поэтому продаем на рынке, на областных ярмарках. В регионе продавать легче — ниже транспортные расходы, меньше бумаг надо оформлять»* (представитель кооператива, Липецкая область).

Высокая конкуренция на рынках побуждает к кооперированию не только мелких, но и средних производителей продукции сельского хозяйства. Например, в липецкий кооператив «Объединенные производители молока» входят семь предприятий, один фермер и одно сервисное предприятие. Годовой оборот кооператива в 2015 году был около 250 млн руб. Создание кооператива позволяет формировать стабильно крупные партии молока, выйти на новые рынки. Строгий контроль качества дал возможность стать поставщиками таких сетевых магазинов, как «ВкусВилл» и «Мясновъ». Кроме того, кооператив — это инструмент представления интересов сельхозтоваропроизводителей в органах власти. По словам исполнительного директора кооператива А. А. Щетинина, кооператив — это «консолидация объемов и усилий — всех вместе услышат».

Подобные примеры мы нашли и в других регионах. Объединившись в кооператив «Боровенск», фермеры Калужской области смогли предложить ассортимент продукции, соответствующий запросу столичной сети «Азбука вкуса».

Наличие конкуренции между торговыми сетями и остальными производителями — проблема мирового масштаба. В Европе локальные производители пробиваются на рынок с помощью позиционирования местных брендов, специальных маркетинговых кампаний, в ходе которых объясняют потребителям, почему стоит купить продукцию местного производства. В нашей стране популярны фермерские ярмарки выходного дня. Во всех обследованных регионах на постоянно действующих рынках резервируют места для фермеров и владельцев ЛПХ. В сетевых магазинах открывают так называемые уголки фермера, используют принцип «магазин в магазине» для реализации продукции местных кооперативов и фермеров.

Парадоксально, что фермеры испытывают трудности со сбытом, в то время как фермерская продукция находится на пике спроса из-за несоответствия качества продуктов сетевых магазинов ожиданиям широкого сегмента городских потребителей, связывающих качество питания со своим здоровьем. Спрос на натуральную продукцию, с которой ассоциируется фермерская, в городах далеко не удовлетворен. Это указывает на недостаточное развитие товаропроводящих сетей в регионах и между регионами.

Кооперативы мясного направления для продвижения на рынок своей продукции используют более глубокую переработку мяса, расширяют ассортимент, предлагают продукцию под местными брендами, что также повышает конкурентоспособность.

Эксперты из Калужской и Московской областей, где позиция региона в отношении кооперации выражена слабее, отмечали, что поддержка кооперации не носит системного характера. *«Помощи от государства нет. Только с этого года обещали дать гранты. Нужна помощь кооперативам, средства техники очень дорогие»* (представитель кооператива, Московская область).

К числу факторов, тормозящих развитие кооперации, относят *«нестабильность, несистемность, немассовость господдержки»* (эксперт, Московская область).

Со стороны органов управления АПК региона поддержка имеется — финансовая, информационная и организационная. Эта поддержка недостаточна с точки зрения качества и системности (эксперт, Московская область).

Федеральная поддержка очень неравномерная, сейчас все свернули. В федеральных программах поддержки кооперативов не участвуем, так как наши кооперативы, кого мы хотели бы поддержать, не соответствуют критериям МСХ. Поддерживаем немного сами» (представитель органов управления АПК, Калужская область).

В Липецкой и Пензенской областях эксперты меньше были обеспокоены этой проблемой, поскольку здесь создана своя система поддержки кооперации.

Нестабильностью и недооценкой особенностей и социального значения кредитных кооперативов отличается политика банков, осуществляющих линию государственной политики в отношении кооперации.

Раньше поддерживали только кредитные кооперативы. Я был директором СПКК «Нива Подмосковья», работал восемь лет. А сейчас помощи нет, своего капитала не набралось, всего 3 млн руб. Сейчас закрываем (представитель кооператива, Московская область).

Россельхозбанк загубил кредитные кооперативы. Наверное, испугался конкуренции. В кооперативах условия выдачи займов более мягкие. Тогда он [банк] сначала дал деньги, а потом вышел из кооперативов. Да еще их сейчас приравнивали к кредитным организациям (эксперт, Калужская область).

Политика Центробанка по приравниванию малых кооперативов к банковским структурам губит кооперацию (эксперт, Липецкая область).

Представители кооперативов во всех регионах с обидой отмечали, что акцент федеральной политики сделан на поддержке крупного бизнеса в сельском хозяйстве.

Надо сказать, что официальная рыночная идеология поддерживает холдинги и крупные предприятия. В холдингах, конечно, гектар дает большую отдачу, чем у фермеров и ЛПХ (эксперт, Липецкая область).

Сегодня холдинги получают миллиардные субсидии, а кооперация — копейки. Господдержка распределяется несправедливо (представитель кооператива, Липецкая область).

Вертикально интегрированная экономика мешает развиваться, рынка нет, высокодоходные рынки забрали холдинги, развиваться некуда (представитель кооператива, Липецкая область).

Одновременно эксперты отмечали слабость организаций, лоббирующих интересы мелких по своим масштабам сельхозтоваропроизводителей (АККОР), и упоминали трудности, с которыми они сталкиваются при участии в мероприятиях по формированию аграрной политики.

Управление развитием бизнеса, в том числе и кооперативного, далеко от совершенства. С одной стороны, кооперативы ощущают административное давление как предприятия среднего и малого бизнеса.

Главная проблема — контролирующие органы. Проверок очень много, но наш кооператив прозрачен, ни к чему не придерешься (представитель кооператива, Липецкая область).

Кооператив не может получать обычные формы поддержки, как сельхозтоваропроизводитель, а налоги — как у торговли. Есть противоречие в налоговом кодексе и в законе о кооперации (представитель кооператива, Калужская область).

Л. А. Овчинцева
Сельские
кооперативы:
цели прежние,
проблемы новые

С другой стороны, некоторые недобросовестные бизнесмены используют для получения прибыли несовершенство законов, манипулируют господдержкой, дискредитируют кооперацию. *«Еще есть тенденция: создать кооператив, получить господдержку, а потом закрыть и продать все. Государство все-таки должно за этим присматривать»* (представитель кооператива, Липецкая область).

В развитии рынке существует множество инструментов, защищающих собственников и производителей от рисков. В наших условиях страхование сельхозтоваропроизводителей практически не работает.

Страхования сельхоздеятельности никакого нет. Пытались застраховаться — никто не страхует (представитель кооператива, Липецкая область).

Страхования нет. Да и если бы было, мы бы не страховали. Все равно не выплатят, прицепятся к чему-нибудь и не выплатят (представитель кооператива, Московская область).

Глобализация также пока только создает мелким кооперативам проблемы. Процесс вхождения в ВТО непросто, а меры контроля за качеством продукции не соответствуют возможностям мелких сельхозтоваропроизводителей.

Теперь нас задушил Роспотребнадзор. С ноября 2015 года ввели требование прилагать на каждую сданную партию молока ветсвидетельство. Это — требование ВТО. Роспотребнадзор разработал и ввел систему «Меркурий», в ней каждый сдатчик должен зарегистрироваться. Ежемесячно сдатчики получают на основании анализов ветсправки о качестве молока и состоянии здоровья животного. Ветсправка стоит 1000 рублей. Ветсвидетельство выписывается на основании этих справок, на основании данных, которые занесены в журналы учета ветстанции. Его дают бесплатно. Но для этого надо онлайн зарегистрироваться в системе «Меркурий» и получить это свидетельство в бумажном виде (распечатать). Это невозможно из деревни. Села удалены от города на 45 километров. Делается все, чтобы уничтожить источники дохода селян.

Ветсвидетельство никак не отражается на качестве молока, потому что молзавод берет анализ с каждой партии молока и контролирует качество сам. Это свидетельство выдают в городе до 15 часов дня, а молоко принимают круглосуточно. На общую партию молока, которую кооператив сдал, кооператив ветсвидетельство

оформляет. Для сельской бабушки с трехлитровой банкой — это невозможно.

Людей гонят в теневой рынок. Роспотребнадзор не понимает особенностей жизни людей в сельской местности, не учитывает их интересы (представитель кооператива, Калужская область).

К числу внутренних проблем развития кооперативов относится в первую очередь кадровая проблема: инициативные лидеры и ответственные члены кооператива — большой дефицит.

Проблема в развитии кооперации — дефицит образованных, харизматичных кадров на селе, которые могли бы руководить кооперативами (эксперт, Московская область).

Проблема — мало квалифицированных кадров для работы в кооперации. Горожане более образованны, могут быть лидерами, методистами в развитии кооперации на селе (эксперт, Липецкая область).

Проблема — кадры. Решили брать на работу только своих. Посторонние не хотят нести ответственность. Наемные работники работают «от» и «до» (представитель кооператива, Московская область).

Трудно найти хороших работников, добросовестных, ответственных (представитель кооператива, Липецкая область).

Жители охотно вступают в кооператив, у нас кому ни предложи — все согласны. Сами создавать побаиваются, а когда работа идет, то тогда уже вступать все согласны (представитель кооператива, Липецкая область).

Нередко фермеры не вступают в кооперативы, потому что:

- не обладают достаточным образованием и пониманием сути кооперации;
- нет достаточно образованных лидеров на уровне районов;
- пугает административная и налоговая нагрузка, им это кажется слишком сложным (эксперт, Калужская область).

Есть еще один нюанс, который и не назовешь проблемой, он просто является фактом, определяющим развитие сбытового или перерабатывающего кооператива: деятельность в этих сферах — это бизнес. И этот бизнес может быть кооперативом, а может, являясь по форме кооперативом, оставаться по сути бизнесом. Разница заключается в том, что кооператив ориентируется на долгосрочные экономические отношения и готов поступиться сиюминутной прибылью в целях сохранения стабильности, а бизнес более динамичен в выборе форм и ориентируется на максимизацию прибыли. Кооператив строится на доверии и ответственности. В бизнесе необходима строгая система управления.

Правильный кооператив — объединили ресурсы, работают вместе, помогают друг другу. Неправильный кооператив — я вошел, с меня берут взнос, благ никаких не получаю (представитель кооператива, Калужская область).

Чем станет предприятие, зарегистрированное в форме кооператива, — кооперативом или бизнесом, зависит и от личности лидера, и от его партнеров, и от местонахождения кооператива по отношению к рынкам сбыта или рынкам оказания услуг.

На этот выбор влияют болезненные моменты субсидиарной ответственности и распределения прибыли. Для бизнеса субсидиарная ответственность, коллективное принятие решений однозначно являются тормозом. Кооператив с этим живет.

Трудно управлять кооперативной собственностью — управление коллективное. Если дела идут хорошо, растет и риск, что партнеры захотят выйти из кооператива и заберут свою долю (представитель кооператива, Пензенская область).

Фермеров от вступления в кооперативы удерживает субсидиарная ответственность, никто не хочет вешать чужие долги на себя, тем более что отвечаешь и личным имуществом (представитель кооператива, Калужская область).

Субсидиарная ответственность тормозит развитие кооперации, особенно обслуживающей, перерабатывающей. Кооперативы такого вида, если они развиваются успешно, становятся бизнесом. А кооперативная форма управления размывает ответственность. Недобросовестные члены могут выйти, а отвечать будут другие. Такой случай был в 2013 году при банкротстве одного обслуживающего кооператива в Ростовской области, суд возложил обязанность по уплате 4 миллионов рублей долгов на членов кооператива. Можно, конечно, создать кооператив из обществ с ограниченной ответственностью. Многие предприятия, по сути являющиеся кооперативами, работают как ООО, или без создания предприятия на договорных отношениях, потому что закон о кооперации ФЗ-193 не способствует ее развитию. В зарубежном законодательстве, например в Германии, субсидиарная ответственность подразделяется на подвиды с разным объемом ответственности, учредители могут выбрать. А в нашем законе только один вид, самый полный и неудобный для участников кооператива, поскольку содержит в себе большую степень риска (эксперт, Московская область).

Еще один тонкий момент — это «кооперативное сознание», принятие кооперативной идеи как своей. Тормозит развитие кооперации «... низкое кооперативное сознание — все думают, что можно создать кооператив, а потом туда продукцию не отдавать, если где будет хоть на копейку выгоднее продать» (эксперт, Московская область).

Нет культуры и ответственности бизнеса, психология периода перемен (быстрые доходы, «ловля рыбы в мутной воде») все еще дает себя знать, отсюда взаимное недоверие предпринимателей (эксперт, Московская область).

Кооператив — это не освоение ресурсов, это перестройка всей своей работы. Люди не хотят нести обязательства за других, быть членом кооператива. В области много сельхозтоваропроизводителей и ЛПХ, они свои расходы покрывают. Они не понимают, что кооператив создается для себя. Сразу прибыль не приходит, а ждать не хотят и делать ничего не хотят (эксперт, Московская область).

Итак, наиболее чувствительными для кооперативов являются следующие проблемы:

- затрудненный доступ к финансовым ресурсам: оборотным средствам и кредитам по доступной цене;
- несовершенство нормативно-правового регулирования развития кооперации;
- нестабильность политики государства в отношении кооперации, деструктивный «проектный подход»;
- фокусирование федеральной политики на поддержке крупного бизнеса в сельском хозяйстве;
- значительные региональные различия в формах и методах поддержки кооперации и малых форм хозяйствования;
- административное давление на предприятия малого и среднего бизнеса;
- сложности со сбытом продукции, недостаточное развитие товаропроводящих сетей;
- неразвитость инфраструктуры связи и недоступность современных технологий мелким сельхозтоваропроизводителям;
- неразвитость инструментов страхования продукции сельского хозяйства от конъюнктурных, погодных и иных рисков;
- нехватка инициативных лидеров, готовых брать на себя ответственность и риски;
- ослабление коллективизма, неготовность владельцев КФХ и ЛПХ к сотрудничеству и взаимной ответственности;
- сохраняющееся влияние экономической психологии периода перемен, ориентированной на достижение сиюминутных целей.

Таким образом, для дальнейшего развития кооперации имеет значение не только объем средств поддержки, хотя это и важно. Неполнота поддержки с федерального уровня успешно компенсируется долгосрочными программами на региональном уровне. Даже небольшая по объему, но постоянная поддержка дает хорошие результаты, отмечали эксперты в Калужской и Пензенской областях.

Для расширения доступа кооперативов и предприятий малого бизнеса к кредитным ресурсам необходимо распространять в регионах успешные практики их поддержки, включающие льготное кредитование, субсидирование процентной ставки, грантовую помощь на начальном этапе развития.

Нормативно-правовое регулирование должно учитывать интересы развивающихся кооперативов, его необходимо более тонко подстраивать под нужды их членов.

Способствовать сбыту продукции будут развитие региональных рынков, регистрация и продвижение региональных и локальных брендов, создание логистических центров в регионах.

Интересы мелких сельхозтоваропроизводителей, мелких кооперативов следует активнее лоббировать на федеральном уровне. Если с этим не справляются АККОР и саморегулируемые организации, возможно, речь должна идти о расширении числа региональных ассоциаций сельхозтоваропроизводителей либо о создании новой общественно-политической организации, подобной Немецкому крестьянскому союзу. Эти же организации должны активнее выходить с предложениями о совершенствовании законодательства в области кооперации.

Слабая подготовка кадров преодолевается с помощью обучения, консалтинга, системы кооперативного образования в регионах.

Часть проблем будет решена только в случае осуществления крупных инфраструктурных проектов, например по развитию дорожно-транспортной сети, по обеспечению доступности современных цифровых технологий в отдаленных районах на периферии регионов.

Создание системы страхования сельхозтоваропроизводителей от рисков также выходит за пределы деятельности кооперативных лоббистов, надежная система страхования необходима всем производителям продукции сельского хозяйства.

Библиография

- Атюкова О. К. (2009). Агентства по развитию предпринимательства в сельских муниципальных образованиях как инструменты развития сельских территорий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 7. С. 63–65.
- О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2014 г. (ежегодный доклад, второй выпуск) (2016). М.
- Палаткин И. В. (2013). Стратегия развития сельскохозяйственной потребительской кооперации в Пензенской области // Интернет-журнал Науковедение. № 6 (19). С. 80.
- Постановление от 31 декабря 2008 года Правительства Российской Федерации № 1089 «О предоставлении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/12164436/> (дата обращения: 05.04.2017).
- Постановление от 14 декабря 2009 года Правительства Российской Федерации № 1011 «О предоставлении в 2010 и 2011 годах субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов

Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/12171636/> (дата обращения: 05.04.2017).

Постановление от 30 октября 2013 г. № 490 «Об утверждении государственной программы Липецкой области „Развитие кооперации и коллективных форм собственности в Липецкой области“». URL: <http://www.admlip.ru/about/kooperatsiya/> (дата обращения: 30.12.2016).

Туган-Барановский М.И. (1916). Социальные основы кооперации. М.: Издание Московского городского народного ун-та им. А. Л. Шанявского. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10073462> (дата обращения: 05.04.2017).

Чаянов А.В. (1992). Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. Избранные труды. М.: Колос.

Юняева Р.Р. (2010). Система сельской кредитной кооперации в Пензенской области // Техника и оборудование для села. № 5. С. 4–6.

Янбых Р.Г. (2013). О концепции развития кооперации на селе на период до 2020 г. // Экономическое развитие России. Т. 20, № 5. С. 53–56.

Rural cooperatives: Same goals, new problems

Lyubov Ovchintseva, PhD (Economics), Senior Researcher, Department of Sustainable Rural Development and Rural Cooperation, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics. 21–1, Bolshoi Kharitonievski per., Moscow, 105064, Russia. E-mail: lovchintseva@viapi.ru.

The article considers the development of farmer cooperatives for processing and marketing of agricultural products. The article is based on the federal and regional statistical data and on the expert interviews conducted by the author with the heads of farms and cooperatives, managers of regional and municipal agribusiness, specialists of auditing unions, cooperation development funds, cooperative unions and other institutions supporting the development of cooperation. The survey was conducted in 2016 in four regions of the Russian Federation—Lipetsk, Penza, Moscow and Kaluga, mainly among cooperatives processing fruits, vegetables, meat and dairy products. The situation in the Lipetsk Region is particularly interesting due to the three-level system of cooperation support: by rural settlements, by districts and by the regional government. The author also describes the influence of district agencies of the Pensa Region on small business. The forms and methods of cooperation support by the regional agro-industrial complex are described on the basis of the author's research data, which allowed to identify the key difficulties of the farmers that decided to create cooperatives. The article presents the most illustrative quotes from the interviews confirming the lack of access to financial resources, the variability of the state policy considering farmer cooperatives, the imperfection of legal regulation of cooperation, the administrative pressure on cooperatives and small and medium business, the insufficient development of distribution networks and rural infrastructure, and some subjective factors.

Key words: rural cooperation; factors of cooperatives' development; cooperatives in the Russian regions; cooperative system in Lipetsk; Penza Agency for the development of cooperation; Kaluga cooperatives; cooperatives in the Moscow Region

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-121-141

Referencies

Atyukova O. K. (2009) Agentstva po razvitiyu predprinimatelstva v selskikh munitsipalnykh obrazovaniyakh kak instrumenty razvitiya selskikh territoriy [Agencies for development of entrepreneurship in rural municipalities as instruments of rural develop-

- ment]. *Ekonomika selskokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy*, no. 7, pp. 63–65.
- O sostoyanii sel'skih territorij v Rossijskoj Federacii v 2014 g. (ezhegodnyj doklad, vtoroj vypusk) (2016). [Status of rural areas in the Russian Federation in 2014 (annual report, second edition)]. Moscow.
- Palatkin I. V. (2013) Strategiya razvitiya selskokhozyaystvennoj potrebitelskoj kooperatsii v Penzenskoj oblasti [Strategy of development of rural cooperation in the Penza region]. *Internet-zhurnal Naukovedeniye*, no. 6 (19), p. 80.
- Postanovlenie ot 31 dekabrya 2008 goda Pravitel'stva Rossijskoj Federacii No. 1089 "O predostavlenii subsidij iz federal'nogo byudzheta byudzhetam sub'ektov Rossijskoj Federacii na realizaciyu dopolnitel'nyh meropriyatij, napravlennyh na snizhenie napryazhennosti na rynke truda sub'ektov Rossijskoj Federacii" [Decision of 31 December 2008, the Russian Federation Government No. 1089 "On the granting of subsidies from the Federal budget to budgets of subjects of the Russian Federation on the implementation of additional measures aimed at reducing tensions on the labour market of constituent entities of the Russian Federation"]. Available at: <http://base.garant.ru/12164436/> (accessed 05.04.2017).
- Postanovlenie ot 14 dekabrya 2009 goda Pravitel'stva Rossijskoj Federacii No. 1011 "O predostavlenii v 2010 i 2011 godah subsidij iz federal'nogo byudzheta byudzhetam sub'ektov Rossijskoj Federacii na realizaciyu dopolnitel'nyh meropriyatij, napravlennyh na snizhenie napryazhennosti na rynke truda sub'ektov Rossijskoj Federacii" [The decision of 14 December 2009 of the Government of the Russian Federation No. 1011 "About granting in 2010 and 2011 subsidies from the Federal budget to budgets of subjects of the Russian Federation on the implementation of additional measures aimed at reducing tensions on the labour market of constituent entities of the Russian Federation"]. Available at: <http://base.garant.ru/12171636/> (accessed 05.04.2017).
- Postanovleniye ot 30 oktyabrya 2013 g. N490 "Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Lipetskoy oblasti 'Razvitiye kooperatsii i kollektivnykh form sobstvennosti v Lipetskoy oblasti'" [The decision of 30 October 2013 No. 490 "About approval of the state program of Lipetsk region 'Development of cooperation and collective forms of ownership in the Lipetsk region'"]. Available at: <http://www.admlip.ru/about/kooperatsiya/> (accessed 30.12.2016).
- Tugan-Baranovskij M. I. (1916) *Social'nye osnovy kooperacii*. M. Izdanie Moskovskogo gosrodskogo narodnogo universiteta im. A. L. SHanyavskogo. [Social foundations of cooperation. Publication of the Moscow city public University of a name of L. Shanyavsky]. Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10073462> (accessed 05.04.2017).
- Chayanov A. V. (1992) *Osnovnye idei i formy organizacii sel'skohozyajstvennoj kooperacii* [Basic ideas and forms of organization of agricultural societies. Chayanov A. V. *Izbrannye trudy* [Selected works], Moscow: Kolos.
- Yunyayeva R. R. (2010) Sistema selskoj kreditnoy kooperatsii v Penzenskoj oblasti [System of rural credit cooperatives in the Penza region]. *Tekhnika i oborudovaniye dlya sela*, no. 5, pp. 4–6.
- Yanbyh R. G. (2013) O koncepcii razvitiya kooperacii na sele na period do 2020 g. [The concept of development of cooperatives in rural areas for the period up to 2020]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, vol. 20, no. 5, pp. 53–56.

Л. А. Овчинцева
Сельские
кооперативы:
цели прежние,
проблемы новые

Век аграрных реформ

Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. — Новосибирск, 2015. — 298 с. ISBN: 978-5-94301-573-1

Н. Г. Кедров

Николай Геннадьевич Кедров, кандидат исторических наук, научный сотрудник Вологодского государственного университета. 160000, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, 15. E-mail: nk149@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-142-152

Рецензируемая монография подготовлена коллективом историков Института истории Сибирского отделения РАН (В. М. Рынков, С. Н. Андреенков, И. Б. Карпунина, А. П. Мелентьева) при участии специалистов из других академических центров (Л. Н. Мазур, Уральский государственный университет; Д. Н. Белянин, Кузбасский государственный технический университет; Д. С. Орлов, Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина). Идейным вдохновителем этого творческого коллектива, одним из основных авторов и главным редактором книги выступил известный историк-аграрник, доктор исторических наук Владимир Андреевич Ильиных. В монографии на примере Сибири рассматриваются процессы аграрного реформирования в России с конца XIX века по 1990-е годы. Наблюдения и выводы авторов не только характеризуют региональное измерение аграрных реформ, но и отражают осмысление ими проблем общероссийского уровня.

Сама по себе тема реформ (в том числе аграрных) является магистральной в современном отечественном общественном сознании. Утвердившееся в 1990-е годы восприятие исторических изменений как программируемого, управляемого человеком движения неизбежно фокусировало внимание исследователей на изучении форм и методов такого воздействия. Подогревали этот интерес и политические настроения в стране, поскольку реформы (в противовес революциям) были тогда признаны легитимным инструментом преобразования общественного строя. Повышенное внимание к теме имело ряд концептуальных следствий. Так, изучение многочисленных реформ в России XX века закономерно вело к их сравнению по шкале эффективности. Однако, поскольку критерии успешности исследователи выбирали по своему вкусу, результаты сравнительного анализа получались диаметрально противоположными. Это порою

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

переводило дискуссию в политическую плоскость, а сами авторы обменивались не столько аргументами, сколько заранее готовыми оценками. Другой существенный момент связан с тем, что анализ реформ как программируемого движения ставил на повестку дня вопрос об упущенных возможностях осуществления иной модели общественного развития. В силу этого поиск так называемых альтернатив стал одной из центральных проблем многих исторических сочинений. Умозрительная природа подобных конструкций также давала ученым почву для реализации своих политических пристрастий. Вместе с тем к настоящему времени существует уже сравнительно большой объем литературы, посвященной обобщению опыта реформ в России XVIII–XX веков. Среди работ на эту тему есть как легковесные поделки, так и исследования, заслуживающие самого серьезного внимания. Пожалуй, наиболее удачным примером исторического изучения опыта отечественных реформаторов в целом является книга петербургских историков «Власть и реформы», давно ставшая классикой жанра¹. Не были обойдены стороной в научной литературе и аграрные преобразования. В частности, этому аспекту реформ посвящены сочинения Г. И. Шмелева, В. В. и К. В. Милосердовых, С. А. Никольского, А. Н. Медушевского, Н. Л. Рогалиной, М. А. Казьмина².

В этом ряду рецензируемая монография отличается некоторыми особенностями. Прежде всего изучение истории аграрных реформ логически отталкивалось от политических дебатов рубежа 1980–1990-х годов о путях дальнейшего развития сельского хозяйства страны. Как справедливо указывают сами авторы, тогда существовало три основные точки зрения: радикально-реформаторская, умеренно-реформаторская и консервативная (с. 91). На похожие сегменты разделялись и мнения участников академических дискуссий³. Примечательно, что даже такой объективный и эрудированный историк, как В. П. Данилов, не упускал случая покритиковать потогу реформаторов 1990-х годов⁴. Нашли отражение указанные

1. *Власть и реформы* (1996). От самодержавной к советской России. СПб.
2. *Шмелев Г. И.* (2000). Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.; *Милосердов В. В., Милосердов К. В.* (2002). Аграрная политика России — XX век. М.; *Никольский С. А.* (2003). Аграрный курс России. Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М.; *Медушевский А. Н.* (2005). Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI века. М.; *Рогалина Н. Л.* (2010). Власть и аграрные реформы в России XX века. М.; *Казьмин М. А.* (2012). Земельные реформы в России (XIX–XX вв.): Уроки пройденного пути. М.
3. Об этом можно судить по обсуждению проблемы коллективизации в отечественной науке. См. об этом: *Мерль Ш.* (1996). Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки*. М. С. 376–378.
4. *Данилов В. П.* (2002). Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // *Россия в XX веке: реформы и революции*. Т. 1. М. С. 20–37.

позиции и на страницах книг об аграрных реформах. Так, монография Г. И. Шмелева была построена автором на критике аксиом марксистской политэкономии и, по сути, служила задаче рекламы либеральных принципов хозяйствования. Точка зрения С. А. Никольского предполагала признание необходимости аграрной реформы, но без крайностей и с оглядкой на уже сложившиеся в деревне реалии. Книга В. В. и К. В. Милосердовых содержала своего рода сравнение хоть и обремененного целым рядом очевидных издержек, но все же относительно стабильного советского сельского хозяйства с разрушительной стихией рыночных реформ 1990-х годов. Иными словами, история аграрных реформ некоторыми авторами воспринималась всего лишь как некое теоретическое вступление для понимания актуальных проблем современности. В отличие от этих работ, в книге сибирских историков изучение истории аграрного вопроса является самостоятельной целью исследования.

Еще один момент связан с тем, что обобщающие работы по истории аграрных реформ создавались, как правило, вне категориального и проблемного поля исторической науки. Г. И. Шмелев, В. В. и К. В. Милосердовы рассматривали тему как экономисты. С. А. Никольский был по основной специальности философом-обществоведом, занимавшимся в свое время практикой осуществления реформ. М. А. Казьмин проанализировал аграрные процессы с точки зрения экономической географии. А. Н. Медушевский подготовил во всех отношениях выдающуюся работу, посвященную изучению проектов аграрного реформирования, в основе которой, по нашему мнению, лежит интересный синтез позитивистской традиции историко-правовых исследований и посылок, следующих из кантовской эпистемологии. Пожалуй, единственным профессиональным историком из перечисленных выше авторов является Н. Л. Роголина, но ее книга — это учебное пособие, и в соответствии с канонами жанра она в большей степени ориентирована на интеграцию уже существующих оценок и мнений в единое проблемное поле, нежели на самостоятельное исследование вопроса. Очевидно, В. А. Ильиных вовремя заметил эту исследовательскую нишу. Рассмотреть тему реформ с позиций классической исторической науки авторам рецензируемой монографии помог региональный подход, который также нужно признать оригинальной особенностью книги. Еще раз заметим, что на примере Сибири авторы рассматривают процессы аграрного развития, характерные для страны в целом, а сама азиатская часть России являлась важнейшим звеном в планах целого ряда российских реформаторов. Важно подчеркнуть, что такой подход позволяет авторам добиться большей конкретизации в понимании предмета исследования, соединить эмпирический и теоретический уровни осмысления темы.

Структурно книга делится на две части. В первой представлена эволюция аграрного вопроса в России, под которым понимается «вопрос о путях и методах модернизации сельского хозяй-

ства, создании условий для его ускорения» (с. 5). Авторы полагают, что впервые аграрный вопрос как особая проблема в жизни страны был осознан государством и обществом лишь в конце XIX века, чему способствовали противоречивые итоги крестьянской реформы 1861 года (с. 9). Главным противоречием было наличие продуцируемых существованием крестьянской общины архаических поземельных отношений и практик повседневной жизни крестьянского социума, сдерживающих развитие сельского хозяйства. Таким образом, в отличие от тематически близкой книги А. Н. Медушевского, в которой аграрный вопрос понимается прежде всего как категория политического сознания и дискурса («новая социально-психологическая реальность», «осознание обществом проблем легитимности существующих прав на владение землей»⁵), в монографии сибирских историков он рассматривается как объективная проблема экономической жизни страны.

Необходимость реформ в аграрной сфере ясно осознавалась частью политической элиты Российской империи. Разработкой принципов этих преобразований занимались сначала Н. Х. Бунге, а затем С. Ю. Витте, однако их усилия тормозились противодействием со стороны консервативной части политического истеблишмента. Толчком для реформ стали «аграрные беспорядки», осуществляемые крестьянами под руководством общины, в период революции 1905–1907 годов. В монографии указывается, что среди целей столыпинской аграрной реформы главной являлась политическая — задача стабилизации существующего политического строя путем создания слоя мелких собственников и снижения градуса социальной напряженности за счет переселения части населения из центральных регионов на малоосвоенные окраинные территории (с. 17). Детальный обзор всех этапов переселенческой политики представлен во второй части книги. Авторы сдержанно оценивают итоги реформы. Отмеченные цели так и не были достигнуты, уровень социальной напряженности на селе за годы реформы еще более возрос. Одной из главных причин этого, по мнению авторов книги, стала позиция самих крестьян, большинство которых отвергали принципы предложенного П. А. Столыпиным проекта решения аграрного вопроса. При первой же возможности, в результате аграрной революции 1917–1921 годов, они дезавуировали результаты реформы. В ходе вспыхнувшей в стране Гражданской войны с позицией крестьянского большинства вынуждены были считаться как красные, так и лидеры антибольшевистских режимов. Крестьянство заставило первых отказаться от осуществления военно-коммунистического эксперимента, а вторых существенно редактировать свои аграрные программы.

В итоге победившие большевики оказались перед лицом тех же проблем, с которыми ранее столкнулось царское правительство.

5. Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 11.

Проблем было даже больше, поскольку по причине исчезновения помещичьих хозяйств резко сократилась товарность сельского хозяйства. НЭП, по мнению авторов книги, не мог обеспечить экономического развития страны (с. 25–26). Ученые-аграрники 1920-х годов предложили три варианта преодоления сложившихся трудностей. Авторы монографии условно обозначают их как либеральный, неонароднический и марксистский. Либеральный проект предлагал сделать ставку на развитие зажиточных хозяйств путем ликвидации существовавших ограничений. Ученые организационно-производственного направления (неонародники) видели дальнейшее экономическое развитие на основе мелких крестьянских хозяйств путем интеграции их в различные формы кооперации. Марксисты полагали, что будущее советского сельского хозяйства за крупным производством индустриального типа. Упоминают авторы монографии и о так называемой «бухаринской альтернативе», которую на рубеже 1980–1990-х годов В. П. Данилов объявил главной возможностью избежать осуществления сталинской коллективизации. Показательна проведенная В. А. Ильиных работа над дефиницией «историческая альтернатива». Так, В. П. Данилов в ходе одного из заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» следующим образом характеризовал это понятие: «Никто в научной литературе не объявлял альтернативой всего лишь намерение, а тем более случайное высказывание того или иного политического деятеля. Речь шла об альтернативах, наличие которых доказывалось анализом реального исторического процесса. При этом было установлено наличие по крайней мере трех обстоятельств: первое — объективных тенденций социально-экономического развития в альтернативном направлении; второе — наличия значительных политических сил, которые ведут борьбу за осуществление этой возможности; и третье — катастрофических последствий, которые были результатами отказа от альтернативного решения возникших проблем»⁶. Во введении к рецензируемой книге термину дается совсем иное определение. «Дефиниция альтернативы имеет три ипостаси: 1) объективно существующая, но, по нашему мнению, непознаваемая возможность иного пути развития; 2) концепция, в которой предлагается иной вариант развития <...>; 3) современная интерпретация альтернативной концепции ее реализации...» (с. 6). Далее В. А. Ильиных уточняет, какая из этих ипостасей принята в качестве рабочего понятия авторами книги. Он пишет: «Предметом исследования настоящей монографии являются базовые, в том числе и альтернативные, концепции, концептуальные модели и программы модернизации аграрного строя...» (с. 6). Благодаря этому определению историк не только переносит основной акцент исследования

6. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). М. С. 315.

из сферы умозрительных реконструкций на реально существовавшие, а следовательно, исторически верифицируемые проекты. Отнеся даниловское понимание альтернативы к числу непознаваемых сущностей, он решительно отделяет исследование аграрных реформ от изначально далеких от науки задач обличения сталинского политического режима.

Содержащаяся в книге оценка политических взглядов Н. И. Бухарина конца 1920-х годов также принципиально отличается от даниловской. Несмотря на то что Бухарин заимствовал ряд идей А. В. Чаянова о кооперации, он, по мнению авторов, оставался сторонником крупного социалистического хозяйства и административных принципов управления экономикой. Его разногласия с И. В. Сталиным касались не сути преобразования сельского хозяйства, а главным образом методов и темпов этого процесса (с. 33). Кстати, похожую оценку политической программы Бухарина высказывал и другой известный специалист по истории деревни 1920-х годов, С. А. Есиков⁷.

В условиях советской общественно-политической системы победить в теоретическом споре могла лишь точка зрения, основанная на непререкаемом авторитете «единственно верного» учения. С конца 1920-х годов дискуссии по вопросу о судьбах сельского хозяйства страны и вовсе стали невозможны, а противники марксистов либо вынуждены были пересмотреть свои взгляды, либо были официально дискредитированы как «вредители». XV съезд ВКП(б) провозгласил курс на коллективизацию. В основу радикальной перестройки аграрной сферы была положена идея замены мелкого крестьянского хозяйства на крупное колхозное и совхозное производство (с. 41). В планах социалистического преобразования марксистские теории шли еще дальше. Ими была предложена концепция агропромышленной интеграции сельского хозяйства, предполагавшая создание гигантских агроиндустриальных комбинатов путем объединения в единые хозяйственные комплексы множества предприятий. Применительно к Сибири эти идеи были изложены в «Генеральном плане развития народного хозяйства Сибирского края» 1930 года, подробному анализу которого посвящена одна из глав во второй части книги (с. 182–199). Политическому руководству страны, надеявшемуся таким образом добиться быстрого прироста материальных ресурсов, необходимых для индустриализации, эта идея пришлась по вкусу (с. 46). По мнению авторов, перестройка сельского хозяйства в соответствии с данной моделью и была одной из основных целей коллективизации. Однако надеждам политической элиты СССР не суждено было сбыться. Крестьяне, большая часть которых скептически воспринимала

7. Есиков С.А. (2010). Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М. С. 217–227.

идею создания колхоза даже в одной деревне, оказали отчаянное сопротивление осуществлению мероприятий власти. В результате «революция сверху» привела к резкому сокращению экономических показателей сельскохозяйственного производства и кризису в аграрной сфере, что заставило руководителей страны отказаться от осуществления задуманных планов. Возникшая в результате колхозно-совхозная модель аграрного строя, по мнению авторов книги, радикально отличалась от предполагаемой изначально (с. 49). При этом И. В. Сталин, со временем осознавший мобилизационные возможности колхозного строя, провала программы реконструкции сельского хозяйства так и не признал (с. 54), заявив, что все так изначально и задумывалось⁸. Таким образом, в книге сибирских историков представлена новая по отношению к утвердившейся в 1990-е годы в отечественной науке даниловской трактовке «революции сверху»⁹ концепция коллективизации.

Не менее интересен раздел книги, посвященный разработке курса аграрных реформ в десятилетие после смерти Сталина. Авторы избежали очевидного соблазна свести свое повествование к изложению ряда резонансных инициатив Н. С. Хрущева, получивших всеобщую известность. Напротив, данная часть монографии представляет собой глубокий и тонкий анализ проблемы ревизии советской политической элитой сталинского наследия. Сложность работы исследователей заключалась в том, что, в отличие от политических аспектов функционирования режима, частично осужденных на XX съезде КПСС, старт дискуссии о пересмотре сложившейся к тому времени системы аграрных отношений так и не был дан. Коллективизация, как и прежде, оценивалась в официальной литературе как важнейший шаг на пути построения социализма в СССР. Поэтому авторам пришлось буквально реконструировать ход обсуждения и основные позиции представителей руководства партии по аграрному вопросу. Для того чтобы выяснить потенциальные возможности трансформации аграрного строя, исследователи с успехом использовали методы исторической компаративистики. В частности, в качестве таких возможностей они рассматривают китайский (отказ от колхозной модели и переход к семейному производству) и северо-корейский (сохранение системы принудительного труда) пути развития сельского хозяйства. Однако реформатора, подобного Дэн

8. В частности, эта мысль особенно ясно прозвучала в его отчетном докладе «Итоги первой пятилетки» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. См.: *Сталин И. В.* (1953). Сочинения. Т. 13. М. С. 188–196.

9. Наиболее концентрированно концепция коллективизации В. П. Данилова изложена им в статье «Коллективизация сельского хозяйства в СССР» (*История СССР*. 1990. № 5. С. 7–41). Эта работа, наряду с другими трудами известного историка-аграрника, оказала самое существенное влияние на дальнейший вектор исследования темы, ее внутреннюю рубрикацию и базовые оценки. Фактически она стала идейной основой существующей по сей день в отечественной науке парадигмы изучения коллективизации.

Сяопину, в Советском Союзе не нашлось (по мнению авторов, возможно, им мог бы стать Л. П. Берия, хотя сами они отмечают, что прямых документальных подтверждений этому нет), а представители консервативного крыла советской партийной элиты (Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, В. М. Молотов) потерпели поражение в борьбе за власть (с. 59–61). Победивший в ней Н. С. Хрущев пошел своим путем. Его воззрения на проблему аграрного развития сформировались на рубеже 1920–1930-х годов, в силу чего Хрущев являлся сторонником идей коллективизации в ее изначальном виде (т. е. как аграрно-промышленной интеграции). В отличие от Сталина, сложившуюся после «великого перелома» систему отношений в аграрном секторе экономики, он считал временным отступлением и, оказавшись у власти, попытался вернуться к первоначальному курсу (с. 66–68). Именно этой цели служили системообразующие, согласно авторам книги, направления хрущевской аграрной политики: 1) упразднение МТС; 2) укрупнение колхозов и преобразование части коллективных хозяйств в совхозы; 3) борьба с личным подсобным хозяйством колхозников. Итогом этих реформ стало формирование новой модели аграрного строя, которую авторы называют совхозно-колхозной (с. 73).

Осуществленная Хрущевым программа аграрных реформ тем не менее так и не смогла решить проблем советского сельского хозяйства. Временное повышение его экономических показателей сменилось стагнацией, что вкупе с ростом потребительских запросов населения создавало угрозу продовольственного кризиса и стало одной из причин отстранения реформатора от власти (с. 75–77). Его политические наследники отказались от идеи глобальной реформы аграрного строя. Проводимые ими преобразования носили лишь косметический характер (с. 84–85). Основная ставка делалась на наращивание капиталовложений в сельское хозяйство, привнесение технических инноваций в производственный процесс, на улучшение условий жизни сельских жителей. Однако существенного роста производительности труда в советском сельском хозяйстве так и не произошло. Причина не только в том, что колхозы и совхозы продолжали существовать в рамках плановой экономики, но и в том, что сами жители села, с успехом осваивая новые блага жизни, не спешили улучшать качество своих трудовых усилий. В этом вопросе наблюдения авторов рецензируемой книги близки (хотя и не идентичны) тезису известной американской исследовательницы Ш. Фицпатрик о том, что советские крестьяне смогли в итоге адаптировать к своим нуждам колхозную систему¹⁰. Неудача аграрной реформы 1990-х годов, направленной на фермеризацию сельского хозяйства, также связана с тем, что большая часть колхозников отнюдь не стремилась покинуть колхозы, предпочтя иж-

10. *Фицпатрик Ш.* (2001). Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России: деревня. М. С. 350–358.

дивенческую стратегию рискам, связанным с самостоятельным ведением хозяйства (с. 96).

Вторая часть монографии посвящена исследованию непосредственно сибирских материалов. В нее вошли очерки, детально рассматривающие основные вехи разработки программ аграрной колонизации и переселенческого движения, планы хозяйственного развития региона второй половины 1920-х — начала 1930-х годов (Перспективный план развития сельского хозяйства Сибири 1926 г., Генеральный план развития народного хозяйства Сибирского края 1930 г.), государственные программы освоения целинных земель и ликвидации неперспективных деревень, различного рода попытки интенсификации сельскохозяйственного производства в поздний советский период. Эти материалы имеют отнюдь не вспомогательное значение. Они не только иллюстрируют важнейшие положения первой части книги, но и служат авторам для решения самостоятельных научных проблем, таких как выявление особенностей аграрного развития Сибири и вопрос о взаимодействии центральных и региональных элит при определении путей реформирования сельского хозяйства.

Очевидно, что одной из главных особенностей протекания аграрных процессов в Сибири в XX веке было наличие мощного переселенческого движения из центральных регионов страны, за счет чего не только значительно увеличилось население региона и были введены в хозяйственный оборот ранее малоиспользуемые и неосвоенные территории, но и произошли существенные изменения в соотношении отраслей сельского хозяйства (увеличение доли зернового земледелия), в социальных отношениях (размывание позиций общины, более высокий уровень социальных противоречий), в развитии этнокультурных процессов (исчезновение субэтнической специфики русского населения края и превращение его в чисто географическую группу этноса) (с. 115–119). Нет ничего удивительного в том, что переселенческое движение являлось фокусом преломления интересов центральных и региональных элит. Если представители государства видели в нем главным образом способ решения проблем исторического центра (зерновая проблема, аграрное перенаселение), то руководители региона и местные ученые-аграрники настаивали на более эффективном и в то же время экологически и культурно бережном использовании ресурсов Сибири. Это противоречие находило различные решения. Так, П. А. Столыпин после своей поездки в Сибирь в 1910 году существенно скорректировал планы хозяйственного освоения региона (с. 108–111); в 1930-е годы местные сторонники травополья и опоры на крестьянское хозяйство были подвергнуты жесткой критике и репрессиям (с. 149–150), а Н. С. Хрущев снял с занимаемых должностей руководителей компартии Казахстана, скептически относившихся к его целинному проекту (с. 222). Таким образом, думаем, что рецензируемая книга будет полезна и интересна не только историкам-аграрникам, но и специалистам по региональной политике.

Конечно, можно было бы поспорить с авторами книги насчет познавательных достоинств теории модернизации, избранной ими в качестве концептуальной рамки исследования. По нашему мнению, этот подход методологически контрпродуктивен, поскольку когда историческая статика сводится всего к двум состояниям (традиционное и современное общество), это позволяет трактовать любые социальные изменения как модернизацию. Иными словами, теория настолько универсальна, что совершенно бесполезна в качестве научного инструментария¹¹. Вместе с тем в повальном начале с 2000-х годов обращения представителей российского исторического сообщества к теории модернизации можно увидеть долю закономерности. Дело в том, что она позволяла в некоторой степени объективировать субъективный объяснительный механизм исследования исторических процессов, заложенный историографической революцией 1990-х годов, частично преодолеть трактовку исторических изменений как программируемого процесса. Показательна в плане сочетания субъектных и объектных факторов уже упомянутая книга А. Н. Медушевского. В ней исследователь с блеском показывает социальную природу конфликта, лежащего в основе аграрного вопроса, однако не считает его неизбежным, видит причины реформ в объективных противоречиях, возникающих в процессе перехода от традиционного к индустриальному обществу, но при этом в лучших традициях либерализма ищет идеальный рецепт их преодоления в ходе аграрного реформирования¹². В. А. Ильиных считает главной причиной неудачи всех аграрных реформ в России XX столетия противодействие им со стороны населения деревни, однако творцом всех описываемых модификаций аграрного строя называет государство (с. 273–284). Тем не менее в его анализе выявление генетической связи между отдельными этапами в осуществлении преобразований преобладает над интенцией их сравнительного изучения, задача исследования аграрной эволюции превалирует над прагматической составляющей выявле-

11. Известный американский антрополог К. Гирц, критикуя в «Интерпретации культур» онтологические подходы к изучению культуры, в качестве контраргумента им приводил простейшую ситуацию. Один человек моргнул, другой подмигнул, третий репетировал подмигивание, а четвертый его пародировал. Все четверо совершили одну и ту же реакцию, но каждый из них вкладывал в нее различный смысл. Задача антропологии как науки, по мнению Гирца, состоит не в том, чтобы задаваться поиском онтологической сущности явления (ибо она одинакова), а в том, чтобы реконструировать конкретную его интерпретацию. (*Гирц К.* (2004). *Интерпретация культур.* М.) Этот принцип актуален и для исторической науки. Профессиональная деятельность историков, на наш взгляд, предполагает отнюдь не констатацию исторического движения как такового (что само по себе является неписаной аксиомой истории как науки), а выявление и характеристику его конкретных процессов и тенденций.

12. *Медушевский А. Н.* Указ. соч. С. 582–583.

ния оптимального механизма реформ. Этими особенностями книга сибирских историков существенно отличается от большинства прежних попыток создания обобщающих трудов по истории аграрного вопроса в России XX столетия.

В заключение хотелось бы отметить присущий рецензируемой монографии специфический научный стиль. Строгая иерархия понятий, унифицированность названий глав, равномерность распределения материала (без явного акцента на изучении того или иного периода), умелая работа авторов с оттенками и полутонами — все это говорит о том, что книга написана людьми, которые хорошо знают и любят свое дело.

A century of agrarian reforms¹³

Projects of Agrarian System for Siberia in the XX Century:
Ways and Methods of Modernization. Novosibirsk, 2015. — 298 p.
ISBN: 978-5-94301-573-1

Nikolay Kedrov, PhD (History), Research Fellow, Vologda State University. Russia,
160000, Vologda, Lenina st., 15. E-mail: nk149@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-142-152

13. The project was supported by the Russian Foundation for Humanities. The project No. 15–31–01250 “Evolution of the Russian Historiography of the Peasant Collectivization”.

* * *

Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX — начало XX в. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. — 431 с. ISBN: 978-5-9908165-1-0

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: repytwd68@mail.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-153-160

Рецензируемая книга — последняя, итоговая работа крупного российского историка Александра Владимировича Островского (1947–2015), изданная посмертно¹. Она увидела свет при помощи его коллег-единомышленников С. А. Нефедова и А. И. Фурсова, которые написали к ней предисловия. Островский — историк широкого круга интересов. Его перу, помимо прочего, принадлежит большая монография о дореволюционном периоде жизни Сталина — одно из наиболее значительных, на мой взгляд, произведений мировой исторической сталинианы², ряд «неформатных» историко-публицистических книг о политических процессах в СССР и России 1980–1990-х годов и др. Однако стержнем его научной биографии, как теперь очевидно, была аграрная проблематика. Над ней он трудился по крайней мере с конца 1970-х годов, по ней защитил докторскую диссертацию в 1989 году. Будучи человеком с активной общественно-политической позицией, он в 1990-е годы ушел от аграрных сюжетов к политической истории, но та же позиция заставила его вернуться к ним в последние годы.

2000-е годы ознаменовались дискуссиями в российской историографии об уровне и характере развития поздней царской России, об истоках российских революций и роли экономических факторов в их возникновении. В это время ветшала и разрушалась старая, советская парадигма аграрной истории «периода капитализма», при общем падении интереса к данной проблематике сходили со сцены ее последние представители. С другой стороны, набирали вес работы зарубежных и российских историков (П. Грегори, Б. Н. Миронова, М. А. Давыдова и др.), оспаривавших и опроки-

1. Другая вышедшая посмертно его книга «Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны?» (СПб.: Полторацк, 2016) — сборник статей, публиковавшихся ранее.
2. *Островский А. В.* (2002). Кто стоял за спиной Сталина? Тайны революционного подполья. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС.

дывавших постулаты старой школы. Островский выступил одним из наиболее сильных их оппонентов. В 2010-х вышли две его большие монографии — о зерновом производстве и животноводстве Европейской России конца XIX — начала XX века³. «Российская деревня...» замыкает этот ряд.

Книга состоит из введения и семи глав. Заключение она не имеет, поскольку осталась не вполне завершенной, что, однако, не разрушило ее концептуальной целостности. В основе работы лежит вполне определенная теория исторического и аграрно-экономического развития, сформированная на основе марксизма. Я бы уточнил: рамки, в которых движется авторская мысль, задаются социалистической парадигмой, совмещающей в себе марксистско-ленинскую и народническую концепции «аграрного вопроса». Сам автор вряд ли согласился бы с таким определением: авторы левого толка часто склонны видеть между марксизмом и народничеством пропасть, тогда как внешним наблюдателям видны давно построенные над пропастью мосты с широкополосными автострадами и интенсивным трафиком в обе стороны.

Первая же фраза книги вводит читателя в основной проблемный контекст: «Непрекращающиеся споры о причинах революции 1917 года в России снова и снова возвращают нас к положению дел в дореволюционной деревне» (с. 12). «Главную цель» своей работы Островский видит «не только в том, чтобы дать комплексную характеристику российской деревни на рубеже XIX–XX вв., но и объяснить, как в деревне складывались предпосылки того революционного взрыва, который произошел в 1917 году, и почему он приобрел именно такой характер» (с. 35). Таким образом, центральной проблемой для автора является выяснение причин революции, и пролить свет на эти причины должно исследование аграрно-экономических процессов. Такая постановка проблемы — «аграрный вопрос» и революция — вполне традиционна для нашей историографии.

Введение дает краткий очерк обширнейшей литературы об «аграрном вопросе»: от В. В. Берви-Флеровского до Б. Н. Миронова. К сожалению, за рамками анализа осталась иностранная историография. В итоге Островский выделил ряд недостаточно изученных и спорных аспектов, вокруг которых затем строит свою книгу. Среди них: история сельскохозяйственного производства (в отличие от аграрных отношений); механизмы ценообразования на аграрном рынке; доходность разных отраслей; степень развития аграрного капитализма в крестьянском и помещичьем хозяйстве; состояние общины и кооперации; эксплуатация деревни со стороны государства, ростовщиков, торговцев; взаимодействие ка-

3. *Островский А. В.* (2013). Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: Полторацк; *Островский А. В.* (2014). Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: Полторацк.

питалистического развития города и деревни; сравнение аграрного развития России с опытом других стран; аграрная политика правительства.

Концептуальное значение имеют прежде всего первая и последняя главы книги. Первая — «Зарождение капитализма в России» — задает парадигму исследования: приложение теории капитализма к аграрной истории России. Собственно, этим занималась вся советская историография, вышедшая, как известно, из ленинского «Развития капитализма в России». В постсоветский период этот «капиталистический» дискурс заметно увял, думается, не в последнюю очередь потому, что многие историки давно уже перестали понимать значение самого термина «капитализм» и при первой же возможности от него освободились. Там, где в советской литературе, следуя за Лениным, писали о двух путях (прусском и американском) *развития капитализма в сельском хозяйстве*, в постсоветской обычно стали писать просто о двух *путях аграрного развития*. Островский был одним из немногих историков-аграрников, сохранявших серьезный интерес к теории капитализма и продолжавших разрабатывать ее приложения к аграрной истории. Разумеется, это была творческая разработка, далекая от повторения затверженных догм марксизма-ленинизма.

Прежде всего у Островского акцентирован демографический фактор исторического развития, который, по существу, положен в основу процесса смены форм аграрного производства, то есть систем сельского хозяйства. Переход от экстенсивных систем к более интенсивным мыслится следствием роста плотности населения. Такой подход позволил Островскому включить в ареал своей концепции труды и достижения всей той части предшествующей историографии, которая, вслед за В. О. Ключевским, писала историю России как историю страны, «которая непрерывно колонизируется», т. е. заселяется и осваивается собственным населением.

Классический капитализм, описанный Марксом, принимается Островским как «английская модель» капитализма, то есть частный случай, по отношению к которому национальная модель развития каждой страны нуждается в учете ее специфических особенностей. В связи с этим он находит «три принципиальные ошибки», допущенные, правда, неизвестно кем, в интерпретации теории капитализма (с. 47). Раскрывая их, он намечает не три, а значительно больше важных теоретических аспектов. Во-первых, со ссылкой на Маркса, утверждает, что категория прибавочной стоимости в крестьянском хозяйстве (в «доходе мелкотоварного производителя») сливается с категорией переменного капитала и на практике такое хозяйство может функционировать, не получая прибавочной стоимости (с. 48). От такого признания остается полшага до вывода, что крестьянское хозяйство попросту плохо описывается категориями Марксовой политэкономии и для его изучения удобнее использовать иные, например предлагавшиеся А. В. Чаяновым,

И. А. Кузнецов

[Рецензия

на книгу:

Островский А. В.

Российская

деревня

на историческом

перепутье. Конец

XIX — начало XX в.]

модели некапиталистического хозяйства, но эти полшага Островский не делает.

Вторая ошибка, по его мнению, заключалась в том, что закономерности складывания и развития капитализма в промышленности стали механически переносить на сельское хозяйство (с. 48). Далее Островский обосновывает наличие у сельского хозяйства «особых законов» ссылками на Каутского и Маркса. Как известно, тезис об особых законах сельского хозяйства был отправным пунктом и главным аргументом так называемого ревизионизма в марксизме с середины 1890-х годов; его развернутое обоснование, со ссылками на Маркса и без оных, в свое время дали Э. Давид, Ф. Герц, С. Н. Булгаков и другие, заставившие в итоге признать это положение даже такого столпа марксистской ортодоксии, как Каутский. На этом месте так и хочется воскликнуть: бедные советские историки, выросшие в казематах идеологической цензуры, им для этого открытия понадобился еще целый век!

Затем Островский пишет об альтернативности исторического процесса. Далее — о важной роли природно-географических факторов: «...По мере продвижения с севера на юг возрастает производительность земли и сокращаются производственные издержки, а значит, при прочих равных условиях возрастает прибавочный продукт. И наоборот, по мере продвижения с юга на север происходит падение производительности земли и повышение производственных расходов, а значит, сокращение прибавочного продукта. Именно здесь главная причина того, почему при переходе от присваивающего хозяйства к производящему именно южные регионы стали центрами цивилизации. Именно здесь одна из причин, почему кризис доиндустриального сельского хозяйства именно на севере создавал почву для более быстрого развития капитализма» (с. 50). Такие утверждения граничат уже с географическим детерминизмом, которому всегда противостоял марксизм как экономическая теория.

Еще одно важное теоретическое допущение, принятое в концепции Островского: «Многое зависело не только от особенностей тех или иных стран, которые втягивались на путь капитализма, но и времени, когда это происходило, так как в зависимости от этого менялось все окружение, в котором жила та или иная страна, а значит, *менялись внешние условия и только по одной этой причине не могли иметь место повторение тех закономерностей, которые имели место до этого* (курсив автора. — *И. К.*)» (с. 51). Насколько мне известно, этот тезис был ключевым у народника В. П. Воронцова еще в 1880-х годах и долго повторялся затем в полемике против русских марксистов во многих его выступлениях и в работах его последователей, например Н. А. Кабукова. Из этого тезиса народнические экономисты делали вывод, что в России невозможен капитализм западноевропейского типа, что Россия в силу отставания, а также в силу природно-климатических особенностей (долгой зимы) не сможет повторить успешный опыт экономического прогресса на основе

рыночной экономики. Она обречена при капитализме на роль бедной колонии, эксплуатируемой иностранным капиталом. Сколько сил потратили тогда российские марксисты на опровержение этих теорий!.. Добрая половина ленинского собрания сочинений посвящена их развенчанию. Теперь они транслируются в виде теории эшелонов развития мирового капитализма А. Гершенкорона (с. 52–53). Вывод следует, аналогичный воронцовскому: «Те страны, которые не успевали своими силами с привлечением иностранного капитала осуществить переход от аграрной экономики к индустриальной, превращались в колонии „мастерской мира“, в их аграрные или сырьевые придатки, и здесь „модернизация“ производилась извне целиком и полностью в интересах метрополий. Причем метрополии далеко не сразу и повсеместно разрушали старую экономику. Наоборот, чаще всего они прежде всего подчиняли себе докапиталистические уклады, консервировали их и превращали в один из инструментов эксплуатации этих стран. Причем если первоначально для этого использовались методы внеэкономического принуждения, то потом — ростовщическая эксплуатация» (с. 53).

Именно такой видится Островскому история капитализма в России. Зарождение капитализма он относит преимущественно к эпохе после 1861 года. В качестве особенностей российского капитализма выделены его относительно позднее появление, незавершенность промышленного переворота, высокая роль государства и сильная зависимость от иностранного капитала: «...Вся пореформенная эпоха характеризовалась возрастанием зависимости России от иностранного капитала, усилением ее эксплуатации извне» (с. 80). Если в теоретических построениях Островского и осталось что-то в целостности и сохранности от классического наследия Маркса, то это как раз теория эксплуатации.

Таким образом, развитие теории капитализма применительно к аграрной истории вело Островского к отказу от догматов советской историографии и расширению методологического инструментария. Расширение достигалось в основном за счет выхода из круга идей ленинского «Развития капитализма в России» в сторону той идейной традиции, которая восходит в своих истоках к воронцовским «Судьбам капитализма в России». Думается, такая эволюция характерна для многих отечественных историков, сохранивших в постсоветский период свои социалистические убеждения, сформировавшиеся еще в советское время. Когда-то два направления российской социалистической мысли — народничество и марксизм — политически конкурировали на поле интерпретаций идей Карла Маркса. Теперь же современные авторы социалистической ориентации, не скованные рамками партийной дисциплины и цензуры, склонны синтезировать интерпретации обоих направлений. Часто это происходит неосознанно, поскольку люди, мыслящие в одной парадигме, совершают одни и те же логические умозаключения, оперируя аналогичными концептами и категориями.

И. А. Кузнецов

[Рецензия

на книгу:

Островский А. В.

Российская

деревня

на историческом

перепутье. Конец

XIX — начало XX в.]

Основное содержание книги заключено в главах 2–6. В них на широком круге источников характеризуются: зерновое производство (глава 2), животноводство (глава 3), процессы товаризации сельского хозяйства (глава 4), структура помещичьего (глава 5) и крестьянского (глава 6) хозяйства. В этих разделах аккумулирован громадный материал, во многом разработанный в предшествующих двух (названных выше) монографиях автора. Стиль изложения Островского — лаконичный, ясный, фактологичный. Книга насыщена статистикой, на ее страницах 200 статистических таблиц, большинство которых родилось в результате авторских подсчетов. Все подсчеты основаны на имеющейся в распоряжении историков статистике, без внесения каких-либо поправок. Сложные математико-статистические методы не применялись, но в рамках возможностей традиционной нарративной историографии Островский, вероятно, достиг максимума. Объем проделанной им работы впечатляет.

В краткой рецензии невозможно охватить все сделанные автором по различным конкретным вопросам заключения и выводы, как и использованные им, подчас весьма оригинальные, методики. Из важнейших результатов следует отметить расчет продовольственного и кормового баланса российского сельского хозяйства, сделанный на основе официальной урожайной статистики ЦСК. Островский показал, что Европейская Россия «могла обеспечить свои продовольственные потребности за счет внутреннего производства и даже имела небольшие продовольственные излишки», которые в среднем за 1896–1915 годы составляли 6% (с. 119). Баланс фуражного зерна сводился с большим дефицитом, который, однако, покрывался за счет избытка сена и соломы (с. 143–144). При этом среднедушевое производство зерна сохранялось в течение данных 20 лет приблизительно на одном и том же уровне (с. 109–110). Анализ статистики животноводства показал, что «на протяжении всей пореформенной эпохи обеспеченность населения скотом сокращалась, а продуктивность скота снижалась, удовлетворение потребностей населения в продуктах животноводства тоже имело тенденцию к снижению» (с. 167). Подсчеты себестоимости и доходности зернового производства привели Островского к заключению, что «накануне Первой мировой войны зерновое производство Европейской России являлось убыточным» (с. 202). Рассмотрев показатели функционирования крестьянского и помещичьего хозяйства, Островский пришел к выводу, что в условиях капитализма в массовом масштабе происходило их постепенное разрушение как производственных типов. За обеднением масс крестьян, их раскрестьяниванием, за оскудением помещного землевладения и ростом кабальной эксплуатации исследователь видит общую экономическую предпосылку — нерентабельность сельского хозяйства России (с. 318, 331–338 и др.).

Особенностью работы Островского является объединение 50 губерний Европейской России в 4 макрорегиона. В качестве критерие-

рия использован период вхождения территории соответствующей губернии в состав Российского государства и период начала ее земледельческого освоения. К зоне раннего освоения относились два макрорегиона: 1) территории исторического ядра Российского государства, то есть земли, входившие в состав Московского государства к середине XVI века (14 губерний Нечерноземной полосы), названные «Севером»; 2) территории, присоединенные к России в XVIII в. (12 губерний), обозначенных как «Запад». К зоне поздней земледельческой колонизации относились: 3) территории, заселявшиеся земледельцами с XVI века и в основном освоенные в XVIII веке (15 губерний преимущественно черноземной полосы, включая Среднее Поволжье и Приуралье), условно названные «Центром»; 4) территории, земледельческое освоение которых продолжалось в XX веке (9 губерний, преимущественно черноземно-степной полосы), обозначенные как «Юг». Данная типология была предложена Островским еще в начале 1980-х годов, но в последних его работах она выступает основой структурирования статистики: большинство показателей во всех главах книги он рассчитывал и сопоставлял по этим макрорегионам. Впрочем, ряд важных показателей был рассмотрен им и в погубернском разрезе.

Заслуживает внимания заключительная, седьмая глава книги Островского — «Аграрный вопрос в России». В ней описаны сменявшие друг друга идеи и проекты аграрных преобразований, обсуждавшиеся в правительстве при последних Романовых. Оцениваются аграрные программы основных политических партий, законодательные нормы, регулировавшие столыпинскую реформу, и результаты реформы. Прослеживаются истоки социалистических проектов решения «аграрного вопроса» — кооперации и перехода крестьян к артельному или коллективному хозяйству. Глава написана конспективно и чрезвычайно емко, при минимуме авторских оценок. Разумеется, авторская позиция здесь присутствует. Подводя в предыдущих главах, с цифрами в руках, читателя к мысли, что капитализм в сельском хозяйстве России был неэффективен, а функционирование в условиях капитализма для крестьян и крупных хозяйств в значительной степени разрушительно, автор логично подошел к необходимости представить альтернативу. Книга не случайно заканчивается демонстрацией роста влияния социалистического проекта в общественных и даже правительственных кругах в канун и во время Первой мировой войны.

Характерно, что при этом Островский старательно избегает самого понятия «социалистический». Слово «капитализм» в лексиконе его книги есть и активно эксплуатируется, а «социализма» нет. Говоря о различных социалистических проектах, он ограничивается в каждом конкретном случае цитатами и терминами источников: «артельное хозяйство», «коллективная обработка земли» и т. п., не обобщая эти теоретические конструкты и отказываясь их как-то категоризировать. Возможно, автор таким образом хотел

И. А. Кузнецов

[Рецензия

на книгу:

Островский А. В.

Российская

деревня

на историческом

перепутье. Конец

XIX — начало XX в.]

подчеркнуть свою объективность, политическую нейтральность? Однако можно заметить, что тем самым он, сознательно или нет, формирует у читателей впечатление, будто политически нейтральными были сами проекты, предложения, резолюции съездов и т. д., содержавшие идеи перестройки сельского хозяйства на началах социализма. Как будто идеи коллективизации возникали в разных общественных институтах разрозненно, чуть ли не стихийно, вне какой-либо общей связи и вообще вне связи с теорией, вырастали непосредственно из практики. Можно подумать, что агрономы и чиновники, выступавшие с такого рода проектами на агрономических съездах начала XX века, сами не знали слова «социализм». (Не учились в российских университетах и институтах и не слушали там курсы политической экономии? Не читали (и не писали) проекты программ политических партий?)

В нашей историографии существует огромная масса работ по теме «аграрного вопроса» в политике власти и оппозиционных партий, движений, в деятельности отдельных исторических персон и трудах писателей конца XIX — начала XX века, а также по различным аспектам этой темы. Вспоминается очень значительная работа Я. Коцониса «Как крестьян делали отсталыми», с которой Островский, по-видимому, не был знаком. Тем не менее еще многое в этой теме, в том числе истоки идей коллективизации сельского хозяйства, остается непроясненным. Думается, данная глава книги Островского, вобравшая в себя результаты многолетнего труда исследователя, не должна затеряться среди этой массы литературы. При сравнительно малом объеме текста здесь сконцентрировано большое содержание.

То же заключение можно повторить и в отношении всей книги. К ней, несомненно, будут обращаться профессиональные историки, студенты и просто заинтересованные читатели-непрофессионалы, находя там и позитивную информацию, и предметы для новых дискуссий. Многие вопросы, поднятые более столетия назад, остаются актуальными и поныне.

* * *

Ostrovsky A. V. *Russian Village at the Historical Crossroads. The End of XIX — Early XX century.* Moscow: Association of Scientific Publications of KMC, 2016. 431 p. ISBN: 978-5-9908165-1-0

Igor Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Russia, 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-153-160

Долгосрочная стратегия развития сельского хозяйства России и мира

Н. И. Шагайда

Наталья Ивановна Шагайда, доктор экономических наук, директор Центра агропродовольственной политики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: shagaida@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-161-165

Панельная дискуссия Гайдаровского форума этого года собрала более 120 человек. Участникам предлагалось обсудить несколько вопросов, которые касались вызовов и целей стратегического развития сельского хозяйства страны и отдельных регионов. К обсуждению были приглашены федеральные чиновники — Андрей Александрович Фурсенко (помощник президента Российской Федерации), Елена Юрьевна Астраханцева (заместитель министра сельского хозяйства Российской Федерации); представитель ФАО Евгения Викторовна Серова (руководитель московского офиса ФАО по связям с Российской Федерацией); губернаторы крупных сельскохозяйственных регионов — Евгений Степанович Савченко (губернатор Белгородской области), Александр Богданович Карлин (губернатор Алтайского края); представители бизнеса Сергей Николаевич Филиппов (генеральный директор холдинга «Дмитровские овощи») и Владислав Шершульский (директор по технологической политике Microsoft).

Актуальность темы дискуссии обусловлена тем, что программные документы сельского хозяйства базируются на парадигме роста производства сельскохозяйственной продукции. Аспекты, касающиеся устойчивости развития сельского хозяйства: состояние аграрной науки, аграрного образования, экологические вопросы и многое другое — выпадают из сферы внимания аграрной политики или присутствуют в ней достаточно декларативно. В настоящее время модели роста сельского хозяйства, ориентированные на внутренний спрос на основную группу продуктов, на экспортный спрос на пшеницу и масличные, растительное масло, а также на импортозамещение, фактически исчерпаны или близки к этому. Как в этих условиях должна меняться стратегия в об-

ласти сельского хозяйства? Формирование новых подходов и было целью панельной дискуссии.

По итогам обсуждения стало понятно, что в России односторонне понимается устойчивое развитие — исключительно как устойчивый рост производства. Как справедливо отметила *Евгения Серова*, устойчивое развитие есть такая организация сельскохозяйственного производства, при которой новые поколения имели бы доступ к ресурсам и могли вести сельское хозяйство в масштабах, обеспечивающих потребности населения в продовольствии. Она обратила внимание на чрезвычайно неустойчивое производство в сельском хозяйстве России, связав это с недостаточным использованием современных технологий, снижающих природное воздействие на производство. Кроме того, по ее мнению, в России само понятие продовольственной безопасности связывается с обеспечением потребности в физическом объеме пищи, не уделяется должного внимания вопросам переизбытка и ее экономической доступности, снижению отходов производства. Она выделила аспекты, которые должны быть учтены при разработке Стратегии: защита почвы, воды, реформирование образования, аграрной науки, распространение знаний о правильном питании среди населения.

Елена Астраханцева остановилась на прогнозе научно-технологического развития АПК РФ до 2030 года, подготовленном НИУ ВШЭ. Минсельхоз РФ видит приоритетным сценарием развития «глобальный прорыв», который предусматривает в качестве приоритетов развитие экспортного потенциала, диверсификацию АПК, системную интеграцию сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности, повышение ресурсоэффективности, развитие климатоадаптивной инфраструктуры. Государственная поддержка АПК будет преимущественно направлена на формирование современных институтов, софинансирование стратегически важных научно-технологических проектов, подготовку высококвалифицированных специалистов, продвижение отечественной продукции на зарубежные рынки, модернизацию инфраструктуры для устойчивого развития сельских территорий. Обилие технических терминов, не подкрепленных конкретными примерами, делало сообщение настолько трудным для восприятия, что спикер вынуждена была зачитывать текст с листа, а слушатели в результате так и остались в неведении или недоумении в отношении сил, способных сподвигнуть сельхозпроизводителей, ученых, предпринимателей реализовывать планы правительства.

Евгений Савченко считает, что Стратегия должна учитывать вопросы экологизации производства, широкое применение цифровых технологий, предусматривать переход на выращивание животных без использования антибиотиков. Он также остановился на механизмах перехода к новым целям, которые в основном базировались на государственной поддержке и поддержании низкого курса рубля по отношению к валютам основных импортеров рос-

сийской продукции. В целях экологизации производства предлагалось (в рамках мониторинга почв) отслеживать соотношение вносимой и выносимой массы питательных веществ, а также создавать сети пригородных семейных ферм, например в формате родовых поместий. Это, по мнению губернатора, расширяет политику поддержки малого сельскохозяйственного бизнеса по производству качественных домашних продуктов.

Александр Карлин, губернатор динамично развивающегося региона с высокой долей сельского населения (44%), опираясь на опыт производства продовольствия на уровне лучших иностранных аналогов (сыры) и функционирования сельского хозяйства в зоне чрезвычайно рискованного земледелия, сформулировал несколько приоритетных направлений стратегического развития. Во-первых, он назвал ошибочной ориентацию отдельных регионов на самообеспечение, считая, что каждая территория должна встраиваться в структуру межрегионального и международного разделения труда, фокусируясь на отраслях, которые имеют конкурентные преимущества. Во-вторых, призвал провести ревизию возможностей для выхода каждого региона на внешний рынок с продуктами, не имеющими аналогов. В качестве примера он назвал спортивное питание на основе натуральных и уникальных продуктов (пантов марала). В-третьих, он считает, что вопрос развития сельской территории должен остаться ключевым, поскольку это обеспечивает социальный контроль над территорией. Соответственно, приоритетными направлениями должны оставаться поддержка развития сельских территорий, снижение издержек сельхозпроизводителей ради выхода их продукции на внешние рынки, выявление уникальных продуктов и помощь в их продвижении на внутреннем и внешнем рынке.

Андрей Фурсенко сформулировал предложения, которые, по его мнению, должны войти в Стратегию. Это сбережение здоровья россиян, наука и образование, сокращение потерь производства. Соответственно, должны разрабатываться и меры по реализации этих стратегических целей. Так, для снижения потерь было бы целесообразно стимулировать поддержание качества продукции, ее переработки и хранения. Эти меры могут быть результативными и для сбережения здоровья, так как способствуют повышению доброкачественности продовольствия. В дискуссии с залом была высказана идея о том, что целесообразно формировать запрос со стороны бизнеса и Минсельхоза на научные проекты, который мог бы лечь в основу научно-исследовательских работ научных коллективов.

По сопоставимым критериям финансирование аграрной науки в России сегодня в 60 раз меньше, чем в США. Но дело здесь не только в объемах финансирования, но и в его организации. Как сделать так, чтобы деньги доходили до конкретного исследователя? На этот вопрос не было ответа.

Сергей Филиппов остановился на вопросах образования. Отметим уже давно снижающийся уровень аграрного образования, недостаток агрономов, зоотехников, он предложил подумать над мерами, которые бы стимулировали молодежь не только получать сельхозобразование, но и возвращаться в село. Одна из мер — расширение практической составляющей обучения. Во время дискуссии были названы конкретные мероприятия: изменение пропорции бюджетных мест для обучения и перенаправление денег для оплаты обучения по специальностям, востребованным в сельском хозяйстве (агрономы, животноводы, ветеринары и т. д.). Предлагалось ввести практику отработки по окончании вуза теми, кто бесплатно и со стипендией приобретал значимые для сельского хозяйства специальности, — не менее 5 лет в сельхозорганизации, фермерском хозяйстве, сельской администрации. При отказе от отработки или сокращении ее срока получатель бесплатного образования и стипендии должен будет возратить суммы, обратно пропорциональные неотработанному сроку. Для расширения практики во время обучения было предложено разработать процедуру «реанимации» системы учебно-опытных хозяйств аграрных вузов, которых сейчас осталось всего 10 (вместо 58 раньше). К этому привела практика изъятия используемых земель (согласно Федеральному закону «О содействии развитию жилищного строительства»), а также технология подготовки учхозов к приватизации без учета состояния зонирования в населенных пунктах и юридического оформления объектов. Кроме того, современные учхозы нелегитимно используют землю. Эта нелегитимность «предписана» им Росимуществом и Минсельхозом РФ (закреплена в типовом уставе учебно-опытных хозяйств), и поэтому они не могут привлекать инвестиции для модернизации своей учебной базы, поскольку имеют статус унитарных федеральных организаций. Для восстановления учхозов было бы целесообразно: внести поправку в земельное законодательство, чтобы вуз мог сдавать землю, переданную ему в постоянное бессрочное пользование, в субаренду учхозам для выполнения строго определенных целей; разработать порядок приватизации, обеспечивающий контроль над организацией — субподрядчиком аграрного вуза-арендатора; разработать примерные документы, регулирующие деятельность попечительских советов аграрных вузов и предусматривающие контроль над деятельностью учхозов и создание условий для расширения практической деятельности студентов, и т. д.

На стимулах и предпосылках развития интернет-сервисов в сельском хозяйстве остановился *Владислав Шершульский*. Его интересное выступление позволило сформулировать еще одно направление, которое должно быть в Стратегии: расширение знаний в области цифровых технологий и у сельских школьников (в рамках курса сельской экономики), и у фермеров и специалистов сельхозорганизаций.

Реплики из зала продемонстрировали еще несколько проблем: в стране наблюдается тенденция увеличения доли наемных работников в крупных аграрных структурах, недостаточно внимания уделяется развитию сельской территории; планы правительства в части научно-технологического развития настолько абстрактны, что создают угрозу краха механизмов их реализации для сельхозпроизводителей и развития сельской местности в целом.

Н. И. Шагайда
Долгосрочная
стратегия
развития сель-
ского хозяйства
России и мира

**A long-term strategy for the agricultural
development in Russia and the world**

Natalia Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agricultural Policy,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
Russia, 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: shagaida@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-161-165

The 4-th International Conference of BICAS: Agro-Extractivism Inside and Outside BRICS.

Alexander Kurakin

Alexander Kurakin, Senior Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. 101000, Moscow, Myasnitskaya, 20, Russia; Center for Agrarian Studies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: chto-delo@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-166-171

The fourth International Conference of BICAS was held in Beijing, China, on November 28–30, 2016. BICAS is the abbreviation, which means BRICS Initiative for Critical Agrarian Studies. BICAS is the emerging network of academics focused on agrarian and rural studies. Its central focus is on the role of BRICS (Brazil, Russia, India, China, and South Africa) countries in the global agrarian and rural transformations. Thus, it is not just a network of academics from BRICS countries, but a global network of scholars focused on studying BRICS countries in the context of contemporary agrarian changes worldwide. BICAS encourages multidisciplinary (in the framework of social sciences and humanities), inclusive (academics and social activists working together), and critical research. Critical agrarian studies imply consistent academic critics of capitalist and neoliberal foundations of modern agrarian and rural development.

The College of Humanities and Development Studies (COHD)—China Agricultural University in Beijing, organized the conference. The most well-known project of COHD is the “Left Behind”, which tells the life stories of Chinese rural people at the backyard of economic progress, the so-called “Chinese miracle”. Extensive economic growth in industry and urban territories requires more and more labor force and attracts it en masse from rural areas focusing foremost on young men. Though marginalized, laborous migrants nevertheless integrate into the newly emerging Chinese economy, while massive rural strata including split families of those migrants found themselves left behind the new, “progressive” capitalist economy. Those people are the social cost of progress, and COHD research team brings them into the spotlight by collecting their voices. The results are published in the *Journal of Peasant Studies* in three articles about three groups of left-behind rural people: children¹,

1. Ye J., Pan L., Wang C., Wu H., He C., Zhang K., Lu J. (2011) Left-behind children: The social price of China's economic boom. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 38, no. 3, pp.613–650.

women², and elderly³. For a Russian reader this approach corresponds with the project “Peasant’s Voices” conducted by Shanin’s research team from Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES).

It was the fourth BICAS conference. The previous three conferences were held in China (2013), Brazil (2014), and South Africa (2015). The title of the conference was “Agro-extractivism inside and outside BRICS: Agrarian change and development trajectories”. Thus, the general goal of the conference was to discuss the phenomenon of the so-called agro-extractivism in the framework of BRICS countries. What is agro-extractivism? And what is the role of BRICS countries in it?

Agro-extractivism refers to the predatory exploitation of rural resources (natural resources of any kind and/or labor) by mostly export-oriented and often transnational business. Therefore, agro-extractivism issues refer to the globalization discourse (primarily its negative effects) as well as to the anti-capitalist and anti-liberal rhetoric.

Being post-Third world or post-socialist, BRICS countries are now playing significant role in this neoliberal agro-extractivist model participating in the global resource and commodity flows. Instead of providing an alternative to the predominant capitalist food regime, these countries are becoming more and more integrated into the global neoliberal system, playing the varying roles of its victims and predators. However, agro-extractivist model does not expand not facing resistance at various levels. Moreover, it is not homogeneous and has specific features in different regions. Therefore, BRICS countries, instead of moving on a one-way highway of neoliberal model with well-predictable outcomes, have to engage in complex and diverse interrelations, trends, and countertrends.

The central goal of the conference was to provide a more nuanced vision of the global agro-extractivism with the focus on BRICS countries. The conference organizers suggested five core topics: (1) comparison of agrarian structures and development trajectories, (2) processes of accumulation, (3) differentiation of smallholders, (4) counter-movements and resistance, (5) mainstream development models and alternatives. Certainly, the variety of topics at plenary sessions and parallel panels was far more diverse.

-
2. Ye J., Wu H., Rao J., Ding B., Zhang K. (2016) Left-behind women: Gender exclusion and inequality in rural-urban migration in China. *The Journal of Peasant Studies*, 07 June (published online).
 3. Ye J., He C., Liu J., Wang W., Chen S. (2016) Left-behind elderly: Shouldering a disproportionate share of production and reproduction in supporting China’s industrial development. *The Journal of Peasant Studies*, 18 August (published online).

The conference consisted of five plenary sessions and fifteen parallel panels. Plenary sessions covered the following issues: (1) agrarian changes in BRICS countries, (2) global investments in agriculture, (3) understanding agro-extractivism, (4) peasants and peasant agriculture, (5) agriculture and the countryside. Parallel panels provided a wide range of issues, so I will focus just on few of them, which reflect the nuances of agro-extractivism and go beyond an abstract critics of neoliberalism.

The first issue, reflected in many presentations, is the role of China as a global investor. Indeed, Chinese capital became very active on the global arena, grabbing more and more land, resources, and facilities all over the world. For instance, *Mindi Schneider* (ISS, Erasmus University) devoted her presentation to the analysis of transnational agricultural corporations related to China. She indicated counter processes here: while the traditional Western-based transnational corporations are still holding strong positions with China (or even inside China), the Chinese corporations are actively expanding. Critical scholars often prefer to conceptualize this practice in terms of accumulation and/or grabbing. The issue of Chinese investments in foreign agriculture and land accumulation is often seen as predatory land grabbing when nation states either cannot resist that aggression or are corrupted by the powerful landgrabbing corporations. However, this view often masks the details of the Chinese expansion into the foreign agrarian sectors. The report by *Juliet Lu* (Berkeley University) put this vision under question by providing evidence of Chinese investments in Laos. Chinese companies actively entered Laos land market organizing agribusiness concessions with extensive support from Lao government seeking for foreign investments in the vast areas of “empty” land. However, it appeared that the actual amount of land given to Chinese companies was far smaller than the land on paper. By analyzing seven Chinese agribusiness concessions, the author argued that fragmented and uncertain land governance as well as local politics and land relations prevented the investor-state coalition to accumulate land easily.

The story of Chinese agribusiness investments in Brazil presented by *Gustavo Oliveira* (Berkeley University) also differs from the story of predatory and almighty landgrabbers. The author argues that Chinese agroindustrial capital follows diverse strategies to enter Brazilian markets and get access to its resources through mergers and acquisitions. Furthermore, those companies form groups of winners (the author calls them Dragon Heads) and losers (Paper Tigers). Successful Chinese investors use their ties with transnational capital and international professionals in agrarian sphere (managers, lawyers etc.) to get access to Brazilian agriculture while failed investors rely largely on domestic (Chinese) capital and staff.

Siu Sue Mark (ISS, Erasmus University) shows the difficulties for Chinese land-based investments in Myanmar, where Chinese business has been dominating for decades. Political changes in Myanmar (i. e.

the end of the military regime), increased the demand from the civil society for socially and environmentally friendly investments, and competition from the Western investors, who offer that kind of investments, forced Chinese enterprises to correct their investment policy.

The rise of the Chinese activity in the global agro-investments gave rise to competition with the traditional centers of agrarian capital in Europe and North America. The left wave in Latin America caused the attempts to become independent from the United States, which traditionally consider those countries as its own backyard. *Ben McKay* (ISS, Erasmus University) studies the case of Bolivia, where Evo Morales' government tries to achieve independence from the US in political as well as economic issues. In those circumstances, Chinese capital (as well as Brazilian) is seen as an alternative. However, it is not clear, whether this substitution is able to change the nature of investment relations, or it just reproduces the old agro-extractivist relations.

The questions of financialization of agriculture were also widely discussed at the conference. *Nadine Reis* (University of Bonn) suggests analyzing agro-extractivism as just a part of the global capital accumulation regime controlled by the global finance. *Shigehisa Kasahara* (ISS, Erasmus University) examines the opportunities of the BRICS New Development Bank to provide an alternative form of the global finance (opposed to the World Bank and International Monetary Fund). *Xing Yang* and *Shuji Hisano* (Kyoto University) investigate the growing financialization of Chinese agriculture, which is spreading through corporate investments with the promotion of government officials. As a result, corporations establish financial control over food chains.

Speakers provided numerous examples of capital accumulation in agriculture in different countries. For instance, *Mural Arsel* (ISS, Erasmus University) drew attention to the non-capitalist (and even non-economic) forms of accumulation (so-called primitive accumulation) and the role of the state (which is often underestimated) on the example of modern Turkey. *Clara Craviotti* (University of Buenos Aires) focuses on intellectual property rights as one of the various mechanisms supporting the global regime of accumulation. She describes its functioning on the example of local producers of genetically modified soybeans in Argentina and their relations with seeds producers (transnational corporations).

The topic of so-called boom crops and their impact on the rise of agro-extractivism, capital accumulation, landgrabbing and rural inequality was discussed during one of the parallel panels. Boom crops are those, of the rising demand and prices on the global food markets. It makes them very attractive for various stakeholders (farmers, investors, financial institutions, state etc.), which try to substitute other forms of agriculture (including traditional crops) with these market "champions". This can change the nature of a regional agriculture

by turning it into exclusively export-oriented monocrop system with all its downsides for rural population.

Helena Perez Nino (PLAAS, University of Western Cape) analyzes the situation with tobacco boom in Southern Africa (Zambia, Zimbabwe, Mozambique, Malawi, and Tanzania). She contends that this boom indicates crisis rather than development. Agricultural liberalization led to the very insecure positions of the local farmers, which tried to get stable access to inputs, finance, machinery, markets etc. Therefore, they became easy prey for tobacco companies, which offered farmers the desired production contracts in the frame of out-grower schemes assuming control over the food chains from global tobacco traders. Thus, tobacco boom appears to be the second stage of agrarian crisis leading to the agrarian changes in large regions. More complex and ambiguous stories came from China. *Yunan Xu* (ISS, Erasmus University) explores the diverse reactions from rural population to the land control changes caused by the rise of industrial tree plantation sector in China (Guangxi province). She shows that villagers do not act collectively as a cohesive group (or class) resisting against land dispossession. She distinguishes between two groups: included in the value chains created by large-scale newcomers, and excluded from the value chains. Therefore, villagers' reaction to the changes in land control dramatically differs. *Chunyu Wang* (COHD) presented the case of sugarcane industry, which also demonstrated uncertain consequences and diverse reactions of rural population varying from acceptance to struggle.

I finish this short review of the conference with the resistance issues. Indeed, many presentations were about the costs of capitalist agriculture. However, it faces various countermovements from below. Thus, many presentations were devoted to the diverse forms and aspects of the resistance in different parts of the world. *Tijo Salverda* (University of Cologne) provides the review of victories and defeats in the struggle between agro-extractivist corporations and its countermovement, which includes NGOs, local and peasant movements, scholars, journalists, etc. *Eric Hoddy* and *Jonathan Ensor* (University of York) provide a case study of Brazil's landless movement (MST). They analyze ideological aspects of human rights discourse, which constitutes the common ground for MST activists. They reveal the dynamics of the discourse distinguishing the sequence of three stages from 1984 to 1995. This dynamics reflects the changing claims of MST members. *Fabiano Escher* and *Sergio Schneider* (University of Rio Grande do Sul) examine the alternatives for the dominating global food regime in Brazil and China. They suggest the notions of "alternative food networks" and "new nested markets" for challenging agrarian countermovements, which the authors conceptualize in Polanyian "double movement" term. The alternative food practices refer to ecological agriculture, new relations (first of all, direct negotiations) between farmers and consumers (beyond the dominating

infrastructure and institutions established by corporate farming), and certification (food quality issues). The authors underline that alternative forms of food production and distribution should be analyzed from the positive perspectives, i. e. as establishing new relations, networks, institutions, organizations, etc., and not just from the perspectives of confrontation with the dominating food regime. The cases of Indian bottom-up rural resistance were presented by *Awanish Kumar* (St. Xavier's College) and *Silva Lieberherr* (University of Zurich). Those movements have risen in the situation of internal caste-feudal system combined with the increasing dependence from the global markets inducing the extension of farmers' suicides. The presented case studies demonstrate the diverse nature of the movements of taking into account the regional (as well as many other) contexts instead of assuming the similarity of the global bottom-up rural resistance. The report by *Bernardo Mancano Fernandez* (Sao Paulo State University) and *Philip Hirsch* (University of Sydney) demonstrates the findings of the comparative study of responses to the agro-extractivist practices in Brazil and the Mekong region. The nature of those responses is determined by various factors including the views and actions of agro-extractive capital, local governments and smallholders.

The overall impression of the conference is that every year it gathers scholars, who try to promote the alternative visions of the agrarian development worldwide. Their common enemy is the existing neoliberal paradigm of economic growth, which is criticized (more or less radically) mostly from the left (socialist, communist, Marxian etc.) perspectives. The most popular terms in the discussions were accumulation, landgrabbing, exploitation, dispossession, extractivism, financialization, commodification, resistance, struggle, etc. Together these concepts describe the drawbacks of the capitalist neoliberal economic model in agriculture and rural development. Therefore, the empirical data presented at the conference were collected from the non-Western world, mostly from oppressed and exploited regions in Africa, South Asia and Latin America as well as from the most subaltern classes like smallholders, peasants, and rural population at large.

«Пути России. 1917–2017: сто лет перемен»

Е. С. Никулина

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-172-175

24–25 марта 2017 года состоялся XXIV международный симпозиум «Пути России. 1917–2017: сто лет перемен», организованный Междисциплинарным академическим центром социальных наук (Интерцентр), Московской высшей школой социальных и экономических наук (МВШСЭН) и Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, при поддержке Фонда Розы Люксембург и Фонда Фридриха Науманна. Главная интеллектуальная тема этого года, конечно, заключалась в осмыслении столетнего юбилея Русской революции, ее значения для современности.

На открытии симпозиума с приветственным словом выступили президент МВШСЭН профессор *Теодор Шанин* и руководитель Фонда Розы Люксембург в Москве *Керстин Кайзер*. На пленарном заседании было заслушано четыре доклада.

Александр Рабинович (Университет Индианы, США), автор знаменитой книги «Большевики приходят к власти», опубликованной более 30 лет назад, охарактеризовал современное отношение к Русской революции в мировой историографии. *Александр Никулин* (ИПЭИ, РАНХиГС при Президенте РФ) в докладе «Русские утопии: 1917–2017» обратился к утопиям Александра Чаянова и Андрея Платонова и сопоставил их с некоторыми современными российскими социально-экономическими проектами, также несущими в себе некоторые утопические элементы.

Андрей Клепач (Внешэкономбанк) в выступлении «Российская экономика: как преодолеть отставание от развитых стран и роль ценностей справедливости, свободы и эффективности» сделал обзор некоторых показателей социально-экономической динамики развития России и ряда зарубежных стран за сто лет, отметив важное значение нравственных ориентиров в устойчивости долговременных социально-экономических перемен. *Глеб Павловский* (журнал «Гэфтер») в докладе «Государство vs Революция: сто лет неопределенности» дал политологический анализ взаимоотношений власти и общества в России.

Далее работа симпозиума продолжалась по нескольким секциям. Остановимся подробно на секции «*Мгновения и вечность перемен: революция, эволюция, утопия*», поддержанной Фондом Розы Люксембург, под руководством *Теодора Шанина* и *Александра Никулина*, и посвященной истории и современности провинциальной и сельской России.

Тематика докладов была разнообразна и охватывала вопросы о соотношении революционных и эволюционных изменений в сельско-городской России XX—XXI веков, а также ее соседей Польши и Германии, оценки реалистичности и утопичности различных социальных проектов и планов преобразований как в целом российского общества, так и составляющих его классов, страт, групп, сообществ, пространств и культур. Полимасштабность времени и места, макро-, мезо-, микро- и, наконец, персонально-личностные уровни анализируемых явлений сельско-городской России также оказались в центре внимания участников секции.

Исторический блок докладов открыла *Татьяна Савинова* (Российский государственный архив экономики) выступлением «Организационно-производственная школа в 1917 году», в котором она охарактеризовала использование идей А. Н. Челинцева, А. В. Чайнова, Н. П. Макарова, А. А. Рыбникова, А. Н. Минина в аграрных реформах 1917 года. *Николай Кедров* (Вологодский государственный университет) продолжил темой «Коллективизация российского крестьянства: генезис проблемы в постсоветской историографии, основные исследовательские стратегии и дискуссионные вопросы», воссоздав широкий спектр научных и идеологических взглядов на коллективизацию в современной российской историографии, призвал к выработке новой концепции коллективизации.

В докладе «Советское: „светлое прошлое“ или то, что не хочется вспоминать» *Светлана Игнатова* и *Олег Божков* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) проанализировали рефлексии респондентов своего социологического исследования о советском образе жизни, обнаружив при этом ряд парадоксальных моментов, отчасти связанных с поколенческими особенностями опрашиваемых.

Польский коллега *Роман Кисель* (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша) в докладе «Трансформации в сельском хозяйстве Польши» представил широкую панораму польских постсоциалистических аграрных преобразований, основанную на разнообразных социально-экономических данных. Темой выступления немецкого исследователя *Штефана Мерля* (Билефельдский университет, Германия) стала драматическая история постсоциалистических аграрных преобразований в Восточной Германии. В нем он отметил целый ряд удач и неудач ее современного сельского хозяйства.

Изучению современного состояния сельско-городских сообществ были посвящены следующие доклады. *Артемий Позаненко* (Лабо-

ратория муниципального управления НИУ ВШЭ) в выступлении «Пространственно изолированные и самоизолирующиеся локальные сообщества как старые и новые тённисовские общности в современной России» привел интересные сведения из жизни современных родовых поместий и экопоселений России, обнаружив в их существовании целый ряд системных закономерностей, связанных прежде всего с понятиями пространственной изоляции.

В докладе «Ретроспективный анализ изменений местной системы расселения» *Александра Фомкина* (Тверской государственной университет) на примере одного из сельских районов Тверской области проанализировала вековые пространственные изменения глубинки северного Нечерноземья, а *Галина Пивовар* (географический факультет МГУ) на другом примере — одного из районов Тульской области, рассказала о «Трансформации сети дорог в сельской местности как индикаторе трансформации уклада жизни сельских сообществ».

Сергей Толстов и *Ольга Усольцева* (Томский гуманитарный лицей) в сообщении «Томская земля как принимающая переселенцев сторона до и после 1917 года. Феномен колхоза-деревни» представили пространственную эволюцию томских сел и деревень на протяжении XX века, уделив особое внимание колхозному периоду томской сельской местности.

Бурную дискуссию вызвал доклад *Дмитрия Rogozina* (РАНХиГС при Президенте РФ), который, по результатам нескольких социологических проектов, посвященных исследованию мировоззрения респондентов преклонного возраста, сформулировал социально-экзистенциальные особенности взглядов старейшего поколения граждан РФ на историю и современность.

Отдельный блок докладов касался проблем местных муниципалитетов Сибири и Урала. Выступления *Алие Сергиенко* и *Ольги Ивановой* (Алтайский филиал РАНХиГС при Президенте РФ) было посвящено теме «Сокращение миграции и „закрепление“ сельской молодежи: утопия или реальность? («Алтайский проект»); *Вера Болотова* (Оханский район, Пермский край) рассмотрела многообразные сельские инициативы в муниципалитетах своего района; *Ольга Фадеева* (ИЭОПП СО РАН, Новосибирск) исследовала особенности современных муниципальных социально-экономических взаимоотношений между местной властью и местным населением. *Валерий Виноградский* и *Ольга Виноградская* (РАНХиГС при Президенте РФ) в сообщении «Городская „десантура“ как фактор сельских неформальных экономических практик» проанализировали свежие кейсы неформальной экономики в сельской местности Саратовской области; *Александр Шелудков* (Институт географии РАН, Совет муниципальных образований Тюменской области), используя местные карты, продемонстрировал направления экономической концентрации агропроизводства в пригородных зонах Тюменской области.

В заключение работы секции выступили трое известных социальных географов из Института географии РАН. *Андрей Трейвиш* в докладе «Пространство России и волны ее модернизации» аргументированно описал циклическую эволюцию российской модернизации, сопоставив ее с опытом зарубежных стран в широком социокультурном контексте. *Татьяна Нефедова* продемонстрировала долговременную динамику российских сельско-городских изменений, обнаружив некоторые устойчиво воспроизводящиеся сельско-городские характеристики в различные периоды российской истории. Развитием тем двух предыдущих докладов явилось выступление *Владимира Каганского* «Ландшафт России 1917–2017: инварианты и разрывы». Признавая историческую преемственность ландшафтных изменений в России, докладчик указал на несколько новых оригинальных трансформаций современного российского ландшафта.

По результатам работы симпозиума будет опубликован сборник научных статей.

Е. С. Никулина
«Пути России.
1917–2017:
сто лет перемен»

**Paths of Russia. 1917–2017:
A Century of Transformations**

Ekaterina Nikulina, Researcher, Centre for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-172-175

Крестьяноведение

2017. Том 2. № 2

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 26.06.2017. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1394.
Тираж 300 экз.

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Издательский дом ДЕЛО